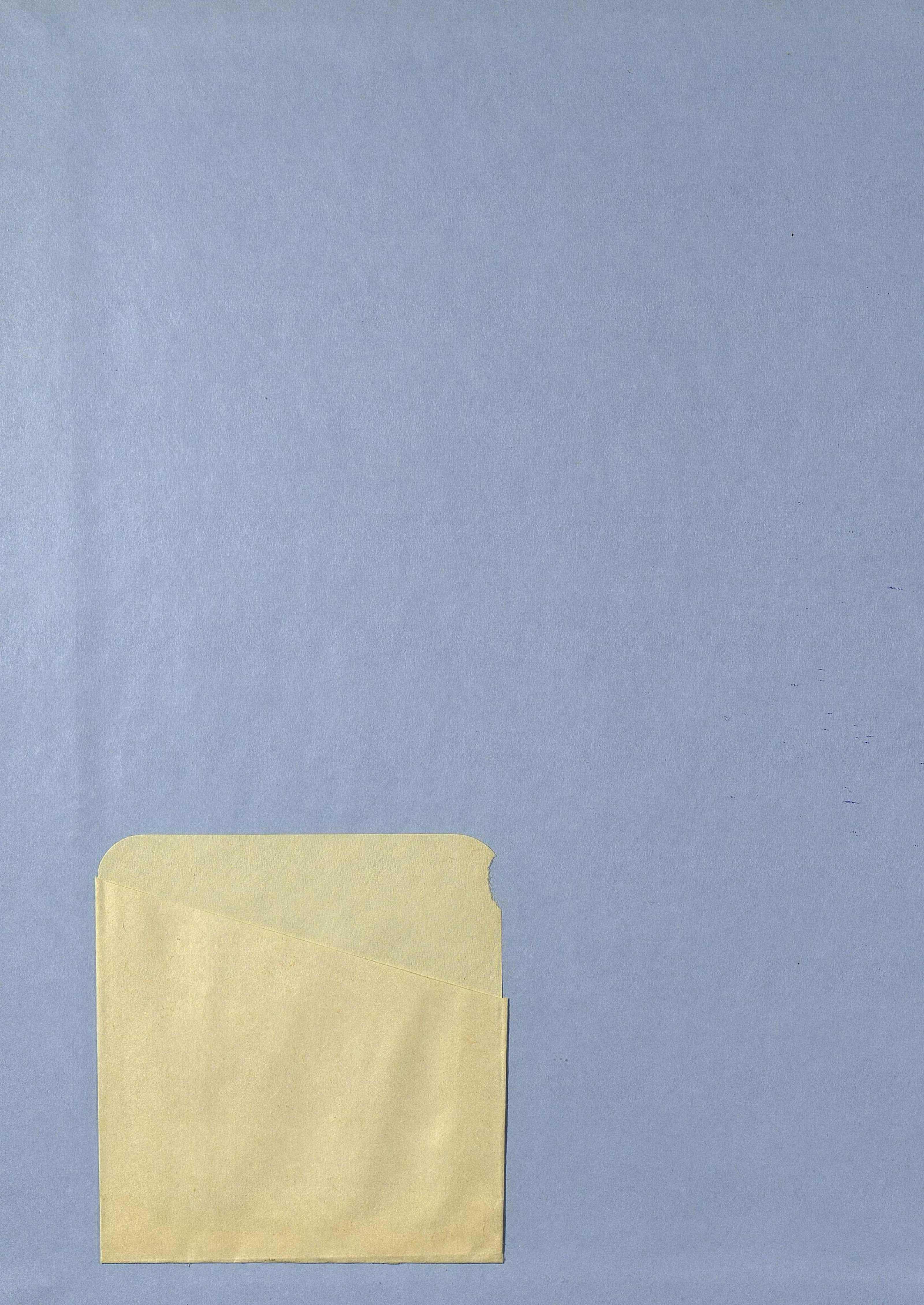

ЗИМНЯЯ ПОѢЗДКА

ВЪ

БѢЛОЗЕРСКІЙ

КРАЙ.

Познаніе мѣстностей, особенно *дѣвственнаго* Сѣвера, приложенное къ преданіямъ и документамъ старины, способно озарить наше Дѣеписаніе живымъ свѣтомъ *истины*. Сюда, опытные наблюдатели!

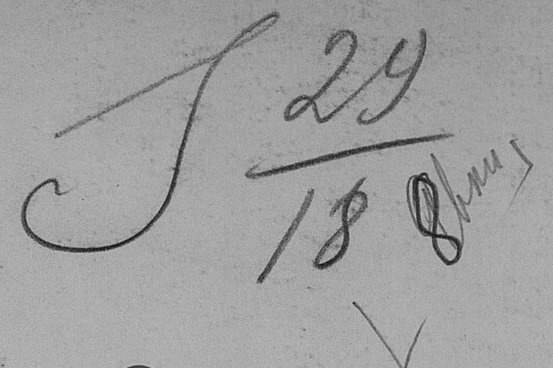
П. М. Строевъ.

Многое уже погибло невозвратно. *Многое пропадаетъ съ каждымъ днемъ*. Старина наша исчезаетъ и уноситъ народность съ собой.

Гр. В. А. Соллогубъ.

МОСКВА. 1902.

2010456439

Зимняя поѣздка въ Бѣлозерскій край.

Познаніе мѣстностей, особенно *дѣвственнаго* Сѣвера, приложенное къ преданіямъ и документамъ старины, способно озарить наше Дѣеписаніе живымъ свѣтомъ *истины*. Сюда, опытные наблюдатели!

П. М. Строевъ.

Многое уже погибло невозвратно. *Многое пропадаетъ съ каждымъ днемъ*. Старина наша исчезаетъ и уноситъ народность съ собой.

Гр. В. А. Соллогубъ.

Графъ Павелъ Шереметевъ.

Москва.
Синодальная Типографія.
1902.

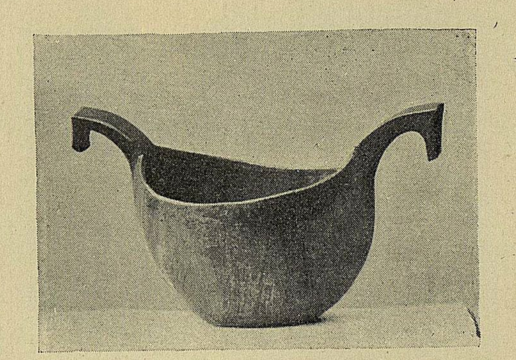
Дозволено цензурою. Москва. Марта 3 дня 1902 года.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Графу Алексѣю Алексѣевичу

БОБРИНСКОМУ.

Скобкарь.

Годъ съ небольшимъ назадъ, на святкахъ, направились мы вдвоемъ съ Графомъ А. А. Бобринскимъ къ предѣламъ Бѣлаго озера. Цѣль поѣздки была охотничья. Попутно намѣревались мы чередовать охоту съ развѣдываніемъ помѣстной старины. Неудачная охота содѣйствовала второй цѣли нашей. Мы пробыли двѣ недѣли въ Кирилловскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи, большею частью вблизи Ѳерапонтова монастыря и недалеко отъ Кирилло-Бѣлозерскаго, а затѣмъ перемѣстились въ Петропавловскую волость того же уѣзда, прежде называвшуюся Вѣщеозерской, къ сѣверу отъ озеръ Бѣлаго и Кубинскаго по направленію къ озеру Воже, или Ча́ронда, по Каргопольскому тракту. За эти немногіе дни набралось само собой, пристало, такъ много впечатлѣній изъ видѣннаго и слышаннаго, что невольно, вернувшись ко дворамъ, захотѣлось привести въ порядокъ собранное. Сравнительно рѣдкія посѣщенія этого края, вслѣдствіе трудности путей сообщенія, заставляютъ предложить вниманію читателей накопившіеся матеріалы. Они расположены въ томъ порядкѣ, какъ наростали. Здѣсь нѣтъ цѣлей ученаго изслѣдованія. Хотѣлось, напротивъ, сохранить характеръ дневника поѣздки, да вмѣстѣ съ записью главнымъ образомъ ряда памятниковъ народной словесности показать, что много еще таится любопытнаго въ глухихъ краяхъ Руси, обнаруживаясь даже случайному и поверхностному взору путешественника, если только онъ не проходитъ мимо холодно и равнодушно.

Уборы.

21 Февраля, 1902.

Се удалихся, бѣгая и водворихся въ пустыни.
Псаломъ 54, ст. 8.

Мы выѣхали изъ Москвы 21 декабря 1900 года. Поѣздъ отошелъ въ полночь. Позади остался вокзалъ Ярославской желѣзной дороги съ его неуклюжими колоннами изъ лабрадора, некстати связанными съ бѣднымъ потолкомъ станціи, талантливыми картинами Коровина изъ жизни русскаго сѣвера, потерянными въ грязныхъ залахъ и портретомъ строителя Архангельской дороги, работы Цорна. Осталась позади и Москва съ недавней сутолокой только что закончившагося губернскаго земскаго собранія. Мы удобно помѣстились въ большомъ отдѣленіи и проспали до утра, проснувшись передъ самымъ Ярославлемъ. Между поѣздами было болѣе двухъ часовъ и мы не спѣшили. Спросили кофе и читали «Сѣверный Край»,—мѣстную газету, выходящую въ Ярославлѣ, а потомъ, не спѣша, сѣли на извощика. Множество церквей древней архитектуры отрадно поразило наши взоры. По сторонамъ,—и направо, и налѣво, и прямо—виднѣлись большею частію пятиглавые храмы. Кое-гдѣ древность смѣшана съ современностью. Особенно настойчиво торчатъ новыя колокольни. Направо вдали каѳедральный Успенскій соборъ съ фресками подъ крышей и испорченной, или даже новой, безобразной колокольней; прямо, сейчасъ за мостомъ, обнесенный бѣлой каменной стѣной съ воротами, на самомъ берегу Которосли, впадающей въ Волгу, Спасскій монастырь. Его старая звонница неудачно подновлена; появились готическія, стрѣльчатыя арки. А рядомъ у берега цѣлый караванъ замерзшихъ баржъ, укрывшихся отъ Волжскаго ледохода. Налѣво красная церковь

XVII вѣка съ цѣлымъ поясомъ изразцовъ. Широкія улицы, бѣлый, какъ вездѣ съ колоннами, Александровскій гостиный дворъ, маленькіе каменные дома, неряшливые, съ отбитой штукатуркой, иногда съ колоннами первой половины столѣтія, просыпающійся городъ, театръ, широкій бульваръ, потомъ спускъ внизъ подъ большую арку, цѣлая вереница пожарныхъ, извощики съ пассажирами и багажемъ, обозы, пѣшеходы.... Мы выѣхали на широкій просторъ покрытой снѣгомъ Волги. Налѣво вдали выступала черным пятномъ сосновая роща. Лошадь быстро взяла крутой берегъ и черезъ минуту мы подъѣхали къ Вологодскому вокзалу съ вывѣской: «Урочь». Грязная станція была биткомъ набита уже народомъ. Франтоватый земскій начальникъ, въ форменной фуражкѣ, съ сумками черезъ плечо и номеромъ «Новаго времени» за пазухой, громко бранился въ буфетѣ, увѣряя, что нигдѣ не видалъ такого вокзала. Оказалось, что напрасно мы такъ рано пріѣхали. Время уже вышло, но поѣздъ нашъ не трогался съ мѣста. Я подошелъ къ одному изъ служителей съ вопросомъ, когда же мы поѣдемъ. Купецъ добродушнаго вида, стоявшій близко, коротко отвѣчалъ: «сегодня». Оказалось, что не пришелъ багажъ и его ожидаютъ. Наконецъ мы двинулись.

Дорога прошла быстро. Мы читали, завтракали, спали, опять читали газеты и только что, и весьма кстати, вышедшую «Озерную область», третій томъ, издающейся подъ редакціей П. П. Семенова, В. И. Ламанскаго и В. П. Семенова, «Россіи». Незамѣтно подошли къ послѣдней большой станціи передъ Вологдой—Грязовецъ, а черезъ часъ были въ Вологдѣ, садились на извощика и мчались въ гостинницу «Золотой Якорь», по завѣренію извощика, лучшую въ городѣ. Комнаты не оказалось, а должна была освободиться только послѣ десяти часовъ вечера. Пока внесли вещи внизъ, въ грязный номеръ. Кое-какъ отмывшись, пошли обѣдать.

Въ общей столовой сидѣла цѣлая компанія молодыхъ людей, частью студентовъ. Повидимому, они засѣдали уже давно и были на взводѣ. Служитель говорилъ, что они постоянно такую жизнь ведутъ, когда пріѣзжаютъ съ работы. Ихъ было человѣкъ восемь. Ихъ громкій разговоръ привлекъ наше вниманіе. Къ тому же никого другого въ столовой не было. Одинъ въ черномъ платьѣ

и бѣлой рубашкѣ съ воротничками, подстриженный, съ pince-nez на носу, и вѣроятнымъ налетомъ марксизма и болѣе другихъ пьяный, остальные менѣе нарядные. До насъ долетѣли звуки. Послышались слова: *накопленіе*. Очевидно шелъ теоретическій разговоръ о капитализмѣ. При нашемъ приходѣ общій разговоръ прекратился и перешелъ въ болтовню, среди которой раздавались иногда даже короткія нѣмецкія фразы съ дурнымъ произношеніемъ. Кто-то, наливъ водки, передъ тѣмъ, чтобы выпить, брякнулъ: *Иже въ девятый часъ насъ ради*.... и опрокинулъ рюмку. Подали счетъ, который былъ громко прочитанъ. Тутъ была водка, потомъ борщъ, битки, пиво, опять водка, чай, селедка, еще водка.... квасъ. На подоконникѣ мраморный Александръ I глядѣлъ, улыбаясь, на это юное общество.

— Петръ Ивановичъ, какъ это вы можете, утромъ чай да баранки на весь день и чувствуете себя хорошо?

— Я недѣлю не ѣлъ горячаго и чувствую себя совершенно *нормально*,—отвѣчалъ тотъ....

Часть ихъ снялась съ мѣста и, направившись къ выходу безъ признаковъ особенной твердости походки, куда-то уѣхала. Мы собрались вечеромъ покататься по городу. Хотѣли заѣхать къ мѣстному археологу Суворову, члену-корреспонденту Общества Письменности, но, наведя справку, узнали, что года полтора тому, какъ онъ умеръ. Мы взяли извощика и поѣхали въ книжный магазинъ Тарутина. Онъ оказался еще не закрытымъ. Тамъ нашли нѣсколько брошюръ о Вологодскомъ краѣ. Книгопродавецъ разсказалъ, что Вологодское общество больше читаетъ научныя книги, и въ ходу популярныя изданія Павленкова и Поповой, а помѣстныхъ изданій мало и ихъ почти никто не читаетъ. Оттуда мы поѣхали вокругъ всей Вологды, мимо мужской гимназіи, длиннаго зданія съ колоннами и вновь выстроеннымъ этажемъ, дома губернатора, черезъ рѣку Вологду по мосту и на-лѣво по набережной, мимо губернской земской управы, старой церкви и опять черезъ рѣку къ собору. Въѣздъ въ гору очень хорошъ: прямо противъ древній соборъ съ куполами; на-право хвойная роща. Мы долго еще катались. Обиліе деревьевъ, аллеи, сады, поражали. Множество особняковъ, типичныхъ и уютныхъ, съ какою-то особой имъ

присущей печатью благородства, иные съ колоннами, мезониномъ, высокими окнами. Извощикъ на ходу называлъ, кому какой домъ принадлежитъ и принадлежалъ. Мы узнали, что въ прежнее время на Дворянской улицѣ жили исключительно помѣщики, а теперь ихъ почти не осталось, все купцы. Изъ уцѣлѣвшихъ онъ назвалъ нѣсколько старыхъ именъ. Вернувшись въ гостинницу, мы еще застали противъ нашего временнаго грязнаго номера то же шумное общество провожающихъ товарища прокурора, а черезъ нѣсколько времени перешли на верхъ въ болѣе чистое помѣщеніе, гдѣ благополучно и проспали до семи часовъ утра.

На другое утро, 23 декабря, лошади были уже рано поданы и насъ дожидались. Надо было спѣшить, чтобы пріѣхать на мѣсто пораньше, а путь 120 верстъ слишкомъ. Ямщики везли отлично и мчали отъ станціи до станціи полнымъ ходомъ. Вотъ пролетѣли мимо Спасо-Прилуцкаго монастыря съ его длинными стѣнами и склонившейся колокольней и садомъ внутри монастыря, гдѣ похороненъ поэтъ К. Н. Батюшковъ. Останавливаться было некогда, къ тому же монастырь этотъ былъ уже знакомъ по одной поѣздкѣ еще нѣсколько лѣтъ назадъ въ Устюгъ Великій. Замелькали церкви высокія, каменныя, бѣлыя, пятиглавыя, часто одного облика. Ихъ было множество. Мы въѣзжали въ равнину Кубенскаго озера. Вотъ и оно показалось, покрытое ровнымъ бѣлымъ покровомъ. Широкія дали уходили впередъ. Я не замѣтилъ, какъ прилетѣла послѣ 28 верстъ скачки первая станція—село Кубенское, съ двумя церквами и базарными каменными лавками. Станціонная изба была чиста. Мы усѣлись завтракать, пока перекладывали лошадей. Въ комнатѣ было прибрано. Въ углу стоялъ кіотъ съ образами, среди которыхъ виднѣлась рѣдкая икона Распятія съ выпуклыми бѣлыми костяными изображеніями, на стѣнахъ потемнѣвшій масляный портретъ Суворова, какого-то митрополита и другіе. Мы разговорились съ хозяйкой. Она разсказала о мѣстныхъ промыслахъ, что крестьяне «рыбу копотятъ», навагу, но что теперь ея стало мало. Прежде возили съ сѣвера, а теперь по машинѣ. Живутъ хорошо, нищихъ нѣтъ. Не франтятъ, дѣвушки въ платочкахъ ходятъ, а шляпъ не заводятъ. А. Б. предложилъ вымѣнять поразившій насъ образъ. Хозяйка наотрѣзъ отказала. Оказалось, что онъ давно-

Село Кубенское, нѣкогда вотчина Салтыковыхъ.

шній, еще при прежнихъ хозяевахъ, которые примерли, родителяхъ ея покойнаго мужа, привезенъ изъ Москвы, и что̀ другое, а его не отдастъ. Лошадей запрягли и мы спѣшили продолжать путь. Проворный мальчикъ помогалъ выносить вещи. Мать видимо имъ гордилась, какъ онъ все дѣлаетъ «юркó».

Вторая станція, также 28 верстъ, все вдоль длиннаго Кубенскаго озера. По пути встрѣчались подводы съ кожами. Вдали показался на озерѣ Каменный островъ съ церковью, прежде Спасо-Каменнымъ монастыремъ. Мы въѣхали въ село Новленское въ базарный день. Множество народа гуляло на улицѣ посреди села. Женщины въ богатыхъ шубкахъ зеленаго, малиноваго и другихъ цвѣтовъ бархата, повязанныя широкими цвѣтными, яркими, большею частію красными, платками на головахъ. Двѣ или три были даже въ шляпкахъ.

Противъ станціонной избы насупротивъ помѣщалась земская больница, какъ о томъ свидѣтельствовала прибитая на доскѣ надпись. Я послалъ свою карточку съ просьбой посмотрѣть больницу и, получивъ отвѣтъ отъ врача, отправился. Шелъ пріемъ. Докторъ, молодой человѣкъ, недавно на этомъ мѣстѣ, видимо былъ удивленъ посѣщенію. Я сказалъ, что, проѣзжая мимо, хо-

тѣлъ посмотрѣть, какъ устроены больницы Вологодскаго земства. Онъ предложилъ посмотрѣть больницу и, окончивъ съ больнымъ, повелъ. Пріемная—тѣсная маленькая комната въ верхнемъ этажѣ, столъ, небольшой шкафчикъ съ инструментами, больше ничего. Рядомъ комната съ койками, затѣмъ другая. Больныхъ было мало. Бѣдность и грязь. Мы зашли въ кухню. По стѣнамъ кишѣли миріады таракановъ. Въ нижнемъ этажѣ также было помѣщеніе, но тамъ было холодно и коекъ не стояло. Больница была въ наемномъ помѣщеніи. Она существовала уже давно. Я вернулся въ избу.

Мы спросили чаю. Выговоръ рѣчи хозяйки былъ очень типиченъ и я записалъ за ней, что могъ. Она бранилась съ какой-то женщиной, которая оказалась совсѣмъ чужой и только занесла свои мѣшки въ избу и просила позволенія имъ полежать «малехонько, малехонько». Оказалось, что хозяйка позволила однажды погрѣться кому-то на печкѣ, а та «портки удула».

— Сляндаетъ, сляндаетъ.... напостынетъ.... Пріѣдутъ торговать, да и бродятъ по избамъ.... идутъ гриться.

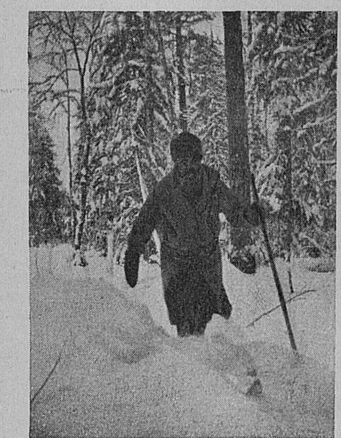
Отъ нея мы узнали, что въ селѣ есть министерская школа, гимназисты въ Питенбургъ ѣздятъ. Когда мы расплачивались, хозяйка замѣтила: «какъ можно васъ оброчить».

Третья станція была Гора, 34 версты. Уже темнѣло. Вдали гдѣ-то очень далеко на горизонтѣ стали видны едва замѣтные клубы дыма. Это нѣсколько заводовъ: лѣсопильный, бульонный и другіе. Отъ Горы до Устья, цѣли нашего пути, считаютъ также около 34 верстъ. Когда мы подъѣхали, уже было совсѣмъ темно.

Въ просторномъ, чистомъ деревянномъ домѣ Устья насъ ожидалъ горячій обѣдъ и уже поваръ суетился въ своемъ бѣломъ одѣяніи. А. Б. снимаетъ избу эту для охотничьихъ пріѣздовъ. Тутъ встрѣтило насъ заранѣе обдуманное удобство и можно было думать, что мы гдѣ нибудь въ небольшой уютной усадьбѣ. Весело свѣтили лампы подъ широкими абажурами и обдавалъ запахъ поданнаго обѣда. Псковичъ Семенъ встрѣтилъ извѣстіемъ, что есть три круга лосей и всѣ недалеко одинъ отъ другого. Вечеромъ пришелъ хозяинъ дома, какъ потомъ оказалось, большой поклонникъ просвѣщенія и книжникъ. Ихъ мы скоро отпустили. Послѣ долгаго пути лучшее было хорошо выспаться.

На другой же день, 24 декабря, мы выѣхали не рано, около 11 часовъ въ лѣсъ, верстъ за восемь. Пересѣкши озеро и, оставивъ на-право на горѣ церковь Раменье, скоро въѣхали въ лѣсъ. На деревьяхъ висѣла небольшая *гиря,* такъ называютъ нависшія на вѣтвяхъ хлопья снѣга. Узкая извилистая дорога побѣжала корытомъ, ровная, мягкая, а по сторонамъ безконечный хвойный лѣсъ.... Наслажденіе.... Вдыхаешь всей грудью этотъ животворный воздухъ. Далеко отъ шума и пошлой суеты. Тишина.... Только скрипятъ сани, тыкаясь по сторонамъ на частыхъ поворотахъ извилистой дороги и падаютъ клочья снѣга съ нависшихъ вѣтвей. Парѳенъ покрикиваетъ на лошадей, запряженныхъ гусемъ, какимъ то особеннымъ напѣвомъ: У.... у.... о.... о.... а.... а.... э.... э....

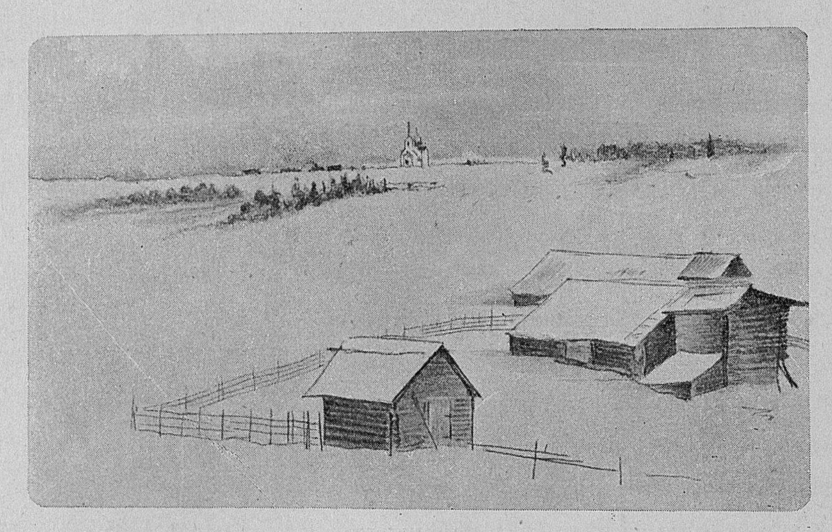
На углу просѣка высокій старикъ встрѣтилъ насъ со словами: «ѣдьте на Фафуру»; такъ называется одна лѣсная сторожка недалеко отъ рѣчки Вазы. Мы скоро пріѣхали къ мѣсту, гдѣ стоялъ народъ, но охотниковъ еще не было. Они провѣряли кругъ. Пришлось дожидаться долго. Тишина въ лѣсу полная. Народъ стоитъ тихо, боясь испугать звѣря. Изрѣдка трескъ раздастся гдѣ нибудь вверху высокой ели, застучитъ дятелъ, или защебечетъ птичка. На землѣ остатки бурелома, обнесенные снѣгомъ. Свѣтлыя прогалины кое-гдѣ перебиваютъ черноту темныхъ стволовъ, большею частію осинъ и елей. Дожидаясь, вступили въ разговоръ съ лыжниками. Чей-то отецъ тридцать медвѣдей убилъ на овсѣ. Дѣвки стали бѣгать; мужики рѣшили: «грѣются, ходу просятъ». Вотъ нѣсколько особенностей мѣстнаго нарѣчія: *огнетутся* лыжи о снѣгъ, вмѣсто углубятся; *отемнали;* ловча*ѣ*; штукъ съ сотню *сгонилъ* тетеръ; *жу*летка; сей годъ мало зайц*ей* было.

Лыжникъ.

Наконецъ охотники пришли съ досаднымъ извѣстіемъ, что во всѣхъ трехъ кругахъ лоси вышли. Еще было совсѣмъ свѣтло. Поэтому по дорогѣ домой завернули въ церковь, что въ Раменьѣ. Она новая, постройки 1818 года. На этомъ же почти мѣстѣ была пре-

жде старая, деревянная, сгорѣвшая во время грозы отъ молніи. Ей приписывалось 600 лѣтъ. Въ церкви шла перестройка. Въ ней было мало примѣчательнаго. На чердакѣ валялось нѣсколько старыхъ иконъ, да остатокъ деревянныхъ царскихъ вратъ, впрочемъ не особенно любопытныхъ. Съ горы, на которой расположена церковь, открываются просторные виды во всѣ стороны. Кругомъ у ногъ стелется безъ конца лѣсная равнина. По разсказу отца нашего хозяина, которому говорилъ его отецъ, прежняя церковь была сѣвернаго, шатроваго типа. Она была очень высокая, «огромная» и «на слуху выше не могли найти». Отецъ говорилъ: «вотъ на Цыпинской въ половину ниже нашей». Цыпина гора, на которой шатро-

Устье съ церковью, что на Раменьѣ.

вая церковь, находится недалеко. Это лучшее мѣсто для обозрѣнія окрестностей. Крыша старой церкви была шатровая, деревянная, крыта тесомъ. Загорѣлась съ самой главы. Колоколъ сдернули и одинъ только иконостасъ успѣли снести. Какъ вошли въ церковь, огонь уже въ середку. Да и иконостасъ не весь успѣли вытащить. Была въ церкви явленная икона, сгорѣла тутъ. Прежде церковь была не на этомъ мѣстѣ, а на другомъ, за воротами, а на мѣстѣ стараго престола «три струба были срублены». Была возлѣ озера и старая часовня, но она уже сгнила. По времени была «съ тѣхъ временъ съ церковью стояла». Отецъ говорилъ: «церковь сгорѣла, сгниваетъ и часовня». Были въ церкви и старыя иконы, да «лики потерялись».

Изъ разспросовъ про звѣря мы узнали отъ того же отца нашего хозяина, старика Никиты, что «нынче волковъ около лѣтъ двадцати и званья нѣтъ», а раньше было ихъ много и «медвѣди» были «изстари», что олени были. Лосей прежде никогда не было: «мы не слыхали слуху лосей, они послѣ французской войны проявились». Сначала удивлялись, какіе лоси; говорятъ: звѣрь *«порный»*, то есть сильный.

Не много сохранилось рукописнаго въ церкви Зачатія св. Анны, что на Раменьѣ. Изъ межевой книги видно, что 1779 года іюня 26 дня по указу ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны Самодержицы Всероссійской и пр. и пр. учинена межа въ Кирилловскомъ уѣздѣ въ Надпорожскомъ стану, что по исчисленію земли состоитъ пашенной 63 десят. 336 кв. саж., сѣнного покосу 1 десят. 2100 саж., лѣсу дровяного и строевого 184 десят. 1698 саж. Подъ поселеніемъ, огородомъ и коноплянникомъ 2014 саж., подъ церковью и кладбищемъ 1100 саж., подъ дорогами 2 дес. 2100 саж., подъ рѣчкой Кашинкой и полурѣчкой Анисимовкой 1462 саж. Всего всѣхъ угодьей 254 дес. 1220 саж., а за исключеніемъ неудобной 250 дес. 1248 квадр. саж., что при семъ межеваніи были: церкви Зачатія св. Анны, что въ Раменьѣ, священникъ Петръ Михайловъ и повѣренные отъ Лосевской и Раменской волостей деревни Захарьина, а отъ казенной стороны повѣренного отъ Кирилловскихъ Судебныхъ мѣстъ не прислано, понятыя стороннія люди того же Кирилловскаго уѣзду разныхъ вотчинъ крестьяне, а именно экономическаго вѣдомства Волокославинской волости деревни Кудрина, деревни Филимонова, деревни Климушина, деревни Осанова, деревни Холмовой, деревни Челпанова, деревни Борку, деревни Скокова, вотчины поручика Алексѣя Алексѣева сына Головина, деревни большого Дитятьева сокольи помытчики, деревни Данилова, деревни Большого Закозья, да деревни Меньшого Закозья. У подлинной межевой книги въ рукоприкладствѣ пишутъ тако. Къ сея межевой книги церкви Зачатія св. Анны, что въ Раменьѣ священникъ Петръ Михайловъ руку приложилъ. Къ сея межевой книги дому дворянина Василія Ивановича Козлова служитель его Данила Ивановъ.

Кромѣ этой межевой бумаги сохраняется на восьми листахъ рукописный сборникъ въ $^1/_4$ полууставомъ начала XIX в., безъ переплета. Заглавіе 1-й статьи: «Мѣсяца іюля во третій день слово

являя мѣсто и время и віну во иже явися святая Риза пречистыя Богородицы Маріи: яже лежитъ въ честнѣмъ ковчезѣ ей же покланяются Влахернѣ». Начало: «Святая нѣкая и великая тайна Божіимъ человѣколюбіемъ явлена в нашихъ не предо многі ли лѣты і роды быша....» Съ листа шестого идетъ другая статья: Житіе и чудеса святымъ безмездникомъ и чудотворцемъ Козмѣ и Даміану. Начало: «Господу нашему Іисусу Христу родившуся и явльшуся на земли всяка лесть разорися и бѣсовская служба упразднися. Бысть же во времена та христіана жена и говѣина и боящися Бога, именемъ Ѳеодотья....»[1])

25 декабря собрались къ обѣднѣ. Сперва думали ѣхать въ ближайшій Ѳерапонтовъ монастырь, отъ котораго Устье въ 7 верстахъ, но, подъѣхавъ, услыхали, что только начинаютъ благовѣстить. Тогда рѣшили ѣхать въ Кирилло-Бѣлозерскій. Переѣхали черезъ Бородавское озеро и, миновавъ цѣлый рядъ стоящихъ на берегу вѣтряныхъ мельницъ, быстро сдѣлали остававшійся пятнадцати-верстный путь и скоро увидали вдали, въ открытыхъ со всѣхъ сторонъ поляхъ, величественныя, бѣлыя крѣпостныя стѣны знаменитаго въ русскихъ лѣтописяхъ монастыря съ его внушительными башнями и главами монастырскихъ церквей. Два года назадъ минуло 500 лѣтъ, какъ преподобный Кириллъ изъ Московскаго рода Вельяминовыхъ основалъ эту обитель. Монастырь лежитъ у самаго берега Сиверскаго озера, теперь снѣжной равнины, при впаденіи рѣки Свіяги. Нашъ разсчетъ оказался ошибочнымъ. Въ Кирилловѣ служили рано и обѣдня давно отошла. Мы сказали встрѣчному монаху, что хотѣли бы отслужить молебенъ. Онъ отвѣчалъ: «А вотъ сейчасъ въ колокольчикъ *побрякаемъ*». Мы любопытствовали, почему въ Ѳерапонтовѣ обѣдня только еще начиналась, а здѣсь давно кончилась. Монахъ отвѣчалъ: «Да тамъ отецъ Павелъ обѣдню восемь часовъ служитъ....» На звонъ колокола скоро явился священникъ съ однимъ послушникомъ. Мы отстояли молебенъ у раки преподобнаго Кирилла. Служба ничѣмъ не отличалась отъ обыкновенной, только тропарь пропѣли какимъ то особеннымъ напѣвомъ. *Яко кринъ пустыни Давидски процвѣлъ еси, отче Кирилле, злострастія терніе искореняя....* пропѣли монахи, видимо древнимъ напѣвомъ.

Въ тепломъ придѣлѣ собора немногое остановило наше вниманіе, только царскія врата, да складень надъ ракой древняго письма, да серебряная обложка самой раки съ изображеніями изъ житія святаго, устроенная Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ, скончавшимся въ монастырѣ и принявшимъ схиму подъ именемъ Ѳеодосія. Вычеканенная надпись говоритъ: «При державѣ Государя царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича.... здѣлалъ сію раку Преподобному Чудотворцу Кириллу Бѣлозерскому, по обѣщанію, Боляринъ Ѳедоръ Іоанновичъ Шереметевъ, при игумене Антоніе и при келаре старце Савватіе Юшковѣ, лѣта 7151 то есть 1643».[2])

Мы попросили разрѣшенія осмотрѣть подробно монастырь. Пришелъ о. казначей, еще не старый іеромонахъ, который привѣтливо пошелъ насъ водить. Прежде всего мы зашли въ церковь, бывшую трапезную. Здѣсь интереснаго, кромѣ самыхъ стѣнъ, ничего не было, все было новое. Потомъ пошли въ ризницу. Тутъ, не смотря на холодъ и небольшой свѣтъ, мы накинулись на открывшіяся передъ нами сокровища и при бѣгломъ осмотрѣ не могли не обратить вниманія на нѣсколько великолѣпныхъ чашъ,— изъ нихъ одна даръ Грознаго,—кадилъ, панагій, крестовъ, малыхъ складней. Мы такъ стремительно накинулись на эти все небольшой величины предметы, что о. казначей, кажется, не на шутку испугался, того гляди и выхватятъ незамѣтно какую-нибудь драгоцѣнность: посѣтители съ «археологическими» стремленіями народъ опасный. Къ сожалѣнію, приходилось въ душѣ сознаться, что явный страхъ сопровождавшаго насъ о. казначея могъ имѣть основанія.... Развѣ мало исчезло такимъ образомъ сокровищъ у насъ и перешло въ частныя руки!? Въ шкафу увидали нѣсколько рукописныхъ евангелій на пергаментѣ съ прекрасными лицевыми изображеніями евангелистовъ, пергаментную псалтырь 1424 года съ превосходными заставками и богатую икону Божіей Матери, впрочемъ довольно поздняго письма, со слѣдами фрязи—даръ жены Князя Ив. Ал. Воротынскаго, княгини Анастасіи Львовны, 1680 года. Въ сосѣдней комнатѣ хранились ризы. Здѣсь видѣли мы мухояровую ризу преподобнаго Кирилла, сосудъ изъ бересты, въ которомъ носилъ онъ воду, котелокъ и вериги.... Цѣлый рядъ шитыхъ плащаницъ, одна на другой, лежали тутъ же.

Мнѣ захотѣлось найти даръ Ѳедора Ивановича Шереметева, который, какъ я зналъ изъ описанія, долженъ былъ храниться въ ризницѣ. Послѣ долгихъ исканій наконецъ добрались до этой плащаницы. Она была тонкой работы и шита шелками и золотомъ. Ѳедоръ Ивановичъ пожертвовалъ ее въ 1645 году для церкви Кириловскаго подворья въ Москвѣ. На плащаницѣ вышито, по малиновой камкѣ, золотомъ и серебромъ и по мѣстамъ шелками, положеніе Іисуса Христа во гробъ. Внутри вышита золотомъ надпись: «Лѣта 7153 Ноября въ 8 день далъ сей покровъ въ домъ Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія и Преподобнаго Чюдотворца Бѣлоезерскаго в Ѳѳонасьевскій монастырь на Кириловское подворье Бояринъ Ѳедоръ Шереметевъ по женѣ своей по Марьѣ Петровнѣ да по сынѣ своемъ младенце Мокѣе по своихъ родителехъ». По угламъ четыре серафима, шитые золотомъ и между ними ирмосъ: «*Не рыдай мене мати возирающе во гробѣ его же пѣлотию безъ семени зачала еси сына востану бо и славено буду и вознесуся со славою не молченно яко Богъ вѣрою и любовию тя величающая*».[3])

Библіотека сильно опустошена. Множество рукописей увезено въ Петербургъ и находятся въ Духовной Академіи и другихъ даже частныхъ рукахъ. Лѣтъ 30 назадъ множество ихъ попало на рынокъ.... Описаніе рукописей монастыря, составленное въ XV вѣкѣ, опубликовано историкомъ монастыря Н. К. Никольскимъ въ изданіяхъ Общества Любителей Древней Письменности въ 1897 году.

Холодный соборъ съ величественнымъ иконостасомъ и живописью по стѣнамъ произвелъ тягостное впечатлѣніе. Вся стѣнная живопись возобновлена, какъ это видно изъ надписи на стѣнѣ, въ 1838 году.... Теперь, вмѣсто стараго письма, вновь худо прописанное ярко лоснится отъ масляной краски. Это истребленіе тѣмъ болѣе обидно, что стѣнная живопись была частью написана на пожертвованныя Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ, въ началѣ царствованія царя Алексѣя Михайловича, 500 рублей. Только при боковомъ входѣ уцѣлѣлъ кусочекъ древней фресковой живописи, да входныя двери аркой, съ колонками. Иконостасъ также весь позолоченъ; а на знаменитой иконѣ Божіей Матери Одигитріи на-лѣво

Фотогр. Гр. П. С. Шереметева

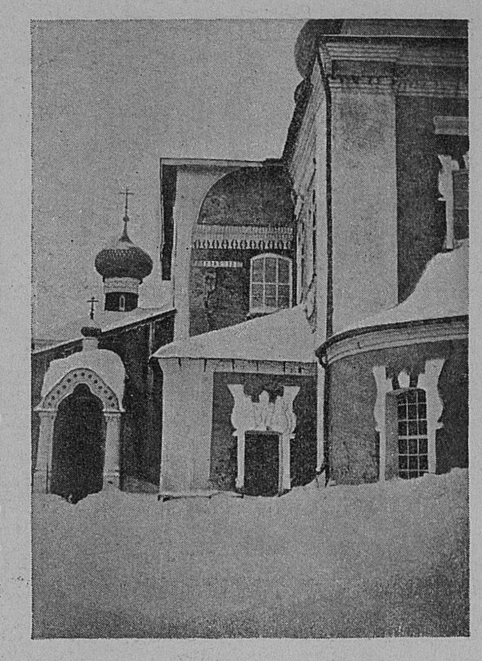
Фототипія П. П. Павлова.

Церковь св. Епифанія надъ могилами князей Телятевскихъ

Церковь св. Владиміра надъ могилами князей Воротынскихъ выстроен. въ 1554 г.

Соборъ Успенія Пресвятой Богородицы, выстроен. въ 1497 г.

отъ царскихъ вратъ сдѣлана огромная уродливая деревянная золоченная рама, часть которой скрываетъ великолѣпныя, старыя, серебряныя, кованыя царскія врата—даръ Царя Михаила Θеодоровича 1643 года. Прежній входъ въ соборъ былъ по срединѣ, а не съ лѣвой стороны, какъ теперь; но папертъ сняли и воздвигли цѣлую каменную четыреугольную пристройку. При этой перестройкѣ были уничтожены многія могилы лицъ, погребенныхъ подъ ея сводами. Такъ исчезли всѣ могилы Шереметевыхъ. Исчезли и могилы кн. Телятевскихъ.[4]) Сохранились лишь кн. Воротынскихъ....[5]) Изъ одной рукописи Софійской библіотеки видно, гдѣ лежали Шереметевы. Тамъ сказано:

Мѣсто прежней паперти.

Иванъ Васильевичъ Большой во иноцѣхъ Іона.

Сынъ его Еремѣй Ивановичъ.

Дочъ ево княгиня Кайбулова инокиня Агафія.

Иванъ Васильевичъ Меньшой Шереметевъ.

Сынъ ево Федоръ Ивановичъ Шереметевъ.

Сынъ Федоровъ Алексѣй Федоровичъ Шереметевъ.

Григорій Васильевичъ Шереметевъ.

Федора Ивановича Шереметева семья инока Ефросинія, надъ нею камень подписанъ.

Лежатъ во паперти по лѣвую сторону дверей.

Никита Васильевичъ Шереметевъ лежитъ за алтаремъ, у большія церкви.[6])

Теперь могилы эти гдѣ-нибудь подъ поломъ, или, можетъ быть, даже уничтожены.... Итакъ здѣсь у этой паперти схороненъ цѣлый рядъ лицъ все одной семьи. Время не пощадило памятниковъ прошлаго: папертъ эта въ концѣ XVIII столѣтія, по усердію архимандрита Іакинθа, была передѣлана и *обновлена*. Нельзя не повторить

вмѣстѣ съ А. П. Барсуковымъ, что *у насъ на Руси слова эти имѣютъ роковое значеніе....*

Прерву теперь на нѣкоторое время описаніе нашего обозрѣнія Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и позволю себѣ обратиться къ памяти поименованныхъ усопшихъ, пользуясь замѣчательнымъ трудомъ только что названнаго историка: «Родъ Шереметевыхъ».

Въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ похоронены почти всѣ дѣти *Василія Андреевича Шереметева.* Поэтому начну съ него. Извѣстно, что царь Иванъ Васильевичъ Грозный говорилъ о немъ: «Или не вѣсте Шереметева Василья? вѣдь его *бѣсомъ* звали». Онъ постригся почти одновременно со своимъ родственникомъ Ѳедоромъ Степановичемъ Колычевымъ, митрополитомъ Филиппомъ, и роздалъ свои вотчины. Между прочимъ Бѣлозерскому монастырю отдалъ онъ вотчину свою въ Коломенскомъ уѣздѣ, село Чиркино. Впослѣдствіи село это, одно изъ древнѣйшихъ семейныхъ вотчинъ, вернулось въ родъ. Постриженный подъ именемъ инока Вассіана, онъ похороненъ въ Николаевскомъ Антоніевомъ монастырѣ, въ трехъ верстахъ отъ заштатнаго города Краснаго Холма, Весьегонскаго уѣзда, Тверской губерніи. Въ тѣхъ мѣстахъ была его Бѣжецкая вотчина, починокъ Алифинцово, которую онъ промѣнялъ на Кусково. А. П. Барсуковъ думаетъ, что тамъ вообще слѣдуетъ искать первоначальныхъ поселеній ближайшихъ потомковъ Андрея Кобылы. Это имѣетъ косвенное подтвержденіе въ томъ, что въ Тверской губерніи много разъ встрѣчается названіе селеній: Кобылино. Упоминаю объ инокѣ Вассіанѣ также по связи съ пожертвованнымъ имъ въ монастырь Чиркинымъ.[7])

Первый изъ рода Шереметевыхъ, похороненныхъ въ Бѣлозерскомъ монастырѣ, это *Григорій Васильевичъ Шереметевъ.* Въ синодикѣ Московскаго Успенскаго собора сказано: «Лѣта 7056 т. е. 1548, бишася съ людьми Казанскими; и на той брани убіеннымъ: Григорью Васильевичу Шереметеву» и другимъ.... «вѣчная память». Это было послѣ Арской побѣды, когда Московская рать подошла къ Казани и въ теченіи семи только дней стояла подъ самымъ городомъ. Въ кормовой книгѣ Бѣлозерскаго монастыря записано: «По немъ денегъ 150 рублевъ, кормъ съ поставца.... на могилу соборомъ ходятъ».[8])

Иной смертью почилъ братъ его *Никита Васильевичъ Шереметевъ*.... Лютыя казни Грознаго его не обошли. Сохранилось два опредѣленныхъ свидѣтельства, русское и иностранца. Кн. А. М. Курбскій въ сказаніи своемъ говоритъ, «что царь велѣлъ удавить Никиту Васильевича Шереметева, уже въ синклитскомъ сану почтенна суща, мужа храбраго и на тѣлеси отъ варварскихъ рукъ не мало ранъ имуща».*) Еще подробнѣе записываетъ о казни его Петръ Петрей, шведъ, жившій въ Россіи въ началѣ XVII вѣка. Онъ говоритъ, что царь велѣлъ на своихъ глазахъ изрубить его въ куски, а ноги и руки завернуть въ тонкое сукно и послать въ подарокъ женѣ.... Имя его встрѣчается въ синодикахъ Грознаго «по опальнымъ людямъ». Никита Васильевичъ, жертва дикаго и больного звѣрства царя Грознаго, прямой прапрадѣдъ фельдмаршала графа Бориса Петровича и брата его Владиміра Петровича, слѣдовательно *прямой* предокъ обѣихъ линій нынѣ существующихъ.[9])

Другой братъ его *Иванъ Васильевичъ Большой Шереметевъ*, которому въ отсутствіе государя случилось «вѣдать Москву», постригся въ 1570 году въ Кирилловѣ подъ именемъ Іоны. Бѣлозерскій монастырь, по словамъ А. П. Барсукова, стоялъ вдали «отъ лютаго треволненія мірского и привлекалъ къ себѣ своею пустынностью и дѣйствительно былъ истиннымъ пристанищемъ спасенія. Вся окрестность Бѣлозерская еще дышала святостью строгаго пустынножителя, озарившаго свѣтомъ благочестія дальніе предѣлы нашего угрюмаго сѣвера». Онъ долженъ былъ быть ему близокъ, ибо тамъ лежали его братья Григорій и Никита. Удаленіе Ивана Васильевича совпадало съ насильственной кончиной митрополита Филиппа Колычева. Зоркое наблюденіе Грознаго за постригшимся въ монашество бояриномъ и злоба, которой исполнено извѣстное посланіе царя къ игумену Козьмѣ, заставляютъ предположить, что удаленіе Шереметева отъ дѣлъ, въ которыхъ онъ принималъ до того дѣятельное участіе, было протестомъ по отношенію къ царю.

Какъ замѣчательно это извѣстное посланіе со всѣхъ сторонъ! Съ первыхъ же строкъ его смиренное вступленіе: не царю «псу смер-

---

*) Никита Васильевичъ былъ раненъ подъ Выборгомъ въ бою со Шведами въ 1556 году.

дящему» учить другихъ, «самъ бо всегда въ пьянствѣ, и въ блудѣ, и въ прелюбодѣйствѣ, въ сквернѣ, въ убійствѣ, въ грабленіи, въ хищеніи, въ ненависти, во всякомъ злодѣйствѣ....» но «понеже» въ монастырѣ забыли уставъ великаго чудотворца Кирилла «и слабость учинилась и бояре пришедъ свои любострастные уставы ввели.... сего ради малая нѣкая отъ своего безумія изреку вамъ». По словамъ посланія, у Шереметева «и десятый холопъ, который у него въ кельи живетъ, ѣстъ лучше братіи, которые въ трапезѣ ѣдятъ.... Да, Шереметева уставъ добръ, держите его, а Кирилловъ уставъ не добръ, оставите его.... Доколѣ молва и смущенія, доколѣ плища и мятежа, доколѣ рети и шепетанія и суесловія, и чесо ради? Или бѣсова для сына Ивана Шереметева, или дурака для упиря Хабарова?.... У васъ Шереметевъ сидитъ въ кельи что царь, а Хабаровъ къ нему приходитъ, да и иные чернецы, да ѣдятъ, да піютъ что въ міру; а Шереметевъ не вѣсть со свадьбы, не вѣсть съ родинъ, разсылаетъ по кельямъ постныя коврижки и иные пряные составныя овощи, а за монастыремъ дворъ, а на немъ запасы годовые всякіе; а вы ему молчите о таковомъ великомъ, пагубномъ монастырскомъ безчиніи. А иніи глаголютъ, будто-де и вино горячее потихоньку въ келью къ Шереметеву приносили: ино по монастырямъ и фрязскія вина зазоръ, не токмо что горячіе.... Милые мои! Кириловъ доселѣ многіе страны перепитывалъ и въ гладные времена, а нынѣ и самѣхъ васъ, въ хлѣбное время, только бы не Шереметевъ перекормилъ, и вамъ было всѣмъ съ голоду перемерети.... Іона Шереметевъ таково же безъ начала хочетъ жити, какъ и отецъ его безъ начала жилъ: и отцу его еще слово, что неволею, отъ бѣды постригся; да и тутъ Лѣствичникъ написалъ.... А Іону вѣдь Шереметева не кто въ зашеекъ билъ: про что такъ безчинствуетъ?....»

Когда читаешь это посланіе, невольно думаешь, какъ измѣнились въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ у насъ отношенія къ монастырямъ! Какое высокое представленіе о монастырѣ и какая близость къ нему въ этомъ письмѣ царя....

Были ли примѣнимы къ Шереметеву тѣ мѣры, которыхъ требовалъ далѣе Грозный? «Къ сожалѣнію,—говоритъ А. П. Барсуковъ,— «на этотъ счетъ не сохранилось рѣшительно никакихъ извѣстій и даже неизвѣстно о времени кончины многострадальнаго инока Іоны,

одно имя котораго когда-то наводило ужасъ на Крымцевъ». Князь Курбскій, говоря объ удаленіи Шереметева въ монастырь, заноситъ въ свое сказаніе: «и не вѣмъ, аще тамъ не повелѣлъ ли уморити его». Въ кормовой книгѣ монастыря записано: «Ноября въ 12 день по Иванѣ Васильевичѣ Шереметевѣ Большомъ, въ иноцѣхъ Іонѣ, кормъ съ поставца въ синодики написанъ. Дачи его денегъ и судовъ серебреныхъ и платья и лошадей и дворъ.... да сельцо Бутово. А за то даяніе кормити по немъ два корма. Второй кормъ мая въ 27 день. Попъ прибылой служитъ. Пища хлѣбы бѣлые, рыба; пироги подовые, квасъ ячной.... Лежитъ у большой церкви въ паперти, на лѣвой сторонѣ. На могилу ходятъ соборомъ».[10])

Іеремія Ивановичъ Шереметевъ, единственный сынъ Ивана Васильевича Большого, вѣроятно жилъ при отцѣ. Онъ похороненъ «у большой церкви на паперти, на лѣвой сторонѣ». О немъ извѣстно очень мало.[11])

Сестра его и дочь Ивана Васильевича Большого Шереметева *Агаѳья Ивановна* вышла за мужъ за царевича Михайла Кайбуловича, крестившагося въ православную вѣру и измѣнившаго свое прежнее имя Муртаза-Али, родного внука Астраханскаго царя Абдуллы-Ахъ-Кубека. Агаѳья Ивановна жила съ мужемъ своимъ въ Звенигородѣ, данномъ ему Грознымъ въ пожизненное владѣніе. Послѣ смерти мужа она постриглась въ монахини, сперва въ Московскій Рождественскій, а потомъ въ Горицкій дѣвичій, лежащій на берегу Шексны, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Кирилло-Бѣлозерскимъ. Когда въ 1605 году туда была заточена Ксенія Борисовна Годунова, она еще застала Агаѳью Ивановну. Поступая въ Горицкій монастырь, старица Агаѳья Ивановна дала вкладомъ въ Кириловъ двѣ свои вотчины: село Щапово, Коломенскаго уѣзда, и село Юрцево, Ростовскаго уѣзда, да ожерелье жемчужное, да бархатъ, да жемчугъ.... И за то ей, сказано въ кормовой книгѣ, давати на годъ, въ Горы, отпущати годового запаса. Она погребена подлѣ своего брата Іереміи «у большей церкви въ паперти, на лѣвой рукѣ.»[12])

Иванъ Васильевичъ Меньшой Шереметевъ, прозваный такъ въ отличіе отъ своего старшаго брата, палъ при осадѣ Ревеля въ 1578 году, во время войны со Шведами. Современный Ливонскій лѣтописецъ Balthasar Rüssow, въ хроникѣ своей говоритъ, что Иванъ Ва-

сильевичъ, котораго онъ называетъ Iwan Wasiliewitz Selimetin Kolzow, прощаясь съ Грознымъ поклялся, что добудетъ Ревель, или не вернется живымъ предъ его свѣтлыя очи. Одинъ свидѣтель осады упоминаетъ о немъ, говоря, что «этотъ Iuan Zelmâth былъ такой необузданный, отважный, свирѣпый и хитрый человѣкъ, что даже русскіе боялись его.» Иванъ Васильевичъ сдержалъ слово. Въ рѣдчайшей книгѣ, называющейся: Warhaffliger Bericht des Reuelshen Kriegs.... подробно описано печальное событіе 7 февраля 1578 года. Наканунѣ рокового дня, говоритъ лѣтописецъ, къ ночи наши вывели передъ городскими воротами Лемпфорте, у горы св. Тенніеса, новый шанецъ, устроенный изъ стоговъ сѣна, телѣгъ и туровъ. На другой день Ревельцы, подъ прикрытіемъ пушечной пальбы съ крѣпостныхъ стѣнъ, бросились ко вновь устроенному шанцу, зажгли сѣно дегтярными вѣниками и принялись выбивать русскихъ изъ окоповъ. Ивана Васильевича Шереметева видѣли въ это время на самомъ шанцѣ, на горѣ. Замѣтивъ, что наши дрогнули отъ стремительнаго натиска Ревельцевъ, онъ слѣзъ съ коня и гналъ назадъ своихъ ратниковъ, пустившихся бѣжать изъ окоповъ. Очевидецъ повѣствуетъ, что Шереметевъ, будучи не въ силахъ удержать бѣглецовъ, кидался «какъ неистовый бѣшеный медвѣдь» и, хлопая руками, кричалъ: «ловите ихъ, ловите ихъ!» Въ этотъ моментъ онъ упалъ, смертельно раненый ядромъ въ ногу, послѣ чего былъ перенесенъ въ лагерь и на третій день, 10 февраля, скончался. Разсказывали, что когда сбѣжались доктора, чтобы оказать помощь, онъ промолвилъ, отказываясь отъ помощи: «На то воля Божья!»—Хотя еще въ 1558 году онъ писалъ съ братомъ своимъ Никитой, чтобы «какъ Богъ пошлетъ по наши души, ино насъ положити у Живоначальныя Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ,» но онъ, также какъ и братъ его, похороненъ въ Кирилловѣ. Лежитъ рядомъ съ братомъ своимъ Григоріемъ, убитымъ, какъ и онъ, въ ратномъ бою, подъ стѣнами Казани, почти тридцать лѣтъ передъ этимъ.[13])

Здѣсь же похороненъ и *Өедоръ Ивановичъ Шереметевъ.* Имъ полны два тома исторіи А. П. Барсукова, второй и третій. Походъ временъ Скопина Шуйскаго и кн. Пожарскаго, весьма близкое участіе въ избраніи на царство земскимъ соборомъ Михаила Өеодоровича Романова, миръ въ Деулинѣ и Поляновкѣ.... но невозможно въ ко-

роткихъ словахъ коснуться жизни человѣка, о которомъ Екатерина въ своемъ Антидотѣ сказала: «эти люди памятниковъ достойны». Остановлюсь на нѣкоторыхъ подробностяхъ, рисующихъ отношенія Ѳедора Ивановича лишь къ Кирилло-Бѣлозерскому монастырю. Сдѣлать это тѣмъ легче, что сохранилась драгоцѣнная, въ бытовомъ отношеніи, переписка его съ братіей монастыря по поводу смерти его сына Алексѣя Ѳедоровича Шереметева, именно девять писемъ Ѳедора Ивановича и три черновыхъ отписки монастыря. Документы эти были пріобрѣтены у букиниста.... и, хотя они напечатаны А. П. Барсуковымъ, приведу ихъ здѣсь, какъ ярко рисующіе черты быта первой половины XVII вѣка.

Въ концѣ сентября 1632 года Ѳедоръ Ивановичъ писалъ: «Въ пресвятую и великую обитель Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія и великаго преподобнаго Кирила Бѣлозерскаго чюдотворца, господамъ игумену Ѳеодосію да келарю Аврамію да казначею Варѳоломѣю еже о Христе зъ братьею Ѳедоръ Шереметевъ челомъ бью. Пожалуйте, велите ко мнѣ писать о своемъ душевномъ спасеніи и о тѣлесномъ здравіи, какъ васъ Богъ душевне спасаетъ, а тѣлесне милуетъ. А похотите вѣдать про меня, и язъ на Москвѣ въ своихъ безконечныхъ настоящихъ бѣдахъ августа по 30 день только живъ. Августа въ 28 день, судомъ Божіимъ, сына моево Олексѣя не стало, а погребенъ на Москвѣ у васъ въ Оѳонасьевскомъ монастырѣ*); а по первому зимнему пути привезу ево къ вамъ въ Кириловъ монастырь. И вамъ бы насъ пожаловать, велѣть ево написать въ сенадики, въ вѣчной и въ литѣйной, и поминать по своему монастырьскому чину, какъ у васъ ведетца. А язъ вамъ господамъ своимъ челомъ бью».

Черезъ нѣкоторое время, 22 сентября, Ѳедоръ Ивановичъ отправилъ новую грамотку, въ которой писалъ: «Послалъ, господа, язъ къ вамъ съ людми своими, съ Жданкомъ Зиновьевымъ да съ Пашкою Милюковымъ съ товарищи, три жеребца: жеребецъ аргамачей, да жеребецъ домашней, да жеребецъ Нагайской—иноходь; да шесть кобылъ аргамачихъ, да пять кобылъ иноходныхъ, да тридцать кобылъ,

---

*) Подворье это Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря находилось въ Кремлѣ у Фроловскихъ воротъ, что теперь Спасскія, и было сломано въ царствованіе Екатерины II.

а каковы жеребцы и кобылы аргамачьи и иноходные шерстью и лѣты и примѣты, и тому послана роспись подъ сею грамоткою. А тридцать кобылъ велѣлъ язъ взять въ Костромской своей деревнишкѣ въ Борисоглѣбскомъ Жданку Зиновьеву да Пашкѣ Милюкову съ товарищи и отослать къ вамъ въ монастырь. И вамъ бы, господа, жеребцы и кобылы у людей моихъ по росписемъ взять во вкладъ по душѣ сына Олексѣя; а за сколько за вкладъ тѣ жеребцы и кобылы возмѣтя, и про то пожалуйте ко мнѣ отпишите».

Послѣ этихъ двухъ грамотокъ Ѳедоръ Ивановичъ послалъ новую 14 октября, въ которой писалъ: «Да жаловать бы вамъ велѣть приготовить мѣсто, гдѣ мнѣ погресть тѣло сына своево Олексѣя, велѣть выкопать и выкласть кирпичемъ тутъ-же, гдѣ у васъ лежатъ родители мои, подлѣ отца моево Ивана Васильевича, то мѣсто, что язъ, будучи у васъ въ монастырѣ, себѣ оставилъ; а подлѣ тово порожнево мѣста погребено тѣло жены моей Еуѳросиньи. А язъ къ пречистой Богородицѣ и къ Кириллу чюдотворцу къ вамъ въ монастырь повезу тѣло сына своево по первому зимнему пути, какъ рѣки станутъ. И вамъ бы пожаловать къ моему прiѣзду мѣсто изготовить, гдѣ погресть тѣло сына Олексѣя подлѣ дѣда ево, а моево отца Ивана Васильевича».

Отвѣтъ Бѣлозерскаго монастыря пришелъ въ Москву 11 ноября. Иноки писали: «Государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русiи великому болярину государю Ѳедору Ивановичю царьскаго богомолья Успенiя пречистые Богородицы Кирилова монастыря игуменъ Ѳеодосей съ братьею Бога молимъ и челомъ бьемъ. Пожалуй, государь, вели къ намъ писати о своемъ по Бозе благомъ пребыванiи и о здравiи какъ тебя, государя, милосердый Христосъ сохраняетъ. А пожалуешь, государь, по вѣрѣ своей поволишь вѣдати про домъ пречистые Богородицы и предивнаго въ чюдесехъ великаго чюдотворца Кирила и опщей нашъ Творецъ и Содѣтель всемилостивый въ Троице славимый Христосъ Богъ нашъ домъ Матере своея и угодника своего великаго чюдотворца Кирила строитъ, якоже святая благодать его волитъ, октября по 21 день здорово и нашему окоянству по неизреченной своей милости щедротъ ради своихъ неизреченныхъ терпитъ по тожъ число телесне въ живыхъ, а души болящiя во гресехъ онъ Содѣтель целити

мощенъ. Писалъ ты, государь, къ намъ въ монастырь, что въ прошломъ 140 году августа въ 28 день, судомъ Божіимъ, сына твоего Алексѣя Ѳедоровича въ животѣ не стало, а погребенъ на Москвѣ на нашемъ монастырьскомъ подворьѣ, въ Оѳонасьевскомъ монастырѣ; а по первому зимнему пути ты, государь, привезешь-де тѣло его къ намъ въ Кириловъ монастырь, и по твоей, государь, грамотѣ про то намъ вѣдомо. И мы, государь, по твоей грамотѣ сына твоего Олексѣя Ѳедоровича имя написали во всѣ сенадики въ вѣчной поминокъ, доколѣ и обитель сія святая стоитъ. Да послалъ ты, государь, къ намъ въ монастырь съ людьми своими со Жданомъ Зиновьевымъ съ товарищи и прислалъ подъ грамотою своею подклеену роспись сколько по сынѣ своемъ Алексѣѣ Ѳедоровичѣ послано въ домъ пречистые Богородицы и великому чюдотворцу Кирилу вкладомъ жеребцовъ и кобылицъ аргамачьихъ и Нагайскихъ и Рускихъ. И по твоей, государь, грамотѣ и по росписи лошади пригнали къ намъ въ монастырь октября въ 18 день здорово. И мы, государь, пересмотря лошади по росписи, на соборѣ оцѣнили жеребцы и кобылицы за триста рублевъ; а сверхъ того, Ѳедоръ Ивановичъ, какъ тебѣ, государю, годно написати ихъ цѣною вкладомъ, и тебѣ бы, государь, пожаловать велѣти къ намъ о томъ отписати, и мы, государь, по твоей грамотѣ во вкладныя книги напишемъ и вкладную противъ тово за руками къ тебѣ пришлемъ. И мы тебѣ, государю, челомъ бьемъ и о твоемъ многолѣтнемъ здравіи должни Бога молити соборне и келейне. Буди, государь, здравъ и многолѣтенъ и покровенъ десницею всемогущаго вышняго Бога нынѣ и во вѣки. Аминь».

Оцѣнкой отправленныхъ лошадей Ѳедоръ Ивановичъ остался недоволенъ. Отвѣчая 22 ноября на эту грамоту, онъ писалъ: «А въ лошадиной оцѣнкѣ воленъ Богъ да вы, чѣмъ естѣ ихъ оцѣнили; а аргамачьи да иноходные кобылы самъ язъ ихъ знаю, послалъ язъ ихъ къ вамъ изъ подмосковные своей деревни; а тридцать кобылъ стадныхъ велѣлъ язъ послать къ вамъ изъ Костромскіе своей деревни людемъ своимъ, а язъ самъ ихъ не знаю. И тово не вѣдаю, каковы кобылы къ вамъ посланы, добры ли или середніе или осышные а людишка мои ко мнѣ писали, что послали къ вамъ кобылы добры. И вамъ бы, господа, пожаловать взять

лошади по середней цѣнѣ, а не по дешевой, а триста рублевъ имъ дешевая цѣна; а за буланой жеребецъ давали мнѣ 45 рублевъ, а за коуро-чалой жеребецъ съ чубариною давали 33 рубли, а за саврасо-чалой иноходой жеребецъ, какъ онъ былъ цѣлъ до хромоты, данъ 16 рублевъ. А кобылы аргамачьи и иноходные иные куплены а иные домашніе; а которые въ тѣхъ купленные, и худая аргамачея меньши 9 рублевъ не куплена, а иноходная меньши 5 рублевъ не куплена. А въ томъ воленъ Богъ да вы, за што пожалуетя, возмѣтя; а за триста рублевъ мало, пожаловать бы взять вамъ за четыреста рублевъ и вкладная пожаловать ко мнѣ прислать. А отъ меня въ монастырь вашъ по сынѣ Олексѣе, сверхъ тово вкладу, и вотчинная дача будетъ, только государь и государь патріархъ пожалуютъ поволятъ дать вотчину».

Старцы Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ отвѣтъ на это прислали вкладную «въ четыре сотъ рублехъ» и извѣщали Өедора Ивановича, что они «ожидаютъ его къ себѣ пріѣзду съ тѣломъ сына Алексѣя Өедоровича» и что могила усопшему приготовлена «подлѣ его дѣда Ивана *Ивановича*». Өедоръ Ивановичъ не могъ конечно пропустить безъ замѣчанія такую ошибку, какъ искаженіе отчества отца своего Ивана Васильевича Шереметева и онъ укоризненно писалъ: «Господа, вамъ самимъ вѣдомо, что отецъ мой Иванъ Васильевичъ, а не Иванъ Ивановичъ; старые мы у васъ въ монастырѣ вкладчики, а не новые, лзѣ вамъ вѣдать; а хотя и новые у васъ въ монастырѣ вкладчики и у васъ есть записныя книги вкладомъ, мочно вамъ вѣдать, чей кто сынъ, и тово невѣдомо для чево такъ написано.»

Вмѣстѣ съ Өедоромъ Ивановичемъ въ концѣ ноября по первопутку повезли тѣло Алексѣя Өедоровича: Князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій, да князь Никита Ивановичъ Одоевскій, женатый на дочери Өедора Ивановича Шереметева. Изъ села Даниловскаго въ 300 верстахъ отъ Москвы были посланы крестьяне съ грамоткой и двумя досками «надъ сына своего Алексѣя» и только по возвращеніи посланныхъ, поѣздъ продолжалъ свой путь. Въ день прибытія въ знакомое уже намъ село Кубенское, 12 января 1633 года, Өедоръ Ивановичъ отправилъ въ Бѣлозерскій монастырь слѣдующую грамотку: «А похотите вѣдать про меня, и язъ на

стану въ Кубенскомъ генваря по 12 день въ своей безголовной и безконечной бѣдѣ ещо живъ, а ѣду къ вамъ въ монастырь, везу тѣло сына Олексѣя; и вамъ бы, господа, пожаловать отписать и прислать ко мнѣ роспись, сколько у васъ въ монастырѣ всей братіи и сколько соборныхъ старцовъ и священниковъ и дьяконовъ и головщиковъ, и по чему у васъ кормы болшіе и середніе; и по чему, по вашему монастырьскому уложенію, даетца на четыредесятницу ото псалтири и на погребеніи, и по чему сорокоусты въ большомъ храму и въ придѣлехъ, и сколко въ монастырѣ по церквамъ служебъ повсякодневныхъ; и сколко старицъ въ Горахъ въ дивиче монастырѣ, и сколко въ немъ служебъ повсякодневныхъ въ болшихъ храмѣхъ и въ предѣлехъ; и съ коево мѣста мнѣ тѣло сына Олексѣя къ монастырю нести, и прислать бы вамъ пожаловать священниковъ и дьяконовъ, кому итти за гробомъ. А у меня послѣдней станъ будетъ въ вашей плотнишной слободѣ. А самимъ бы вамъ пожаловать встрѣтить по своему монастырьскому чину у святыхъ воротъ; и вамъ бы про то про все ко мнѣ отписать съ человѣкомъ моимъ, кто къ вамъ пріѣдетъ съ сею моею грамоткою. Да декабря 16 день писалъ язъ къ вамъ и послалъ въ монастырь надъ сына Олексѣя двѣ цки государева села Даниловсково со крестьяны деревни Бедриковы съ Степанкомъ Посниковымъ, да деревни Оѳонинской съ Викуломъ Ѳедоровымъ, да деревни Кушегиной съ Гараськой Окинѳеевымъ; и тѣ крестьяне въ Даниловскомъ мнѣ сказывали, что онѣ тѣ цки къ вамъ въ монастырь отвезли и вамъ отдали; а про грамоту сказали, что вы имъ грамоты ко мнѣ о тѣхъ цкахъ не дали, взявъ у нихъ цки, отпустили ихъ безъ грамоты; и вамъ бы, господа, отписать ко мнѣ по грамоткѣ моей, привезли ли къ вамъ цки Даниловскіе крестьяне Степанко Посниковъ съ товарищи, или нѣтъ».

Когда были похороны Алексѣя Ѳедоровича неизвѣстно. Никакихъ подробностей пребыванія въ монастырѣ прибывшихъ и похоронъ не сохранилось. Только въ приходо-расходной монастырской книгѣ глухо сказано, что приходили въ 1633 году помянутыя лица да съ ними еще Иванъ Гавриловичъ Кондыревъ. Вернувшись въ Москву, Ѳедоръ Ивановичъ уже 20 марта того же 1633 года извѣщалъ о своей дачѣ на поминъ сына: «Далъ язъ въ домъ пречистые

Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія и великаго преподобнаго Кирила Бѣлозерскаго чюдотворца въ монастырь по сынѣ своемъ Олексѣе вкладъ на Резани, въ Пронскомъ уѣздѣ, въ Каменскомъ стану, вотчину свою сельцо Никитинское, а Переладниково тожъ, съ деревнями, съ пустошми, а въ ней 24 выти съ полувытью, а крестьянъ 145 человѣкъ, да бобылей 13 человѣкъ, да дворъ боярской, да два двора людцкихъ. Ржи моей сѣяные въ Переладниковѣ и въ Чулковѣ и на Гремякѣ 66 десятинъ: мѣра десятинамъ длина 80 саженъ, поперегъ 40 саженъ; да въ житницахъ яровово сѣменново хлѣба овса на 63 десятины 252 четверти, проса на 3 десятины три полуосмины; маку на 2 десятины. И данную за своею рукою на ту свою вотчину отдалъ язъ на Москвѣ строителю вашему Өѳонасьевсково монастыря старцу Гурью, а велѣлъ ту данную и сю грамотку послать къ вамъ. И вамъ бы, господа, прислать ко мнѣ на ту вотчину вкладная, и язъ къ вамъ пришлю крѣпости, что въ той данной написаны».

Монастырскій служка Ермолай Баскаковъ, отправленный старцемъ Гуріемъ съ этою грамоткой и данною на вкладъ, привезъ слѣдующій отвѣтъ отъ игумена Ѳеодосія съ братіей: «И мы, государь, на томъ твоемъ государеве великомъ неизреченномъ жалованье со всею братьею много челомъ бьемъ, и должны о твоемъ многолѣтнемъ здравіи и о душевномъ спасеніи о всемъ благодатномъ дому твоемъ Бога молить и пречистую его Богоматерь и всѣхъ чюдотворцовъ соборне и келейне; а родителей твоихъ государевыхъ и сына твоего Алексѣя Ѳедоровича безпрестанно поминати, и по немъ братію на указные дни кормити безпереводно доколѣ и святая сія обитель стоитъ. И на ту твою государеву данную вотчину на Переладниково съ деревнями и пустошми вкладную къ тебѣ государю послали за казенною печатью и за своими руками; а ту твою данную вотчину написали во вкладные книги къ прежнему твоему данью, къ четыремъ стамъ рублемъ; а твоего государева сына Алексѣево имя написали въ листъ и во всѣ синодики и въ кормовые книги въ вѣчный поминокъ безъ выгладки».

Вмѣстѣ съ такимъ отвѣтомъ служка привезъ отъ братіи еще рыбу, которую Ѳедору Ивановичу вручилъ самъ старецъ Гурій, строитель Аѳанасьевскаго монастыря, послѣ чего 19 мая Ѳедоръ Ивановичъ

писалъ въ Кирилловъ: «И мая въ 4 день строитель вашъ старецъ Гурей Шишкинъ вкладную вашу на вотчину мою на село Никитинское, а Переладниково тожъ, и грамоту вашу ко мнѣ принесъ; и я на вашемъ благословенiи на вкладной челомъ бью, что вы сына моево Олексѣя за вкладъ написали въ вѣчные сенадики и въ годовые поминки поминать по-двожды въ году; а ту вотчину село Никитинское, Переладниково тожъ, человѣкъ мой Володимеръ Горяиновъ отдалъ монастырю.... Да челомъ бью на вашемъ благословенiи, что по вашему приказу строитель вашъ старецъ Гурей Шишкинъ меня рыбою кормилъ; я же, дастъ Богъ живъ буду, очи ваши увижу, самъ вамъ буду бити челомъ на вашемъ благословенiи».

Смерть сына несомнѣнно была великимъ горемъ для Ѳедора Ивановича. Это видно изъ слѣдующаго письма, которое уже осенью 1633 года онъ послалъ въ монастырь: «Пожаловать игумену Ѳеодосiю да келарю Аврамiю да казначею Ѳедориту и соборнымъ старцомъ и священникамъ и всей братье не займовать мѣста, гдѣ моему грѣшному тѣлу погребену быть. Будетъ мошно вмѣститца межъ сына моево Олексѣя и межъ жены моей (Евфросиньи) гробомъ, ино то мѣсто; а будетъ тутъ тѣсно, ино не велѣть займовать мѣста въ ногахъ у сына моево Олексѣя, гдѣ моему грѣшному тѣлу погребену быть. Да пожаловать отписать къ Москвѣ въ Ѳѳонасьевской свой монастырь къ строителю тово мѣста, гдѣ былъ погребенъ сынъ Олексѣй, займовать и класть въ томъ мѣстѣ никово не велѣть же. А Богъ повелитъ, тутъ погребенной быти женѣ моей Марье у сына своево и у моево у Мокѣя въ ногахъ. А цку на томъ мѣстѣ язъ положу, гдѣ лежалъ сынъ Олексѣй. Да отписать ко мнѣ къ Москвѣ и прислать росписцу, на которыхъ родителехъ моихъ цки попортились и что на цкахъ было подписано, и язъ пришлю цки новые, а подписано на нихъ будетъ тожъ, что было подписано. И пожаловать прислать ко мнѣ ризамъ мѣру, сколь ризы мѣрны дѣлать въ вашемъ отласѣ».

Игуменъ Ѳеодосiй и братiя отвѣчали, что они «на родителехъ его цки досматривали, и на Иванѣ Васильевичѣ, во иноцѣхъ Iонѣ, Шереметевѣ Большомъ камень на немъ развалился, а подпись на немъ: *лѣта 7085 году мѣсяца маiя въ 27 день преставися Иванъ Васильевичъ Шереметевъ Большой, во иноцехъ Iона, на память святаго Священномученика Ѳерапонта въ 12 часу дни.* На Гри-

горьѣ Васильевичѣ Шереметевѣ камень розвалился же и подпись на немъ слиняла же. И тебѣ бы, государю, пожаловати со цками прислати росписи лѣтописецъ, что на томъ Григорьевѣ Васильевичѣ камени подписати. А на иныхъ, государь, на родителехъ твоихъ цки цѣлы. А къ строителю къ Москвѣ въ Ѳѳонасьевскій монастырь старцу Гурью писали, не велѣли мѣста сына твоего Алексѣя Ѳедоровича займовать никому».

Въ отвѣтъ на это Ѳедоръ Ивановичъ писалъ: «И я, господа, цки на дядю на Ивана Васильевича, во иноцехъ на Іону, и на дядю на Григорья Васильевича велѣлъ сдѣлать; а какъ поспѣютъ, и язъ къ вамъ пришлю; а вамъ бы велѣть сыскать въ записныхъ книгахъ по вкладу, въ коемъ году дядя Григорей Васильевичь у васъ въ монастырѣ погребенъ, коли на цкѣ ево надпись слиняла. А то добро, что вы пожаловали во Ѳѳонасьевской монастырь къ строителю отписали тово мѣста, гдѣ былъ погребенъ сынъ Олексѣй, займовать никому не велѣли, и впредь бы вамъ инымъ строителемъ такъ-же приказывать, чтобъ тово мѣста никто не заимовалъ. Будетъ судитъ Богъ, тутъ женѣ моей лечь у сына у Мокѣя. А язъ вамъ, господамъ своимъ, челомъ бью». [14])

На этомъ переписка обрывается....

Возвращаюсь къ прерванному. Съ мѣста прежней паперти и позднѣйшей пристройки были сняты фотографіи (см. с. 19). Послѣ этого о. казначей пригласилъ къ себѣ пить чай. Въ Кирилловѣ онъ еще недавно и переведенъ сюда изъ недалеко лежащаго Новоезерскаго монастыря. Онъ видимо интересовался монастырской стариной, объяснилъ нѣкоторыя подробности, показалъ мѣсто, гдѣ, какъ предполагаютъ, жили бояре, сообщилъ, что недавно нашли въ одномъ мѣстѣ нѣсколько изразцовъ и звалъ еще разъ пріѣхать и осмотрѣть все то, что въ этотъ день мы видѣть не успѣли. Отрадно было видѣть, что онъ не чуждъ былъ интереса къ памятникамъ древности, что къ прискорбію, такъ особенно рѣдко встрѣчается среди духовенства. Онъ принесъ намъ показать имѣвшійся у него разрозненный томъ извѣстнаго сочиненія С. П. Шевырева «Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь» [15]) и описаніе монастыря Н. К. Никольскаго. Это было извѣстное прекрасное изслѣдованіе, безъ преувеличенія можно сказать, лучшее изъ существую-

щихъ описаній монастырей вообще. Больше бы такихъ трудовъ! Вышелъ пока, въ 1897 году, первый выпускъ перваго тома. Онъ одинъ заключаетъ 296+CXII стр. и украшенъ 52 рисунками и хромолитографіями. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать продолженія[16]). Послѣ о. казначея мы были позваны къ о. настоятелю. Перейдя черезъ дворъ, мы вступили въ большой бѣлый домъ въ стилѣ Empire, передъ которымъ стояли высокіе старые кедры. Широкая лѣстница вела на верхъ, гдѣ на площадкѣ по стѣнамъ довольно грубо расписаны виды окрестныхъ монастырей. Настоятель принялъ насъ въ большой свѣтлой комнатѣ, съ дорожками по полу, старинной мебелью и растеніями у оконъ, весьма любезно и, казалось, довольный посѣщеніемъ. Разговоръ съ нашей стороны вращался вокругъ видѣннаго въ монастырѣ, а настоятель больше разспрашивалъ насъ объ охотѣ. Онъ даже самъ разсказалъ случай съ какими-то охотниками, пріѣхавшими въ одно мѣсто недалеко отъ того монастыря подъ Новгородомъ, откуда онъ, какъ мы отъ него узнали, не давно былъ переведенъ. Вызвали охотниковъ на пустой кругъ, поставили ихъ на мѣста, прогнали, а когда никакой медвѣдицы не оказалось, то сказали охотникамъ, что она ушла; и настоятель долго смѣялся: «ушла.... ушла....» Все время онъ былъ очень привѣтливъ. Онъ говорилъ, что монастырь лежитъ въ сторонѣ отъ пути и что мало посѣщаютъ его богомольцы. Видимо, положеніе монастыря въ хозяйственномъ отношеніи было трудное. Еще о. казначей говорилъ намъ, что весь доходъ заключается въ 4000 рубляхъ, на которые нужно поддерживать все. Затѣмъ заговорили о промыслахъ населенія и о движеніи въ Петербургѣ.

— Что это за Петербургъ такой,—проговорилъ настоятель,— все беретъ и ничего назадъ не отдаетъ.

Мы недолго посидѣли и стали прощаться, какъ ни уговаривалъ онъ насъ еще посидѣть. Провожая до дверей, онъ даже предложилъ намъ поохотиться въ монастырскомъ лѣсу:

— Отецъ казначей, нѣтъ ли у насъ медвѣжоночка въ нашей дачѣ? Вотъ бы имъ медвѣжоночка.

Прощаясь, мы выразили надежду еще разъ пріѣхать въ Кирилловъ и осмотрѣть все то, что еще не видали изъ мѣстной старины.

— Я самъ люблю старину,—сказалъ настоятель, провожая до двери.

5

Мы вышли опять черезъ тѣ же большія ворота. За ними открылся видъ на огромной величины стѣны. Надъ въѣздными вратами Казанская башня. Здѣсь въ острогѣ сидѣли когда-то сосланные бояре. На-лѣво самая высокая Московская башня съ *каменными мѣшками.* Прежде сохранялся въ стѣнахъ монастырскій арсеналъ, но теперь все оружіе это вывезено въ Новгородскій музей. Это была настоящая крѣпость и намъ съ гордостью разсказывали о неудачныхъ нападеніяхъ на нее Поляковъ въ 1612 году.

Кирилловъ монастырь посѣтилъ въ концѣ XVIII столѣтія П. И. Челищевъ, авторъ любопытнаго, изобилующаго многими очень цѣнными подробностями и обстоятельными описаніями, дневника путешествія по сѣверу Россіи, изданнаго при Обществѣ Любителей Древней Письменности. Поучительно остановиться на тѣхъ мѣстахъ дневника, гдѣ описывается посѣщеніе Бѣлозерской святыни. Вотъ нѣсколько выписокъ:

«Обыкновенное богослуженіе,—пишетъ Челищевъ,—ежедневно отправляется во обоихъ Успенскомъ и Введенскомъ соборахъ, въ коихъ для сего и ради собирающагося къ заутрени и обѣднѣ тамошняго и пріѣзжающаго народа и наблюдается нѣкоторая чистота; въ другихъ же церквахъ служба бываетъ только въ тѣ дни, когда тѣхъ храмовъ праздники, по чему въ нихъ и чистоты ни малѣйшей не наблюдается, а наипаче въ помянутомъ Предтеченскомъ монастырѣ, гдѣ лишь только отворили мнѣ Предтеченскую церковь, то во оной возлѣ дверей показался суметъ снѣгу, противъ царскихъ дверей на діаконскомъ мѣстѣ куча галичьяго навозу, въ толщину пальца въ два; посреди церкви нашли мертвую галку, ибо по неимѣнію во оной церкви въ верхнихъ окнахъ стеколъ, всѣ кормящіяся въ монастырѣ галки отъ холодной и ненастной погоды имѣютъ убѣжище въ сей церкви. Когда же стали служить молебенъ, то онѣ, какъ бы помогая намъ пѣть, пріударили на своихъ голосахъ внутри жь церкви столь громко, что нашихъ и не слышно было. А въ другой Сергіевской церкви накладено въ притворѣ щепы подъ самый сводъ. При ней въ старинной братской трапезѣ архимандритъ Карпинскій отдѣлываетъ для себя кельи. И въ церкви жъ равноапостольнаго князя Владиміра, что при Успенскомъ соборѣ, по неимѣнію жъ въ ней въ окнахъ стеколъ, весь полъ и князей Воротынскихъ или Поротынскихъ гробницы замело

снѣгомъ и вырытыя изъ земли при копаніи фундамента человѣческія кости въ ней стоятъ просто на носилкахъ не опрятанными по христіанскому обряду опять въ землю. За таковое о церквахъ нерадѣніе нѣкоторые трудники ропщатъ на архимандрита за то, что онъ на починку церквей ежегодно изъ казны получаетъ триста рублей, кромѣ подаянія отъ доброхотныхъ людей; къ тому же изъ штатныхъ служителей имѣючи своихъ мастеровъ, не можетъ починить уже стеколъ, а не только что другое или новое сдѣлать. Архимандричьи и всѣ монашескія кельи въ великомъ безпорядкѣ и нечистотѣ. При архимандричьихъ кельяхъ садикъ изъ нѣскольких большихъ кедровыхъ деревъ, на коихъ по малому числу бываетъ шишекъ».

Любопытно также описаніе, какъ провелъ сочинитель путешествія день имянинъ Императрицы Екатерины II: «24-го числа ноября,—пишетъ онъ,—день тезоименитства Ея Величества я препровождалъ во ономъ Кирилловомъ монастырѣ. Сей день въ городахъ и монастыряхъ, но даже и въ приходскихъ церквахъ, въ разсужденіи церковной церемоніи, отправляется самою лучшею утварью и священническимъ облаченіемъ. Здѣсь же, напротивъ того *) была сія церковная церемонія совсѣмъ не ожидаемымъ мною порядкомъ; ибо 1) звонъ былъ не въ большой, а въ полiелейный колоколъ; 2) имѣючи золотой сосудъ, двѣ со всѣмъ приборомъ жемчужныхъ и множество парчевыхъ ризъ, отправлена была литургія и молебенъ въ простыхъ серебряныхъ сосудахъ, на іеромонахахъ надѣтыхъ простыхъ камчатныхъ, а на архимандритѣ парчевыхъ бѣдныхъ ризахъ, которыя, безъ сумнѣнія, надѣваются въ полiелейныя праздники; 3) притомъ же, не смотря, что у нихъ три проповѣдника: 1) архимандритъ; 2) Ферапонтова монастыря игуменъ Феофилактъ, всегда тамъ по бытности его въ духовномъ правленіи первымъ членомъ живущій; 3) игуменъ же, учитель семинаріи Пахомій,—не точію изустно говоренной, но и по книгѣ читанной проповѣди не было; 4) во весь оный день, какъ бы и въ простой, учились семинаристы. Итакъ, противъ обыкновенныхъ не праздничныхъ дней отмѣна была только въ томъ, что архимандритъ съ двумя іеромонахами служилъ, и при прочтеніи

* *Зачеркнуто:* примѣчательно, что изъ какого-нибудь архимандрита Іакинѳа, прозваніемъ Карпинскаго, неудовольствія.

по окончанiи молебна многолѣтiя одинъ разъ изъ пушки выпалили, да когда вышли изъ церкви, пришелъ штатной команды барабанщикъ поздравлять съ барабанишкомъ у крыльца. Вотъ какъ въ славномъ семъ монастырѣ отправлялся день тезоименитства общей сей благодѣтельницы, которая смиренныхъ сихъ отшельцевъ облегчила трудовъ управлять 24-мя тысячами душами и обуздала роскошь, неприличную ихъ сану».

Общая картина монастырской жизни нарисована товарищемъ А. Н. Радищева по пажескому корпусу въ довольно мрачныхъ краскахъ. Онъ говоритъ слѣдующее: «Я не въ одномъ монастырѣ не видалъ такой бѣдной трапезы, какъ у нихъ. У архимандрита съ помянутыми игумнами столъ всегда въ кельѣ и чрезвычайно дурной, напримѣръ, изъ чайника чайная трава, что выбрасывается, онъ употребляетъ на ботвинью зимнюю и крѣпко расхваливаетъ. Онъ, правду сказать, почитается изъ самыхъ ученыхъ нашихъ монаховъ и изъ лучшихъ проповѣдниковъ, къ тому же трезвый чрезвычайно человѣкъ и постникъ большой; но къ чему служатъ сiи добрыя качества, когда попущенiе его, обветшалый духъ и нерачительность общественно все разстроили? Тамъ нѣтъ ни нравовъ, ни благочинiя, ни радѣнiя ни въ чемъ и ни въ комъ: архимандритъ никогда не приходитъ за трапезу; намѣстникъ запоемъ пьетъ безпросыпно мѣсяца по два; казначей безъ казны и безъ просвѣщенiя, и братья, приходя съ своими ставчаками и ложками за трапезу не на покрытомъ столѣ, обсѣвши кой-какъ, насилу раздѣлили съ шумомъ бѣднѣйшую ихъ и не вкусную пищу; а ежели они при мнѣ не напились до-мертва, то это для того, что у нихъ не только вина и пива не было, но даже и дурного квасу въ обрѣзъ стало. Ничто такъ не жалко смотрѣть, какъ на мѣсто, гдѣ мощи чудотворца стоятъ. Сiе мѣсто, гдѣ наши цари и государи поклонялись, нынѣ не прибрано, безъ всякаго благоговѣнiя, безъ всякой чистоты, полъ весь въ снѣгу, окошки такъ загрязнены, что солнечныхъ лучей не пропущаютъ, свѣтъ же въ сiе святилище входитъ только въ разбитыя пряслы и въ отворенную настежь дверь, ибо по счастiю предъ нею нѣту притвора; иконостасъ, большею частiю, разобранный не золотомъ и не краскою прикрытъ, а пылью почти на палецъ. Вотъ часть виду сего святаго мѣста».[17])

Городъ Кирилловъ лежитъ у самаго монастыря. Онъ выросъ изъ подмонастырской слободы и ничѣмъ не отличается, только на берегу озера красуется недавно выстроенное обширное и высокое деревянное зданіе городского училища.

Къ вечеру только вернулись обратно къ себѣ въ Устье. Послѣ обѣда пришелъ на нашу половину хозяинъ дома Егоръ Чернышевъ и принесъ мнѣ все, что онъ могъ найти стараго въ приходской церкви, что на Раменьѣ, которой онъ состоитъ старостой и къ устройству которой онъ, какъ энергичный человѣкъ, прилагаетъ всѣ усилія. Свѣдѣнія эти помѣщены уже выше.

Мы разговорились на любимый имъ предметъ о грамотности въ деревнѣ. Я уже говорилъ, что онъ большой любитель книгъ, выписываетъ дешевые журналы и даже даетъ читать другимъ книги изъ своей библіотеки. Видно, онъ былъ человѣкъ начитанный. Онъ хотѣлъ даже устроить народную библіотеку-читальню, но не зналъ какъ это сдѣлать. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ, слыша, что Петербургскій Комитетъ Грамотности приходитъ на помощь, онъ обратился туда и ему выслали, какъ частному лицу, книги. Въ простотѣ своей онъ думалъ, что никто не можетъ ему запретить и раздавать книги крестьянамъ и очень былъ огорченъ, когда мы ему объяснили, что это не разрѣшается и что Комитетъ Грамотности давно уже закрытъ.

На это онъ отвѣчалъ:

— Меня *томитъ* вопросъ, что же значитъ это запрещеніе, стало быть это *нѣкій тормазъ?*

Онъ еще много разсказывалъ намъ про жизнь ихъ селенія и при этомъ не особенно лестно отозвался объ одномъ должностномъ лицѣ. По его словамъ, онъ у нихъ «бичъ народный, идолъ, хочетъ, чтобы все было *по его*», что «на сходѣ въ правленіи онъ оштрафуетъ, если не выберутъ, кого онъ назначитъ». Я былъ удивленъ слышать, какъ нашъ хозяинъ ясно объяснилъ, почему царитъ произволъ. «У него,—сказалъ онъ,—судебная и полицейская власть». Мнѣ хотѣлось узнать, какъ онъ смотритъ на земство. Онъ отвѣчалъ: «на земство отнюдь не обижаются, оно школы строитъ; въ правленіи даже карта есть съ планомъ всеобщаго обученія въ уѣздѣ». Большое зло Егоръ видѣлъ въ общинѣ и въ передѣлахъ, когда имъ обрабо-

танное поле можетъ попасть другому. Скорбѣлъ онъ и о томъ, что крестьянскій лѣсъ «губится безпощадно». Словомъ онъ близко принималъ къ сердцу всѣ вопросы окружающей его жизни. Такъ въ живой бесѣдѣ прошелъ весь вечеръ.

На другое утро 26-го лосиный кругъ былъ снова неудачный. Два лося вышли черезъ правые флачки, а третій, хотя выходилъ на номеръ А. Б., но повернулъ отъ крика крайняго загонщика, стоявшаго у флачковъ.

27-го опять были на лосиномъ кругу. Обойденъ былъ одинъ старый быкъ. Онъ вышелъ прямо противъ меня и его далеко было видно сквозь высокій, довольно рѣдкій сосновый лѣсъ. Рога огромные. Я съ большимъ волненіемъ ожидалъ его. Постоявъ нѣсколько минутъ, шагахъ въ 150, онъ сталъ сворачивать на А. Б. и вышелъ къ нему шагахъ въ 40, но открылся въ глухомъ мѣстѣ и тотъ промазалъ; онъ шелъ вкось и не весь былъ видѣнъ. Лось ушелъ нетронутый, хотя въ народѣ увѣряли, что «настращали ему ж...».

28-го опять кругъ былъ неудачный, можетъ быть, даже и лося въ кругу не было.

29-го поѣхали въ другія мѣста по большой дорогѣ. Были обложены три лося, но они вышли изъ круга и мы долго понапрасну дожидались извѣстія. Дѣвки и парни облавы отъ скуки подняли, поощряемые нами, возню. Кругъ былъ далеко. Боролись, тянулись на веревкѣ, устроили качели на бревнѣ, роняли въ снѣгъ вышедшаго на охоту пожилого дьячка Семена Иваныча, обнаружившаго большое стремленіе возиться съ дѣвками, которыя называли его *церковной задвижкой,* словомъ дурачились и, наконецъ, уѣхали сердитые домой.

Ежедневныя неудачи наши можно объяснить стеченіемъ цѣлаго ряда обстоятельствъ. Прежде всего того псковича, который обыкновенно велъ все дѣло, теперь не было. Онъ умеръ и остались двое другихъ, далеко уступавшихъ ему въ работѣ. Затѣмъ снѣгъ былъ очень не глубокій: слѣдовательно, бродить звѣрю было легко и лоси долго на мѣстѣ не стояли. Чудная погода также этому содѣйствовала. Наконецъ, намъ просто не везло....

Утромъ 30 декабря стрѣляли въ цѣль изъ штуцеровъ, пробуя ихъ, готовясь на медвѣдя, а послѣ завтрака поѣхали въ Ѳерапонтовъ.

Шесть куполовъ монастыря еще издали показались, мелькая среди кучки сосенъ, влѣво отъ дороги. Онъ основанъ преподобнымъ Ѳерапонтомъ, уроженцемъ города Волоколамска, изъ рода дѣтей боярскихъ Поскочиныхъ. Много именъ связано съ Ѳерапонтовою обителью. Прежде всего самъ преп. Ѳерапонтъ, ушедшій изъ Симонова монастыря на сѣверъ, въ неустанныхъ трудахъ основавшій средоточіе духовной жизни. Житіе рисуетъ картину трудовъ его и жизни въ основанной имъ Ѳерапонтовой обители, гдѣ «пѣніе во церкви Божіей, безмолвіе по келліямъ со всякимъ утвержденіемъ всякаго рукодѣлія чинъ воображающе, *книги пишутъ, книгамъ учатся, сѣти плетутъ на рыбныя ловленія, келіи дѣлаютъ....*» Подъ конецъ вотчинникъ Бѣлозерскаго края, князь Андрей Дмитріевичъ Можайскій вызвалъ къ себѣ угодника въ Можайскъ, гдѣ онъ и скончался въ 1426 году въ основанномъ имъ же Лужецкомъ монастырѣ.

Прп. Мартиніанъ, ученикъ и продолжатель Ѳерапонта, позднѣе настоятель Троицко-Сергіева монастыря, современникъ междуусобій князей Димитрія Шемяки и Василія Темнаго, сторонникъ ослѣпленнаго князя.

XV вѣкъ и часть послѣдующаго—цвѣтущая пора въ жизни монастыря. Здѣсь процвѣтаетъ древняя письменность и собирается богатое собраніе рукописей. Теперь на мѣстѣ ничего не осталось отъ минувшаго. Пусто и безпріютно въ оставленной обители.

Съ монастыремъ связано имя преосвященнаго Спиридона, митрополита Кіевскаго, сосланнаго туда на заточеніе. Великій князь Василій Ивановичъ съ великою княгинею Еленою посѣтили монастырь и молились о дарованіи имъ наслѣдника. Дважды видѣлъ Ѳерапонтовъ въ стѣнахъ своихъ Грознаго.

Въ XVII вѣкѣ монастырь приходитъ въ упадокъ. Смутное время, воровскіе люди, Литва, какъ и по другимъ мѣстамъ, оставили слѣды свои. Уже ко времени заточенія въ монастырѣ патріарха Никона, какъ видно изъ писемъ его къ царю, за монастыремъ «вотчинка не большая и крестьянишки обнищали до конца».

Какъ жалобны письма къ царю опальнаго патріарха. Не слыхать въ нихъ могучей рѣчи *собиннаго* друга: «Ради всѣхъ моихъ винъ отверженъ я въ Ѳерапонтовъ монастырь.... Теперь я боленъ, нагъ и босъ, и креста на мнѣ нѣтъ третій годъ, стыдно и въ другую

келью выйти, гдѣ хлѣбы пекутъ и кушанье готовятъ.... многія части зазорныя не покрыты; со всякой нужды келейной и недостатковъ оцынжалъ, руки больны, лѣвая не подымается, на глазахъ бѣльма отъ чада и дыма, изъ зубовъ кровь идетъ смердящая и не терпятъ ни горячаго, ни холоднаго, ни кислаго, ноги пухнутъ, и не могу церковнаго правила править, а попъ одинъ и тотъ слѣпъ, говоритъ по книгамъ, не видитъ....»[18])

Позднѣе участь Никона была смягчена. Онъ получилъ возможность выйти изъ заключенія и дѣлалъ прогулки. Его даже встрѣчали иногда верхомъ на вороно-каремъ меринѣ, съ кличкой *Москва*. Онъ любилъ удить рыбу, хотя ея было мало: «а рыбешка, когда и уловится, и то самая худая, ершишка да сорожка»; онъ занимался хозяйствомъ, развелъ садъ и огородъ. Изъ одного доноса царю видно даже, что онъ стрѣлялъ изъ пищали и между прочимъ убилъ изъ своей кельи баклана, что̀ на бывшемъ послѣ этого допросѣ подтвердилъ бывшій приставъ: «и тое птицу обра́нилъ и велѣлъ у нее крылье и голову и ноги обсѣчь за то, что она поѣдала у него рыбу....»

Въ XVIII вѣкѣ монастырь падаетъ. Любопытно, что въ его же стѣны ссылаютъ первоначально другого борца русской церкви съ свѣтской властью, митрополита Ростовскаго, Арсенія Маціевича. Онъ пробылъ въ монастырѣ однако недолго.

Въ 1744 году монастырь еще живетъ. Конецъ его наступаетъ въ самомъ концѣ столѣтія 28 апрѣля 1798 года, когда Синодъ находитъ, что слѣдуетъ «тотъ штатный Ѳерапонтовъ монастырь, яко требующій на возобновленіе въ немъ ветхостей великихъ, казенныхъ издержекъ, въ отвращеніе оныхъ упразднить и обратить въ приходскую церковь....» и отмѣтка: «Быть по сему» утверждаетъ этотъ докладъ.

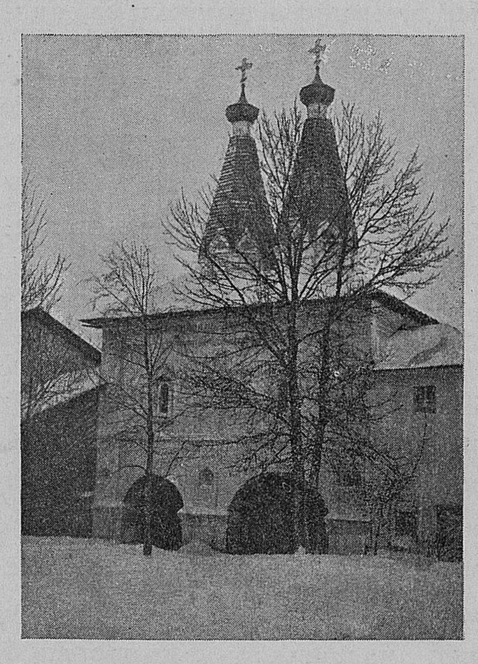
Въ народѣ Ѳерапонтовъ зовется по прежнему *монастыремъ*.

Ѳерапонтовъ монастырь имѣетъ прекрасное описаніе, написанное И. Брильянтовымъ, которое послужило намъ цѣннымъ руководителемъ. Оно издано въ 1899 году къ 500-лѣтію монастыря и имѣетъ 32 рисунка. Изъ него взяты приведенныя историческія подробности[19]).

Θерапонтовъ упраздненный монастырь.

Пріѣхавъ, мы прямо обратились къ священнику. Онъ прежде всего повелъ насъ по лѣстницѣ вверхъ въ Богоявленскую церковь надъ монастырскими входными вратами, которая была предназначена для патріарха Никона и находящуюся рядомъ съ ней церковь прп. Θерапонта. Два алтаря поставлены рядомъ. Здѣсь ничего не сохранилось древняго, кромѣ сводовъ и оконъ. Оттуда мы прошли въ небольшую церковь во имя прп. Мартиніана, гдѣ покоятся его мощи и погребенъ его ученикъ Іоасафъ, въ мірѣ князь Оболенскій. Здѣсь остановила наше вниманіе икона страстей Божіей Матери — складень, но вся церковь невзрачна. Масляная живопись на стѣнахъ внутри и при входѣ безобразная. Другое впечатлѣніе оставилъ соборъ. Здѣсь повѣяло древностью, но вмѣстѣ съ нею холодомъ. Всѣ стѣны были покрыты инеемъ. Прекрасныя входныя двери, изразцы, замѣчательная стѣнная живопись, великолѣпно сохранившаяся, прекраснаго письма иконы, особенно

Монастырскія врата.

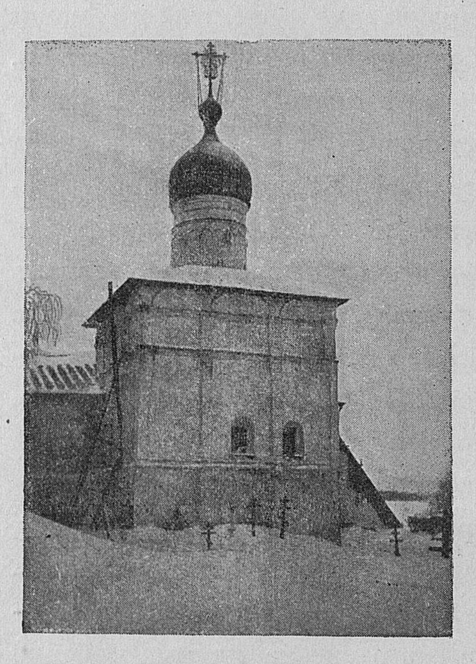
нижній ярусъ, паникадило, даръ царя Михаила Өеодоровича, деревянные шкафчики съ рѣзьбой, словомъ все отражало одно прошлое безъ примѣси оскорбительной новизны. Въ ризницѣ любовались мы прекрасной работы плащаницею, шитой шелками и золотомъ, съ греческой надписью; видѣли полотняную ризу прп. Мартиніана, замѣтили старый дубовый столъ, длинный, съ украшеніями внизу, а по стѣнамъ рядъ изразцовъ съ изображеніемъ какого-то животнаго, закрашенныхъ бѣлой краской. На окнахъ грудой лежало множество иконъ, иныя со стертыми ликами. А. Б. выпросилъ одну любопытную рѣзную икону, повидимому преподобнаго Нила Сорскаго, знаменитаго подвижника и писателя XV вѣка изъ рода Майковыхъ. Очень схожая съ нею, но бо́льшаго размѣра, находится въ Московскомъ Историческомъ музеѣ. Наконецъ, зашли въ церковь въ бывшей *трапезной*. Она сильно испорчена. Сводъ задѣланъ плоскимъ потолкомъ.... По стѣнѣ длинныя деревянныя скамейки со спинками и красивыми крупными ручками.

Пр. Нилъ Сорскій.

Мы любопытствовали узнать, гдѣ келья патріарха Никона? Но намъ сказали, что она не сохранилась и, гдѣ была, неизвѣстно.

Полюбовались общимъ видомъ отъ входа съ балкона, который долженъ быть особенно хорошъ лѣтомъ. Вдали высится на снѣжной скатерти озера островокъ. Его выбралъ Никонъ для водруженія креста съ протестующей надписью: «Животворящій крестъ Христовъ постави смирен-

Трапезная.

ный Никонъ, Божіею милостію *патріархъ....*» Подобную же надпись сдѣлалъ Никонъ и на своемъ креслѣ, сохраняющемся въ Кирилловѣ.

Обойдя все, мы направились къ священнику, о. Павлу Разумовскому, по его приглашенію. Онъ сообщилъ намъ, что онъ священствуетъ здѣсь 34 года и что его отецъ также священствовалъ здѣсь же. Въ его комнатахъ нашли любопытный акварельный рисунокъ монастыря, рисованный въ 1835 году какимъ-то штатнымъ служащимъ, отъ котораго досталъ его священникъ и любопытный тѣмъ, что на немъ видны несуществующія постройки монастыря. Уже темнѣло, когда мы стали собираться обратно.

Слѣдующіе дни мы уже не ѣздили осматривать окрестности. Днемъ охотились, а вечеръ проводили въ знакомствѣ съ другими памятниками нашей старины, въ слушаніи и записываніи пѣсенъ и заговоровъ, знакомились съ народнымъ словеснымъ творчествомъ. Такъ составилось довольно большое собраніе записей, которое приводится ниже. Быть можетъ, записанное не представитъ чего либо новаго, неизвѣстнаго, ибо многое изъ этой области было съ давнихъ поръ издаваемо. Въ этомъ отношеніи насъ особенно занялъ псаломщикъ церкви, что въ Раменьѣ, Семенъ Иванычъ Семеновъ, старикъ 58 лѣтъ, уже знакомый намъ по облавѣ и страстный охотникъ. Разговоръ начался съ охоты. Онъ оказался словоохотливъ. Отецъ его также былъ охотникомъ и отъ него онъ многое слышалъ. Отецъ его лавливалъ зайцевъ сотъ по пяти, продавая ихъ по 15 копеекъ за штуку въ Кирилловѣ, откуда ихъ уже сбывали въ Вологду и въ Ярославль. Дѣдъ его также былъ псаломщикомъ и также охотникъ. По словамъ псаломщика, чтобы поймать зайца, нужно читать молитву, если же смѣешься, то вѣкъ не изловить. И онъ проговорилъ слѣдующій рядъ заговоровъ:

Отъ зайцей.

Стану я, рабъ Божій Иванъ, выйду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, взойду на гору Сіоню и помолюсь земному Богу. Какъ птица орлина летаетъ, прочь не отлетаетъ, такъ бы зайцы черноухіе не отбѣгали отъ моихъ ловушекъ.

Начало заговора.

«Эта фойка*) не боится ни встрѣчи, ни призору....

Повѣрье.

Бѣлка до Вздвиженья есть, а послѣ Вздвиженья нѣтъ, значитъ лѣшій въ карты проигралъ.

Заговоръ на лисицу.

Ножикомъ ея слѣдъ на снѣгу подрѣзать.

Главная дичь мѣстности, по словамъ дьячка: бѣлка, глухарь, рябчикъ и тетеревъ. Глухарь держится въ сосновыхъ болотахъ. Весной отличная охота на вальдшнепа. Въ этомъ году много лисицъ. Онъ ходилъ часто на охоту, такъ какъ служба разъ въ недѣлю и свое начальство *беневолило*. О своей собакѣ онъ выразился, что она однажды *сдрефила, сдробила,* что, кажется, должно было означать: испугалась. Учился онъ стрѣлять еще изъ кремневаго ружья. И теперь есть они еще у нѣкоторыхъ.

Заговоръ противъ невладѣнья.

Если владѣнья нѣтъ, нужно взять стожаръ, т. е. жердь, вокругъ которой навито сѣно и исполнить такія требованія:

Чтобы эта жердь годъ стояла. Сходить въ кузницу—новый ножикъ сковать. Выточить его и не дотрогиваться даже перстомъ до стожара и острогнуть три щепочки отъ стожара. Принесть домой, положить въ горшокъ и вскипятить. Этой водой обкатиться и попить ее. Надъ водой говорить: «Какъ этотъ стожаръ крѣпко стоитъ, такъ бы у раба.... крѣпко....»

Заговоръ отъ змѣй.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Азъ, Павелъ, нарицаемый Савлъ, бывый хульникъ, гонитель, каменьемъ побивалъ чистые сосуды Святаго Духа, нынѣ же рабъ Христовъ и Апостолъ, плавающій по морю къ странамъ Сикимицкимъ и къ острову Меле-

---

*) Хвойка.

тію, потщавшеся изыдоша вси изъ корабля, изыдохъ же и азъ собрати хврастіе и вознесити огнь. Излеже отъ теплоты ехидна и сѣкну мя въ руку десную. Азъ, имѣя въ себѣ Духа Свята Христа способствующеся, отрясохъ ю на восходящій пламень и сожжена бысть до конца, и не едину пакость пріяхъ отъ усѣкновенія ея и по малѣ вздремася сномъ. И явися ко мнѣ Архангелъ Господень Михаилъ и возгласилъ, глаголя: «Павле, рабъ Христовъ, воставъ, пріими книгу сію и обрящешь въ ней воображеніе и написано не о единомъ страждущемъ, но о мнозѣхъ». И воставъ, пріяхъ книгу, ю же ми принесе Архангелъ и разгнувъ ю и обрѣтохъ въ ней написано имуще сице: Заклинаю васъ 406 родовъ звѣриныхъ, ползающихъ и пакостящихъ на земли. Въ Господа нашего Іисуса Христа, сотворшаго небо и землю и престолъ его неподвижимый и огненою рѣкой исходящею изъ подножія Господа нашего Іисуса Христа и во множества Святыхъ Его Ангелъ и Апостоловъ Его, пріимшихъ власть отъ Него наступати на змію и скорпію и на всю силу вражію: змію вредящую и василиска аспида, змію облаковидную, змію огневидную, змію врановидную, змію слѣпую, змію стрѣльную, змію черную, змію трехглавую, змію уядяющую жену ехидну мерскую, имущую въ десной челюсти и еще 24-хъ родовъ не гиблющихъ, вредящіи человѣку и скоту, идѣ же приспѣетъ вѣрнаго и благодатнаго Апостола Павла запрещеніе, е же проповѣдь се здѣсь ради всякъ вредящій умретъ, а врежденный исцѣлѣетъ во славу Божію. Аминь».

Заговоръ этотъ разсказалъ дѣду Семена Иваныча, умершему 50 лѣтъ назадъ, одинъ странникъ въ торговой банѣ. *Дѣйствуетъ.* Тысячи людей, говорилъ Семенъ Ивановъ, излѣчилъ онъ: коровъ, коней, собакъ.

Противъ крови.

«На морѣ, на океанѣ, на островѣ Буянѣ, на бѣломъ горючемъ камнѣ сидитъ Мать Пресвятая Дѣва и тчетъ шелковыя тетивы и связываетъ у раба Божія... кровь и болѣзнь отъ придки его, отъ сердца его, отъ печени его. Аминь тѣ руды́ *)».

---

*) Руда-кровь.

Отъ муравьевъ.

«Царь Муравей! Не ѣшь моего тѣла, не пей моей крови, мое тѣло смола, или масло, или масло, или смола; ѣшь пень да колоду, пей болотную воду, моему слову ключъ и аминь». Въ лѣвую сторону плюнуть.

Семенъ Иванычъ слышалъ этотъ заговоръ отъ странника Каргопольскаго уѣзда, съ которымъ чай пилъ.

По словамъ того же псаломщика въ уѣздахъ Череповецкомъ, Бѣлозерскомъ и Кирилловскомъ сильно распространена болѣзнь *килы*. Ее наводятъ люди въ одно мгновенье и тогда надуваются пузыри на тѣлѣ. Килы бываютъ каменныя, чугунныя и желѣзныя. Изъ мѣстныхъ духовъ Семеномъ Иванычемъ были названы слѣдующіе: домовой, банной, подъовинной, водяной, дворовый и лѣшій. Сколько помню, двороваго называютъ *кормильцемъ*, потому что лошадей кормитъ. Видъ *лѣшаго* такой: огромнаго роста, голосъ сипа́вый, въ бѣломъ балахонѣ, запахнувшись лѣвой полой наверхъ. Любитъ пѣть пѣсни, но онѣ не понятныя. Есть о немъ такой разсказъ:

«Однажды заходитъ лѣшій въ кабакъ. Спросилъ водки. Сидѣлецъ подалъ обыкновенный стаканъ.

Лѣшій говоритъ:

— Нѣтъ, этотъ малъ. Давай съ ушками, т. е. мѣрой въ полведерникъ.

И выпилъ. Потомъ говоритъ:

— Денегъ нѣтъ, коровъ продамъ, занесу деньги.

Сидѣлецъ вышелъ, видитъ три медвѣдя ко крыльцу привязаны. Потомъ лѣшій назадъ вернулся и деньги заплатилъ».

Семенъ Ивановъ прибавилъ, что онъ лѣтъ сорокъ, какъ охотничаетъ, но самъ никогда лѣшаго не встрѣчалъ.

Было упомянуто имъ о какой то помѣщицѣ, что на Фафурѣ жила, но очень кратко; только, что тамъ была церковь и колоколъ зарытъ съ деньгами, а помѣщицу убили разбойники. Говорятъ, Литва какая то ходила, Поляки....

Псаломщикъ оказался и рыболовомъ и мы узнали, что въ озерѣ Юмпашъ водятся: щука, налимъ, окунь, ершъ, сорога, иначе плотва и коречь. Въ рѣчкѣ Юмпашкѣ: вьюны, сиги, язи и лещи. Хотя въ озерѣ рыбы премногое множество, но неводомъ ловить ее нельзя:

озеро загажено хвойникомъ, вбитымъ близь берега для ловли сороги, которая мечетъ тутъ икру. Изъ другихъ озеръ примыкаютъ: Рогачь, Боровское, Петровское, Борисовское, Перегородинское, Онисимское. Изъ рѣчекъ: Рогачь и Лопачь. Жители Череповецкаго уѣзда называются: *Черепана*.

Хозяинъ нашего дома Егоръ Чернышевъ сказалъ приворотъ и два заговора, которые онъ самъ слышалъ отъ одного нищаго, прозвищемъ Киря Лобановскій изъ деревни Лобанова:

Приворотъ.

Если мужъ съ женой худо живутъ, или холостякъ къ дѣвицамъ желаетъ подлѣзть, то нужно такъ приворожить:

«Стану я, рабъ Божій.... раненько, умоюсь бѣле́нько, святымъ угодникамъ Гурію, Самону и Авивѣ помолюся, на всѣ четыре стороны поклонюся. Вѣтры вы вѣтры буйные, навѣйте тоску на рабу Божію.... въ сердце, въ легки и въ печень, чтобы раба Божія.... обо мнѣ рабѣ Божіемъ.... тосковала, чтобы этой тоски, ни водой не запить, ни хлѣбомъ не заѣсть, ни гульбой не загулять. Языкъ зубы вѣковъ. Аминь».

Святыхъ этихъ Гурія, Самона и Авива чтутъ колдуны. Они же упоминаются и въ заговорахъ о рыбной ловлѣ. Прихожане Раменской церкви заказывали живописцу написать ихъ и служатъ имъ молебны, также и изъ другихъ приходовъ.

Чтобы не обвинили на судѣ, заговоръ отъ суда.

«Во́ полѣ, во Раменьѣ, кипитъ ключъ на ка́меньѣ. На томъ ключу̀ сидитъ птица, безъ рукъ безъ ногъ, безъ буйной головы. Полъ да порогъ, девятый потолокъ, я самъ шестой къ вашей милости въ гости пришелъ. Вы мои овцы, а я вашъ волкъ; пріиду, васъ и съѣмъ».

Заговоръ крови.

«На́ морѣ на океанѣ, на бѣломъ камнѣ стоитъ церковь соборная. Въ той церкви соборной сидитъ сама матушка Пресвятая Богородица съ иглой и съ ниткой. Зашьетъ у раба Божія.... рану и кровь не капи! Аминь. Аминь. Аминь».

Заговоръ отъ недоброжелательныхъ людей, чтобы не сглазили и отъ бѣды и напасти.

«Лягу я, рабъ Божій.... благословясь и стану я перекрестясь. Пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота въ чистое поле, въ широкое здолье, подъ утрянну зорю и подъ вечерню зорю, къ Океану морю. Ты же, батюшко, Океанъ-море, есть на тѣ святое море. На томъ святомъ морѣ есть златырь камень. На томъ камнѣ стоитъ церковь соборная. Въ той церкви соборной сидитъ сама матушка Пресвятая Госпожа Богородица, соборъ соборуетъ, всѣ мѣсяцы и звѣзды и красное солнце. Пріиду я тебѣ матушка, Госпожа Богородица, рабъ Божій.... пріиду я помолюся, всей силѣ небесной поклонюся, кругъ себя желѣзнымъ тыномъ огорожуся, отъ земли до небеси, отъ востоку до западу, отъ солносходной до закатной стороны. Отъ мужика, отъ волхна, отъ еретика, отъ бабы, отъ вохницы и отъ еретицы, отъ дѣвки, отъ пустоволоски, отъ однокоски, отъ одноженцей, отъ двоеженцей, отъ троеженцей, отъ бѣловолосаго, отъ черноволосаго, отъ попа, отъ попадьи, отъ дьякона и отъ дьячихи, отъ пономаря и отъ пономарихи, отъ суда судящаго, отъ огня горящаго, отъ человѣка злючаго, отъ вина опіючаго, отъ змѣя залючаго, отъ звѣря ядучаго, отъ воды топлючіи, отъ земли сыпучіи, отъ грязи грязючіи, отъ всякой я злочести, отъ всякой я скверности, отъ всякой я мерзости, отъ всей непріятности, всѣхъ по улицѣ ходючихъ, сквозь ворота глядятъ, сквозь заборы глядятъ, сквозь окошка глядятъ на меня раба Божія.... лихо тмятъ. Кто лихо тмитъ, языкъ бы прищепило, потъ придошило. Отъ всѣхъ злочестей, отъ всѣхъ скверностей, отъ всѣхъ мерзостей, отъ всѣхъ непріятностей самымъ главнымъ крѣпкимъ заговоромъ заговорюся, вокругъ себя желѣзнымъ тыномъ огорожуся, отъ земли до небеси, отъ востоку до западу, отъ солносходной до закатной стороны. Замки запри, ключи на небеса занеси, самой Пресвятой Богородицѣ на престолъ положи, чтобы она меня спасла, сберегла на всѣ эти сутки 24 часа мнѣ пастыря дала. Я тепере не боюся пастыря, спасуся, сберегуся, своему храброму.... Ангелу покорюся. Ангелъ мой, спаси меня, помилуй мя! Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь».

Заговоръ скота отъ болѣзней.

«Батюшки Флоры и Лавры, ищете ли моего коня, матушка Магдалина, матушка Соломонида! Спасите, сохраните отъ семидесяти семи недугъ, отъ 77 скорбей, отъ 77 болей, отъ 77 уроковъ, отъ 77 призоровъ, отъ 77 ногтей, отъ 12-ти нутряныхъ, отъ ногтю злого, отъ ногтю лихого, отъ ногтю ломового, отъ ногтю травяного, отъ ногтю разшибного, отъ ногтю напускного, отъ ногтю вторяного, отъ ногтю нутрянного, отъ ногтю наружного, отъ ногтю жилного, отъ ногтю болонового, отъ ногтю паломного, отъ ногтю ножного, отъ ногтю полуноного; отъ сердца и легкаго, отъ печени, отъ крови горячія. Ты же, батюшко, самъ Господь Іисусъ Христосъ, востока красота Твоя, высока милость Твоя велика, самъ со ангелами, со архангелами, со всей силой небесной, вы же, батюшки, архангелы, спасите, сохраните скота моего, спасите, исцѣлите отъ всѣхъ скорбей, отъ всѣхъ болей. Сама Матушка Пресвятая Богородица попечительница, исцѣлительница, спаси, сбереги моего скота отъ всякой скорби болѣзни. Замкамъ запираю, ключамъ заключаю, отъ всѣхъ скорбей исцѣляю. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь».

Два послѣднихъ заговора присланы тѣмъ же Чернышевымъ уже въ Москву. Въ письмѣ онъ пишетъ, что больныхъ животныхъ лѣчатъ этимъ заговоромъ и надѣятся, что они будутъ въ полномъ смыслѣ здоровы, что стоитъ эти же заговоры только прочитать, человѣкъ или животное будутъ спасены отъ всякихъ приключеній. По словамъ колдуновъ, еще вѣрнѣе подѣйствуетъ сила того, или другого заговора, если ихъ прочитать *надъ водой* и спрыснуть человѣка, или животное. Заговоры эти были имъ списаны еще въ дѣтствѣ, по приказанію отца, со словъ прохожаго колдуна, которому за это отецъ далъ двугривенный.

Священникъ церкви, что въ Раменьѣ, сообщилъ слѣдующій заговоръ:

Святое письмо.

Сіе письмо найдено въ землѣ Гританской, на горѣ Табарѣ, подъ образомъ Святителя Николая, который писалъ, Самъ Господь Іисусъ Христосъ. Кто его хотѣлъ читать и списывать, тотъ видѣлъ, что оно писано золотыми словами.

Я, Христосъ, Сынъ Бога Живаго, повелѣваю вамъ, чтобы вы, день Мой Воскресенія почитайте и молитеся; 300 благо отъ меня удѣлано благодарный, ибо я вамъ далъ шесть дней для работы, а седьмой для молитвы и служенія Мнѣ. Сіе письмо своею рукою писалъ, чтобы вы на семъ свѣтѣ вели себя по заповѣдямъ. Воздержите отъ всего грѣховнаго. А сіе буду наказывать васъ всякой карой небесной: градомъ, повѣтріемъ, огнемъ, мечемъ, водою, буду посылать звѣрей и гадовъ и насѣкомыхъ, нѣкоторыхъ человѣкъ, останется въ адской вѣчности неястной жизни душа его будетъ адское наказаніе, вѣчная мука, вооружаться противъ царей и будетъ кровопролитіе и будетъ конецъ живота вашего, чтобы вы познали справедливость Моего гнѣва, буду васъ наказывать за грѣхи ваши и не выполненія заповѣдей Моихъ, чтобы вы остерегались и, если повелѣнія Моего не исполните, напущу на васъ черную птицу лѣтающую по воздуху, отъ которыхъ и будетъ вамъ смерть. Я, Іисусъ, Сынъ Бога Живаго, повелѣваю въ субботу ходить въ церковь, послѣ вечерни не работать, для молитвы Матери Моей, которая если бы не молилась, не умоляла бы Меня, давно бы вы погибли за дни праздничныя. Старый и малый, до храма идущій у васъ свой кто которыми вы сіе мое, что Я васъ сотворилъ по образу Своему и искупилъ васъ со крестнымъ страданіемъ, одинъ другого не убивайте, дамъ вамъ въ царствіи Моемъ пребывать. Я, Іисусъ Христосъ, Сынъ Бога Живаго, повелѣваю вамъ Силою Божества Моего сіе письмо рукою уважайте оное. Кто вѣрить оному не будетъ, тотъ проклятъ и погибнетъ и отвергнутъ Царствія Небеснаго. А какой человѣкъ письмо при себѣ имѣть будетъ, давать читать и переписывать, тотъ, хотя бы имъ грѣховъ столько, сколько въ морѣ песку, на деревьяхъ листія, на небѣ звѣздъ, то всѣ тѣ грѣхи будутъ прощены. А кто списывать письмо не будетъ давать, тотъ будетъ проклятъ отъ Бога и погибнетъ, отвергнутъ Царствія Небеснаго. На послѣдокъ повелѣваю вамъ подъ страхомъ вѣчнаго наказанія все исполнять мое повеленіе въ точности. А сему вѣрить кто не будетъ, тотъ несчастную смерть получитъ, вѣчныя муки. Кто сіе письмо при себѣ имѣть будетъ, получитъ уваженіе, почтеніе, пришевствія Святыхъ Таинъ, не умретъ и въ царствіе Мое войдетъ. Сіе письмо кто будетъ читать, или думать о немъ, тотъ имѣть 100 дней отпущеніе грѣховъ, не одинъ не будетъ

вредить ему. Которая жена беремянная будетъ держать сіе письмо при себѣ, то родитъ дитя, счастливая отъ Бога, съ душевною премудростію. Каждому человѣку, который это письмо писалъ и имѣлъ, или будетъ имѣть, тотъ будетъ счастливый, будетъ имѣть успѣхъ во всякихъ дѣлахъ.... Аминь. Богъ Господь явися намъ.

Скотскій огородъ какъ должно сохранить отъ звѣрей и падежу.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Стану я, рабъ Божій Парамонъ, благословясь и перекрестясь и отцемъ своимъ прошенъ и матернымъ благословеніемъ, выйду на бѣлой свѣтъ и стану на мать сырую землю, на востокъ лицемъ, на западъ хребтомъ и помолюсь я, рабъ Божій Парамонъ, Господу Богу Саваоѳу и Спасу нашему Іисусу Христу, Сыну Божію и Пресвятой Дѣвѣ Маріи, Іоанну Предтечѣ Крестителю Христову и Михайлу Архангелу, грознымъ воеводамъ небесныхъ силъ и первоверховнымъ апостоламъ Петру и Павлу и святителю Николаю Чудотворцу и преподобнымъ отцамъ и Зосиму и Саватію, Соловецкимъ чудотворцамъ и святому великомученику Егорію Побѣдоносцу и святому великомученику Власію, Епископу Савастійскому и священномученикамъ Медосту и Евстрастію и Антонію и всѣмъ небеснимъ силамъ, со умоленіемъ припадаю и молюся вамъ Господи, пособите и помогите и благословите и оградите крестомъ животворящимъ мой домъ и живущихъ въ немъ и скоты рождати и умножи отъ сего дни и до вѣку! Аминь. И на путь сопроводи меня раба Божія, Парамона, съ моимъ милымъ скотомъ, коровіимъ и овечіимъ стадомъ пасти отъ сего дни и во все теплое лѣто и до бѣлаго снѣгу. Закройте и защитите и заградите и закрѣпите святыми своими Божественными ризами въ моей поскотинѣ и осеку и по угожимъ моимъ мѣстамъ и тропамъ и меня, раба Божія Парамона, и милой мой скотъ, крестіянской животъ, лошадей, коровъ, овецъ, егнятъ, барановъ, быковъ, кладеныхъ и не кладеныхъ, телокъ и подтелокъ, комолыхъ и рогатыхъ, домокормленыхъ, новоприведенныхъ, красныхъ, бурыхъ, бѣлыхъ, черныхъ, пестрыхъ, чалыхъ, сивыхъ, сѣрыхъ, саврасыхъ и разношерстныхъ! Сохрани Господи, отъ звѣрей черныхъ, бурыхъ, сѣрыхъ, отъ широко-

лапаго медвѣдя и медвѣдицы, отъ пакостника и злодѣя прокидны расамахи, отъ пакостнаго рыскучаго волка и волчицы, отъ змѣй, скорпіона, отъ ползучаго гада, отъ ночного отъ уроку, отъ призору, отъ причты, отъ падежу, отъ всякаго лихаго человѣка, отъ питовшика, отъ порченика, отъ пострѣлу, отъ всякія падшія силы, отъ всякаго діявольскаго, нечистаго духа, отъ встрѣтившаго, отъ настигающаго и со стороны мимоидущаго, отъ мужа, отъ жены, отъ парня, отъ дѣвки, отъ красноволосыхъ, отъ русоволосыхъ, отъ черноволосыхъ, отъ гологоловыхъ, отъ однозыбыхъ, отъ двоезубыхъ, отъ троезубыхъ, отъ одноглазыхъ, отъ двоеглазыхъ и отъ всякаго разнаго чина людей, заговариваю свой скотъ, коровыя и овечія стада. Сколь крѣпокъ и твердъ основаніе земное никто не можетъ здвинуть съ мѣста и на словахъ моихъ свѣтъ стоитъ, на крѣпостѣ земля лежитъ, вѣкъ по вѣку, аминь. Аминемъ заключается. Пресвятая Богородица, Мати Христова, какъ закрывала и заграждала Сына Своего, Господа нашего Іисуса Христа, во градѣ Іерусалимѣ Іудейскомъ отъ Ирода царя безбожнаго и такъ закройте ризою своею нетлѣною и меня, раба Божія Парамона, и любимаго моего стада, коровыя и овечія, вѣкъ по вѣку, аминь. Аминемъ заключается. Пресвятій Царю, Господи, сошли пророка Божія Илію на колѣсницѣ огненой, чтобы громомъ и молонію зажгло и пылало и стрѣлою огненною отъ моего вышеписанаго стада, коровыя и овечія всѣхъ звѣрей, вѣкъ по вѣку, аминь. Аминемъ заключается. Пресвятій Царю, Господи, сошли ангелъ Своихъ небесныхъ, чтобы прогнали изъ моей поскотины, изъ осеку всѣхъ звѣрей за синее окіянъ-море, на дикой лѣсъ, тамъ ѣште зеленую траву и пейте болотную воду, ломайте и ворочайте пенія и рвы, ваше сердце, а у меня, раба Божія Парамона. Тишенко и смирненко въ моей поскотинѣ и осеку нѣтъ вамъ нипитеры, ніидеры и кажись мое милое стадо все лѣснымъ звѣрямъ, медвѣдямъ и медвѣдицамъ, волкамъ и волчицамъ, при лѣсѣ-лѣсомъ, при травѣ-травою, при камнѣ-камнемъ, при рѣкѣ-рѣкою, при болотѣ-болотомъ, при грязѣ-грязію, при огородѣ-огородомъ, вѣкъ по вѣку, аминь. Аминемъ заключается. Сбирайся мое милое стадо ко всякой ночкѣ своему дому, какъ сбирается міръ православный пѣнію церковному, къ отцу духовному, какъ муравіи дѣти царю своему муравью служатъ и слушаютъ, какъ медовыя

пчелы слетаются ко гнѣздамъ своимъ и не забываютъ ..тей своихъ и не покидаютъ и какъ стекаются быстрыя рѣки и милые источники во славной окіянъ-море и такъ, вышеписанное мое стадо, стекайтесь на голосъ со всѣхъ сторонъ, другъ отъ дружки не оставайтесь, во всякое время и всякую пору вѣкъ, по вѣку, аминь. Аминемъ заключается. И постави Господи вокругъ моего стада тынъ желѣзной, а другой булатной, а третій мѣдной и стѣну каменную, отъ земли и до небесъ, а вокругъ стѣны завали Господи землею матерною и проведи Господи рѣку огненую со всѣхъ сторонъ и повели Господи вышеписанные тыны и стѣну каменую запереть, заложить святому апостолу Петру своими златыми ключьми и снести оные ключи самому Господу Іисусу Христу, Сыну Божію, на престолъ подъ святую ризу Его нетлѣную и какъ тѣхъ ризъ видѣть никто не можетъ и такъ не могіи вредить моего стада, коровыя и овечія разношерстнымъ звѣрямъ, медвѣдямъ и медвѣдицамъ, волкамъ и волчицамъ, ни змѣямъ никогда не приткнутся къ моимъ стадамъ отъ нынѣ и до вѣку, аминь. Аминемъ заключается.

Примѣчаніе: Когда станете выпускать скотину, должно согнать во одно мѣсто, потомъ взять икону и свѣчу зажечь и обойти съ образомъ три раза посо: Потомъ прогнать подоб: Отпускъ положить въ чистое мѣсто и не шевелить до осени и должно выпускать обувши и въ чистотѣ навсегда. Аминь.

Сонъ Пресвятыя Богородицы Владычицы нашей и Приснодѣвы Маріи.

Сей сонъ Пресвятыя Богородицы читать со вниманіемъ, со многимъ усердіемъ и сердцемъ; аще кто желаетъ слушать, или читать Сонъ Пресвятыя Богородицы.

Спаситель всего міра рече Матери Своей: О Мати Моя возлюбленная, Пресвятая Богородица и почивала ты во святомъ Градѣ Іерусалимѣ въ мартѣ мѣсяцѣ тридесятомъ и видѣла сонъ весьма страшный и ужасный, не ложный. Во слезахъ проглаша ти утроба моя по Тебѣ горитъ и лютое оружіе въ серцѣ моемъ произгодить. Объявляю Твои вольныя страсти. За семь дней воскресенія Твоего воскресилъ Ты праведнаго друга Твоего Лазаря и ѣхалъ Ты Сынъ

мой на жребятѣ и ослѣ со учениками Своими во градъ Ерусалимъ; дѣти еврейскія встрѣчу Тебя и постилаху ризы свои на пути и рекоша: Осана вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне. За четыре дни воскресенія Твоего вливалъ Ты воду во умывальницу и начаша ученикамъ ноги мыти и утирати, лентою преопояшался и единъ изъ апостоловъ, именемъ Іуда, предавъ Тебя, Господа, за тридцать сребренниковъ пятидесяти тысячъ мужей, взяша Тебя Господа и облекоша въ ризы и повелѣша Пилату сплести терновой вѣнецъ, на главу Твою святую возложиша, тростію по главѣ біяша и на святое лице Твое плеваша, въ уста желчію и утрудомъ напоенъ поруганъ и біенъ много. Тебя сына м.... Архангела, Іоанна Кифіяна, жиды потрудишася и дѣлаша крестъ изъ трехъ древъ: кипариса, пефки и кедры и повелѣша Пилату вести Тебя на пространую гору, называемую Голгофу и возложиша на Тебя крестъ; Ты Сыне Божій неша и упаде, бистія жидове и тутъ Тебя Сына моего жидови на крестѣ гвоздьми пригвоздиша и повелѣша назадъ солнце среди дни и воинъ, именемъ Логинъ, приступиша къ Тебѣ, копіемъ въ ребры Тебѣ преподошы, абіе изыде кровь и вода на исцѣлѣніе рода Христіанскаго отъ разныя скорьби и болѣзни. Тогда Ты, Іісусъ Христосъ, спустивъ душу Твою. Съ Тобою распяша двухъ разбойниковъ, единаго одесную, а другого ошую; единъ получилъ прощеніе, который глаголилъ: помяни мя Господи, егда пріидеши во царствіемъ Твоемъ, а другой за хуленіе погубилъ самъ себя и такъ Ты, Сыне мой, на крестѣ умре и въ то само время занавѣса церковная на двое разадралася съ вышняго края и до нижняго, каменья распадеша, луна въ кровь привратишася, солнце померкло, бысть тьма великая отъ шестого часа даже до девятаго и вся земля потряслась, отъ страха того жидови рекоша между собою, не часъ ли Сына Божія, а чаемъ пророка, И пріидоша нощію Іосифъ съ Никодимомъ приступиша и просиша тѣло Сына Божія и благоусердивый Пилатъ отпусти тако со креста. Сняли тѣло Его, плащеницею чистою обвилъ благоуханіемъ, во гробѣ новомъ скрывъ и положивъ. Къ нему жидове ко гробу камень вельми великій привалиша и стражей предсташа римлянина, и іудеевъ. На утрѣ рано пріидоша мироносицы жены, Марфа и Марія, сестры Лазаревы, ко гробу помазати тѣло Твое драгоцѣнымъ сурматомъ и сосудъ всего мира

со многими слезами и плачущи горько у гроба Твоего святаго узрѣли Ангела на камнѣ сидяща, ужасошася гласъ слыша отъ него: что ищете живого съ мертвыми, что плачете нетлѣннаго, идите и проповѣдуйте ученикамъ Его и апостоламъ, яко воскресъ Христосъ изъ мертвыхъ и прочихъ радость подавала, невѣрнымъ сынамъ и всему роду Христіянскому даровалъ животъ вѣчный и велію милость. Христосъ, сошедъ во глубину адову, двери желѣзныя сломи и сокруши силу діавола и сатану связалъ на вѣки и всѣ праведныя души отъ отцевъ Адама и Еву изъ ада извелъ и разодралъ Адамова рукописанія, разбойника прежде всѣхъ послалъ и праведныхъ души съ разбойникомъ въ рай внидоша и по воскресеніемъ Твоимъ Ты, Сынъ мой двери затвори, Фомѣ вѣру показа пречистыя ребра свои пребоденныя и тогда Ты Сыне мой изъ Вифанія отъ горы Елеонскія по прошествіи сорока дней вознесся со славою на небеса, а восьмый день послалъ Духа Святаго на святые Свои ученики и апостолы; отъ того часа бысть раздѣленіе языковъ, страны, глаголы и повелѣніе Святыя Троицы. И рече еси Господь нашъ Іисусъ Христосъ: о Мати Моя возлюбленная, Пресвятая Богородица, истину рекла еси сонъ твой не ложенъ есть и все со Мною сбудется.

Можетъ, или кто грамотѣ умѣетъ и сонъ сей спишетъ и будетъ въ дому своемъ держать въ чистотѣ не прикоснется къ тому дому никакая напасть, отъ грому и молніи и отъ нечистыхъ духовъ тотъ домъ помилованъ будетъ и также и скотъ его въ дому и въ полѣ отъ злыхъ звѣрей, отъ съѣденья избавленъ будетъ за сонъ твой Богородицынъ, за страсти твои Христовы. Кто сей сонъ въ пути имѣетъ въ чистотѣ, къ тому человѣку не прикоснется діяволъ, избавленъ будетъ тѣлесныя болѣзни и напрасной смерти отъ мечнаго посѣщенія и смертной язвы, ни змѣй лукавый не уязвитъ вся дни живота ихъ. Глагола вамъ, христіянамъ, аще который человѣкъ пойдетъ предъ царя, или предъ судей и сей сонъ отъ судей избавленъ будетъ и не осужденъ, а по смерти душа будетъ избавлена вѣчной муки и ведена будетъ вѣчныя веселыя жилища. Кто сей при смерти самъ прочитаетъ, или кого заставитъ прочитать, того человѣка душа будетъ ведена вѣчный покой святыя Ангелами. Аще кто сей сонъ Пресвятыя Богородицы читаетъ съ теплою вѣрою зачтена слушать того сна избавленъ будетъ душа ихъ святыя Ангелы придутъ всѣ

земныя мытарства покажутъ и принесутъ ко Мнѣ на благословеніе ко гробу Моему и благословеніемъ Моимъ послана будетъ къ праведнымъ отцамъ Аврааму, Исааку и Іакову въ царство небесное, въ прекрасный рай, со всѣми святыми, за сонъ твой Богородицынъ и пречестыя Мои Христовы страсти. Аще кто сей сонъ всякой день читаетъ, или слушаетъ съ теплою вѣрою христіанскою и дастъ кому списывать человѣку, хотя бы имѣлъ грѣховъ на себѣ, какъ песку въ морѣ, какъ листовъ на древѣ и травы на землѣ, или звѣздъ на небѣ, то всѣ грѣхи ему отпущены будутъ и царствіе небесное получитъ, дому его счастіе будетъ и во вѣки до скончанія вѣку. Аминь.

Свитокъ Іерусалимскій.

Господне наказаніе Іерусалимское 1-е и 2-е послѣднее. Божественнаго сего писанія и наказанія разумѣть словесъ моихъ онаго писано, какъ во святомъ градѣ Іерусалимѣ бысть явленіе предивное, во святой Божественной церкви гласъ глаголющій, невидимо людямъ спаде камень съ небеси малъ, студенъ и тяготы его никто не можетъ знать и спаде тотъ камень во 7-мъ часу дни. Патріархи Іерусалимскіе со всѣмъ Соборомъ служили молебны трое сутокъ, въ 4-й день развалился камень на двое Божественнымъ повелѣніемъ, обрѣтоша въ немъ свитокъ Богомъ написаннымъ: тако глаголетъ Господь, послушайте людіе мои человѣколюбія и наказанія моего разумѣйте сего писанія: Азъ есмь Богъ вашъ, 1-е и 2-е посланіе невидимо отъ Господа нашего Іисуса Христа заповѣдей и словесъ моихъ, меня, многихъ, не слушайте. Небо и земля мимо идетъ, а слово же мое мимо не идетъ. Уже я васъ окаянiи, лѣта и времена бысть первыя ваши окончаются, страшный судъ и судія готовится, престолъ поставляется, священныя книги разбираются, всѣ тайны и дѣла ваши открываются. Азъ есмь судія праведный, пріиду судити живыхъ и мертвыхъ и воздамъ каждому по дѣламъ его, праведнымъ царство небесное, а грѣшнымъ муку вѣчную. А вы, людіе мои, поживите въ любви и совѣсти, дѣлайте между собою правду, воскресные дни чтите и праздники Господни почитайте, среду и пятницу храните, по Божественному писанію воскресъ изъ мертвыхъ, мертвые воскреснутъ, того ради въ послѣдній день

страшнаго суда и начала вашего спасенія, а въ среду совѣтовали жиды и бити, а въ пятницу на крестѣ распяли и копіемъ ребра прободаша и святой крови источиша, того ради подобаетъ среду и пятницу поститься и дѣлайте себѣ въ шесть дней, а день седьмый для служенія Господу Богу и празднуйте веселіемъ и съ любовію, почитайте другъ друга, сосѣдъ сосѣда не обижайте и убогимъ милостыню давайте, а вамъ дамъ законъ и святое крещеніе, вы закона Моего не послушайте. Азъ есмь Господь Богъ вашъ, творецъ неба и земли, долготерпѣливъ и многомилостивъ, жду вашего покаянія и ко Мнѣ обращенія о злыхъ дѣлахъ вашихъ, окаянныя человѣцы погубилъ бы васъ до конца, да еще за васъ проситъ мать Моя возлюблена. Аще Я на васъ умилосердился, не послалъ бы васъ погубить до конца и жду вашего ко Мнѣ обращенія изо всѣхъ дѣлъ вашихъ, аще вы человѣцы творите между собою правду, воскресныя дни, праздники господни, среду, пятокъ станите почитать, нищимъ и убогимъ милостыню станете давать, то бы Я вамъ дождя даю на землю и теплоту солнечную, во время плодовъ земныхъ и всякаго изобилія много. Аще и то вы человѣцы не покаетеся и писанія Моего не послушайте, нашлю на васъ языки невѣрные и прольютъ кровь вашу крещеную за ваше непослушаніе. Еще пущу на васъ мразъ лютый и летущій огонь опаляющій и напущу жажду, не дамъ дождя на землю, теплоты солнечной во время плодовъ земныхъ и Азъ отверзу на васъ изъ небесъ и пущу на васъ камень горючій и воду кипящую за беззаконія ваша и вы какъ можете укрыться отъ руки Моей? И аще пущу на васъ ползучихъ и крылатыхъ, въ тотъ же часъ поѣдятъ васъ. Аще вы человѣцы, видите гнѣвъ Божій, не покаетеся, то пущу на васъ тьму великую и вы окаянныя человѣцы вскорѣ погибнете, яко прахъ и будете раскапывать гробы умершихъ и просить, чтобы они васъ скрыли и они не пустятъ васъ и не можете скрыться отъ суда Божьяго и не можете отвѣтъ дать въ день судный предъ праведнымъ судьею, когда пріиду судити живыхъ и мертвыхъ и воздати каждому по дѣламъ его, тогда примете клятву вѣчную, за умноженіе грѣховъ вашихъ и кто глаголетъ, ложь есть и тотъ человѣкъ проклять во вѣки и не будетъ прощенія грѣховъ и внидетъ во адъ, огнь вѣчный и горе тому человѣку, который духовныхъ отцевъ укоряетъ и сквернословитъ и горе тому, который

дѣтей своихъ не учитъ страху Божiю и закону Господнему и горе тому человѣку, который воскресные дни не почитаетъ ради лѣности своей, аще который человѣкъ, въ домѣ своемъ свитокъ держать станетъ, или кому дадутъ читать, или переписывать, или кто послушаетъ сего писанiя, аще имѣетъ грѣховъ превыше главы, то всѣ ему отпущены будутъ. Горе тѣмъ людямъ, которые въ церьковь Божiю не ходятъ ради лѣности своей! Горе тѣмъ людямъ, которые во время литургiи Божiей говорятъ! Ради своего спасенiя молитеся денно и нощно о грѣхахъ своихъ и да будетъ вамъ прощенiе. Церковь Божiю ходите и свѣчи на домъ приносите и праздники Господни не забывайте, страмно не говорите и другъ друга любите, духовнымъ отцамъ на покаянiе ходите, о грѣхахъ своихъ кайтеся. О, горе блудникамъ, пьяницамъ христiанамъ! Напиваются, яко свиньи въ тинѣ валяется, у него ради червь не умираетъ и огонь не угасаетъ. Покайтеся человѣцы, время послѣднее приходитъ и лѣта ваша скончаваются, человѣцы не здавайтеся на множество богатства, помолитеся Богу, другъ о другѣ прошенiе творите, должникамъ долги отдавайте, грѣши ваша! Послушайте, человѣцы, писанiя Моего, давши вамъ все поднебесное Мое созданiе. Небо и земля мимо идетъ, а слово Мое мимо не идетъ. И вѣруйте во святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Слово скверное, слово матерное.

Глаголетъ Господь пречистыми Своими устами: аще кто во имя Мое вѣруетъ, тому человѣку не подобаетъ матерно бранится, ибо оное слово, писанiе глаголетъ, псiе лаяше, который лается во всякое время, а вы человѣцы. Иной, воставъ отъ сна, не умывается и, не сотворивъ на себѣ крестнаго знаменiя, начинаетъ лаяться матерно, не подумаетъ о томъ, что 1-я мать наша Пресвятая Богородица, которая родила Спаса всего мiра, молитъ денно и ночно о грѣхахъ нашихъ; 2-я мать наша земля, ибо отъ земли созданы и въ землю паки пойдемъ; 3-я мать наша, которая во утробѣ насъ носила и по рождествѣ вашемъ нечистоту обмыла. Для того надобно разумѣть каждому человѣку. Азъ сотворенны по образу Божiю и по подобiю Своему и жду вашего покаянiя сими скверными словами. Аще который день человѣкъ матерно ругается, въ то самое время

небеса ужаснутся, земля потрясется и мать Божія на престолѣ восрепещется и того дни у человѣка уста кровію затекаются и тому человѣку не подобаетъ въ церковь ходить, креста цѣловать и причастія не принимать, не давать изъ себя всякое слово матерное и скверное. Аминь.

Молитва на всякую немощь.

Владыко Вседержителю, врачу душъ и тѣлесъ! Смири возносяй, наказуя и исцѣляй; раба немощствующаго посѣти милостію Своею, простри руку Твою, исполнену моленіемъ, и врачевы тѣло его, воставляй отъ одра и немощи, запрети духу немощи, остави отъ него всяку язву, всяку болѣзнь, всяку рану, всяку огневицу и трясавицу. Аще въ немъ согрѣшеніе, или беззаконіе, ослаби и остави, прости, Твоего ради человѣколюбія. Ей, Господи, пощади созданіе Твое во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Нимже благословенъ еси во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово святое Іоанна Златоуста о двѣнадцати пятницахъ.

1-я на первой недѣлѣ великаго поста. Кто сію пятницу постится, тотъ внезапной смерти избавленъ будетъ.

2-я предъ Благовѣщеніемъ Пресвятыя Богородицы. Кто сію пятницу постится, тотъ отъ разбойниковъ избавленъ будетъ, отъ убійства.

3-я на страшной недѣлѣ. Кто ту пятницу постится, отъ непріятеля сохраненъ будетъ.

4-я предъ Вознесеніемъ Господнимъ. Кто сію пятницу постится, тотъ отъ варварскаго плѣненія сохраненъ будетъ.

5-я предъ Рождествомъ Святаго Духа. Кто сію пятницу постится, отъ непріятельскаго меча сохраненъ будетъ.

6-я предъ Рождествомъ Іоанна Предтечи. Кто сію пятницу постится, тотъ отъ всякаго зла избавленъ будетъ.

7-я предъ Воздвиженіемъ Господнимъ. Кто сію пятницу постится, отъ уязвленія змѣя сохраненъ будетъ.

8-я предъ Кузмы Демьяна. Кто сію пятницу постится, тотъ утопленія сохраненъ будетъ.

9-я предъ Покровомъ Святыя Богородицы. Кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ при смерти узритъ Пресвятую Богородицу.

10-я предъ Михаиломъ Архангеломъ. Кто сію пятницу постится, отъ скудости и бѣдности сохраненъ будетъ.

11-я предъ Рождествомъ Христовымъ. Кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ предъ смертію узритъ Самого Господа нашего Іисуса Христа.

12-я предъ Крещеніемъ. Кто сію пятницу постится, тотъ отъ потопленія сохраненъ будетъ. Аминь.

Конецъ всему міру.

Вечерами записывались также пѣсни. Такъ въ Устьѣ былъ записанъ рядъ свадебныхъ пѣсенъ, поющихся *искони вѣку*, отъ двухъ женщинъ: 40-лѣтней крестьянки Анны Северьяновой Осенковой и Настасьи Арсеньевой Исаевой. Первая спѣла и проговорила слѣдующія пѣсни: пѣсня, какъ является женихъ къ невѣстѣ со своей родней. Дѣвицы поютъ:

Жениху:

Ужъ вы гуси да лебеди,
Вы куды на́чесь лётали?
Ужъ мы лётали, лётали,
Ужъ мы съ моря да на́ море,
Мы на тихія заводи.
Вы чего тамъ видѣли?
Да ужъ мы видѣли, слышали,
Да бѣлу лебедь на за́води.
Для чего вы съ собой не́ взяли?
Мы ее запримѣтили,
Право крылышко зало̀мили.
Да ужъ вы, кня́зья, да бо́яра,
Куды на́чесь съѣздили?
Да ужъ мы ѣздили, ѣздили,
Да ужъ мы съ городу, на̀ городъ,
Да ужъ мы съ волости на́ волость,
Изъ деревни въ деревнюшку,

Во деревню, во славную,
Къ мужику, ко богатому,
Ко Егору тароватому.
Вы кого тамъ видѣли?
Да ужъ вы чей голосъ слышали?
Ужъ мы видѣли, слышали,
Да красну дѣвушку во теремѣ.
Да для чего съ собой не́ взяли?
Да мы ее запоручили,
Да за поруки за крѣпкія,
Да за письмо скорописано.
Да попъ-отъ батько письмо писалъ,
Дьяконъ руку прикладывалъ,
Ко письму приговаривалъ:
Е письмо не корыстное,
Е житья не вѣковишное.

Тысяцкому, крестному отцу.

Славной тысяцкой, прибогатой, (2)
Славной тысяцкой, тароватой, (2)
Славной тысяцкой, не скупися,
Золотой казной подѣлися.
Вамъ той казной не разжиться,
Себѣ тулупа не купити,
Хоть и купишь, да не сошити,
Сбшьешь, не носити,
Въ пиръ пойдешь, загуляешь,
Изъ пиру пойдешь, потеряешь.

Свахѣ.

Чужа свахонька, не скупися,
Золотой казной подѣлися,
Тебѣ той казной не разжиться,
Тебѣ на́колки ни сколоти.
Ужъ ты въ пиръ пойдешь, загуляешь,
Изъ пиру пойдешь, замараешь.

Дружкѣ,

Одинаковая, что свату.

Славной друженька, прибогатой....

Прiѣзжимъ съ женихомъ, холостымъ.

I.

Не яфанецъ по горницѣ катался,
Не бѣло́й жемчу́гъ по блюду разсыпался,
Иванъ-отъ жениться снаряжался.
Его матушка снаряжала,
Хорошо кудри то расчесала,
Словесами ему да наказала:
Ты поѣдешь, мое ди́тятко, жениться
Ко дѣвушечкѣ, ко красной, ко дѣви́цѣ,
Тебѣ станутъ дѣвицы пѣсни пѣти,
Ко тебѣ невѣсту припѣвати,
Александрушкой называти.

II.

У мѣсяца рога зо́лоты,
У Василья кудри русыя
По плеча́мъ лежатъ,
По плеча́мъ лежатъ,
Разсыпаются,
За эти, за́ русы кудри
Государь его хочетъ жаловать
Треми го́родамъ,
Треми славными,
Треми селами
Со приселками.
Первымъ городомъ—
Каменно̀й Москвой,
Другимъ городомъ—
Славнымъ Питеромъ,
Третьимъ городомъ–
Бѣлымъ озеромъ.

На Бѣломъ озерѣ поженитися,
У купца взять дочерь умная.
У купца еся у барина,
Дочерь умная и разумная,
Она умная и разумная,
Школьная и проворная.

III.

По горницѣ ходитъ,
Самъ кудри наводитъ,
Къ зеркальцу подходитъ,
Въ зеркальце смотри́тся,
Въ зеркальце смотрився,
Самъ себѣ дивився:
Хорошъ уродився,
Басокъ*) набасився,
Дѣвкамъ полюбився.
На коня садився,
Конь-отъ веселився.
Онъ видь плеткой машетъ,
Подъ нимъ конь-отъ пляшетъ.
Къ саду подъѣзжаетъ,—
Садикъ зеленяетъ.
Къ рѣчкѣ подъѣзжаетъ,—
Рѣчка высыхаетъ.
Дѣвица гуляетъ,
Дѣвушка встрѣчаетъ.

Пріѣзжимъ женатымъ со стороны жениха.

I.

Во горницѣ на столѣ,
на столѣ,
На дубовой на doскѣ,
на доскѣ,
Стоитъ чаша золота́,
золота́,

*) Баской—нарядный.

Полна меду налитá,
налитá,
Тутъ чарóчка спущенá,
спущенá,
За столомъ сидитъ Егоръ,
—отъ Егоръ,
За дубовымъ Никитьевичъ,
Чару меду наливалъ,
наливалъ,
Аграфену прикликалъ,
прикликалъ,
Аграфена, мой дружокъ,
мой дружокъ,
Сердечненькій животокъ,
животокъ!
Подойди къ столу къ дубовý,
къ дубовý,
Испей меду сладковó,
сладковó,
Роди сына во меня,
во меня,
Дочерь умну во себя,
во себя,
Лицикомъ истанкá,
истанкá.
Учи сына въ писаря,
въ писаря,
Учи дочку шелкомъ шить,
шелкомъ шить.
Сынъ-отъ мой Государю слуга,
А дочь то моя Государынѣ швея.

II.

Притóптана трáвонька,
Притóлочена зéлена.

Такъ и кто траву мялъ,
Кто зелéну толочилъ?
Алексѣй траву мялъ,
Поликарпычъ толочилъ.
Къ терему подъѣзжалъ,
Къ терему снаряжалъ,
Верхи золотилъ.
Александра душа
Пойди, выди съ терема,
Обери добра̀ коня.
Не досугъ менѣ идти,
Не слободно говорить.
Ужъ я дочь то качаю,
Зятя завичаю,
Сына качаю,
Замѣну себѣ чаю.

Другая крестьянка изъ того же Устья, Настасья Исаева спѣла другія пѣсни:

Жениху.

Поютъ утромъ на другой день передъ вѣнцомъ. Каждый стихъ повторяется два раза. Эта пѣсня *давношняя.*

Стелю̀тъ ковры, стéлютъ бархатные,
Съ по тѣмъ коврамъ, да съ по тѣмъ бархатнымъ
Идутъ попы, да идутъ дьяконы,
Что за дьяконами идутъ пѣ́вчики,
За пѣвчиками да добырай молодецъ идетъ,
Добрый молодецъ купецъ, что Василій молодецъ.
За собою онъ ведетъ красну дѣ́вицу душу́,
Красну дѣ́вицу душу̀, да онъ Агнію хорошу̀.
Онъ идетъ, идетъ, да останавливается,
Останавливается, да назадь оглядывается.
Таки что же ты, Агнія, тихо идешь?
Митревна душа, да остаешься назади?

Не могу, мой господинъ сударь, круто идти:
Отъ чеботу *) да земля сто̆нѐтъ,
Отъ яфаницу **) да лицо горитъ,
Отъ тебя, мой господинъ сударь, сердце дрожитъ.
Землѣ стонатъ, да перестáть бўдѐтъ,
Горѣть лицу, да пріутихнути,
Сердцу̀ дрожать, да привыкать бўдѐтъ.
Привыкай ко, Агнія, ко мóему къ уму,
Ко мóему къ уму, да и ко разуму,
Къ молодецкому да и ко мравику ***).
Зови ко ты всегда по и́менью,
Величай ко ты, душа, да по изотчеству,
Ты зови да свекра батюшкомъ,
Свекрóвушку да зови матушкой,
Девéрьицей да зови братцами,
Золовушекъ да зови сестрицами,
Меня да добра молодца по и́менью,
Величай ко душа по изотчеству.

Жениху ввечери.

Намъ сказали, нахвастали,
Что Василій не грозéнъ.
Грозенъ, грозенъ, не милостивъ.
Заходилъ, загулялъ мóлодецъ
Онъ ко тестю на широкій дворъ,
Онъ ко тещѣ на новыя на сѣня,
Къ Агніи за нáвѣсы,
Къ Митріевнѣ за брáны пологá,
Наливалъ стаканъ зелéнаго вина,
Ко стакану праву руку прижималъ,
Все злачёное перстенье приломалъ.
Тутъ Агнія растужилася,
Митріевна расплакалася,

*) топотъ.

**) яхонтъ.

***) нравъ.

Будетъ какъ мнѣ батюшкѣ сказать,
Доложиться родной матушкѣ.
Она бралà да трои золотѝ ключи,
Отпирала оковàнъ сундукъ,
Окова́нную коробочку,
Вынимала самолучее сукно,
Она кроила Василью пальто,
Кроила выкраивала,
Ко пальту то приговаривала:
Чтобъ не дологъ, ни коротокъ былъ,
Во подолѣ былъ раструбистой,
Въ могучихъ плечахъ подхватистой,
Чтобы не стыдно добру молодцу,
Ему выдти на широкой дворъ,
Ему сѣсти на добраго коня,
Ему ѣхати ко Божью церквѣ,
Во Божьей церкви вѣнчатися,
Ему съ Агніей обручатися.

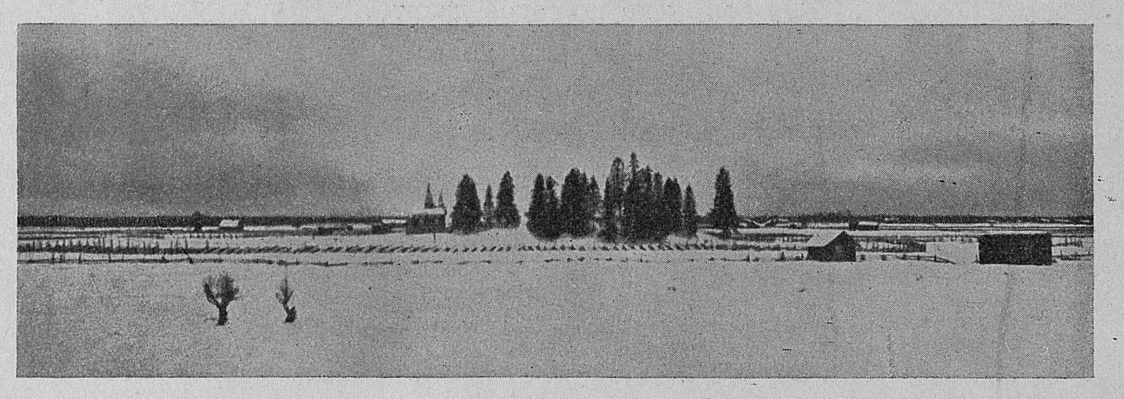
Старая посидѣночная.

Комаро́чки вы комары́,
Не даютъ мнѣ комарочки ночью спать:
Чуть заснула молоде́нька надъ зарей,
Не хорошой сонъ привидѣлся менѣ:
Будто мой милòй по горницѣ прошелъ,
Ко тесовой кроваткѣ подошелъ,
Шитой-браной положе́чекъ въ ручки бралъ,
На мое лицо прелестно посмотрѣлъ,
Сказалъ: милая, пойдемъ со мной гулять,
Во большіе хороводы постоять,
Во мудреныя кадре́ли поиграть.
У Катюшеньки большой-отъ еся братъ
Не опуститъ на улицу гулять,
Во мудреныя кадрели *) поиграть.

*) Настасья Исаева говорила, что въ ихъ мѣстности прежде *ходили шенфомъ*. Лѣтъ 25 назадъ была *кадрель*, а теперь кадрель уже бросаютъ и *ленцу* пляшутъ, *ленчикомъ* пляшутъ.

Велятъ Катенькѣ да братца поймать,
Средй пути-дорожки растерзать,
Дорогй подарочки отобрать,
Всѣ подарки по подружкамъ раздавать.

На другое утро, 31 декабря, встали въ пять часовъ утра, чтобъ ѣхать на медвѣдя. Выѣздъ изъ Устья былъ еще въ темноту. Едва виднѣлись предметы сквозь сѣро-голубую мглу и бѣлѣло серебро покрытыхъ снѣгомъ деревьевъ, да чернѣли ели. Свѣтло-розовой лентой заря блеснула вправѣ. Широко легла дорога, мѣстами съ горы на гору. Это Каргопольскій трактъ. По краямъ стѣной встали ели и сосны. Разсвѣтало. Замелькали деревни, часовни, старой постройки избы. На полдорогѣ миновали рѣку Ухтому. На ея берегу

Часовня на р. Ухтомѣ.

высилась заросшая лѣсомъ горка съ пріютившейся часовенкой. На остановкахъ, при перемѣнѣ лошадей, мы входили въ избы. Онѣ навѣяли много мыслей. Какъ далеко ушли современныя постройки нашихъ избъ Московскихъ въ сторону пошлости и уродства! Правда, въ нихъ горитъ керосиновая лампа, правда, онѣ содержатся чище, но гдѣ прежніе размѣры, гдѣ художественная форма столовъ, лавокъ, полокъ, шкафчиковъ? Гдѣ наконецъ толщина лѣса? Соединеніе удобства культуры съ древнимъ изяществомъ—вопросъ нашего времени. Почему наше истинное художество не спускается къ предметамъ обихода? Какая благодарная почва для художественнаго вкуса. То, что дѣлается въ самое послѣднее время, не совсѣмъ удовлетворяетъ. Попытки иногда отдаютъ игрушкой, очень кра-

сивой, но фантастичной. Отъ избъ невольно переходишь къ другимъ отраслямъ русскаго искусства. Отчего нѣтъ у насъ, или мало, систематическихъ изданій и изслѣдованій по иконописи, тканямъ, изразцамъ, утвари, рѣзьбѣ по дереву и многому другому? Съ такими думами наконецъ пріѣхали на мѣсто.

Тутъ насъ ожидало печальное извѣстіе: медвѣдь сошелъ. Мы утѣшились тѣмъ, что есть олени.

Остановились въ Лобановѣ, въ просторной, чистой избѣ богатаго крестьянина. Пока устраивались, я отправился бродить въ сторону рядомъ лежащаго села Петропавловскаго. Это огромный приходъ: къ нему тянутъ 37 деревень. Есть тутъ министерская школа, существующая съ 1843 года, прежде Вѣдомства Государственныхъ Имуществъ. Постройка старая, классы неуютны, всюду ветхость. Учитель оказался любителемъ исторіи и этнографіи. Онъ даже собиралъ пѣсни и указалъ на одного старика, знающаго пѣсни и совѣтовалъ послать за нимъ, но предупреждалъ, что онъ не охотно поетъ, если за нимъ записываютъ. При волостномъ правленіи есть народная библіотека-читальня. Рядомъ земскій пріемный покой. Этотъ уголокъ Новгородскаго земства, на взглядъ, не въ примѣръ выше сосѣдняго Вологодскаго. Затѣмъ отправился я къ священнику. Церковь 1797 года. Были три старыхъ деревянныхъ церкви, но сгорѣли[20]).

Вечеромъ, послѣ обѣда я послалъ за старикомъ, указаннымъ учителемъ. Онъ пѣлъ и говорилъ пѣсни. На немъ остановлюсь подольше. Александру Иванову Арапову 70 лѣтъ, онъ кузнецъ. Пѣсни поетъ онъ уже давно и слыхалъ ихъ отъ старыхъ людей; кромѣ пѣсенъ знаетъ еще *басни*. Писать за собою другимъ не позволяетъ, но мнѣ записать позволилъ: «какъ же я могу вамъ не позволить»? Быть можетъ, помогло здѣсь угощеніе, которое ему поднесли. Въ этотъ вечеръ и на слѣдующій онъ сказалъ девять пѣсенъ, изъ которыхъ потомъ три еще пропѣлъ, одну басню и одну сказку. Изъ девяти пѣсенъ двѣ историческія. Вотъ эти пѣсни:

1. Ай съ Дону кȧзаки наѣзжали,
   Землю Крымскую воевали....
2. Пб́ морю, по морю по Веревскому
   Плыло выплывало триста кораблей....

Остальныя семь любовныя:

3. Подуй, повѣй погодушка съ моря холодно....
4. Нонче люди стали иззамолода лукавы....
5. То никто-то не можетъ меня взвеселить....
6. Ахъ то что кокушечка во сырòмъ бору....
7. Ужъ ты швейка молодая....
8. По дорогѣ по Московской, тута шли, прошли солдаты....
9. У дѣвўшки мальчикъ мравый....

Ихъ онъ называлъ *женскими*. Онъ говорилъ, что теперешнія дѣвушки мало поютъ старинныя пѣсни, что онъ пробовалъ ихъ прiучить, но онѣ *не понимаютъ*. Теперь среди крестьянъ распространились *болтушки*. Араповъ ихъ не любитъ, говоритъ ихъ не станетъ и предложилъ другія, чтобы *стоило* писать. Есть еще у нихъ пѣсни *бѣсовскія*, но ихъ онъ не согласенъ разсказывать на старости лѣтъ. Онъ прежде зналъ больше пѣсенъ: «мы много знали, да грѣшныя стали изъ памяти выходить». Говорилъ онъ также, что ему тяжело много пѣть: *душа не можетъ тянуть*. Поэтому пришлось большинство пѣсенъ записать только со словъ. Это было жаль. Древніе напѣвы вызывали особенныя чувства: чудилась отшедшая жизнь и подъ звуки вставали иные образы. Иногда онъ останавливался и спрашивалъ: «не круто-ли я говорю?» или пояснялъ своими словами не всегда понятныя выраженія. Его видимо занимало записываніе.

Наибольшее впечатлѣніе произвела *басня* о Тюхменѣ Адехментьевичѣ. Эта былина извѣстна подъ другимъ именемъ, какъ былина о богатырѣ Сухманѣ. Къ ней оказалась присоединена другая, о Василисѣ Никулишнѣ.

Сколько извѣстно, въ Новгородской губерніи не было сдѣлано ни одной почти записи былинъ. Только въ сборникѣ П. В. Кирѣевскаго есть двѣ былины, одна объ отъѣздѣ Добрыни, записанная въ Новгородѣ въ 1834 году, а другая объ Иванѣ Гостинномъ сынѣ, въ Валдайскомъ уѣздѣ въ 1839; но обѣ эти былины небольшіе отрывки, первая въ нѣсколько строкъ, вторая неоконченная.

Проф. В. М. Миллеръ въ своихъ «Очеркахъ русской народной словесности» говоритъ, что «результаты тридцатилѣтнихъ поисковъ былинъ въ разныхъ областяхъ Россіи, за вычетомъ губерній Олонецкой и Архангельской и нѣкоторыхъ мѣстностей Сибири, оказы-

ваются крайне скудны,» что «если уже о главныхъ богатыряхъ нашего эпоса сохранилось лишь незначительное число былинъ внѣ предѣловъ Олонецкой и Архангельской губерній и Западной Сибири, то остальныя эпическія лица почти не извѣстны южной половинѣ великоруссовъ. Среди нихъ до сихъ поръ не встрѣчались былины о Дунаѣ Ивановичѣ, Михаилѣ Казариновѣ, Иванѣ Годиновичѣ, Сухманѣ и др., и кажется нѣтъ надежды, что бы былины объ этихъ лицахъ когда нибудь попали въ запись этнографа».

Теперь можно причислить къ Новгородской губерніи и записанную былину о Тюхменѣ Адехментьевичѣ.

Былины, записанныя Рыбниковымъ о «Сухманѣ Одихмантьевичѣ», въ Пудожскомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи, и Гильфердингомъ «Сухманъ», въ томъ же уѣздѣ, представляютъ по содержанію своему былину сходную съ записанной, съ многими однако варіантами. Нигдѣ не встрѣчается, кажется, и такое наименованіе богатыря. Въ только что вышедшемъ превосходномъ трудѣ А. Маркова «Бѣломорскія былины» также есть эта былина.

Вторая половина былины извѣстна по записи, сдѣланной въ селѣ Павловѣ, Нижегородской губерніи (Извѣстія II Отд. Имп. Академіи Наукъ, 1855), гдѣ однако является не Василиса Никулишна, а Василиса Даниловна.

По словамъ крестьянина Арапова, разсказанная басня эта *на голоса не подымается*, слышалъ ее онъ отъ своего отца *сказителя*, такого же, какъ и онъ, неграмотнаго, который *широко находился*, человѣкъ былъ понятный, *по Петербурхамъ*....

Прежде чѣмъ разсказывать старикъ предупредилъ, что будетъ говорить басню о князѣ Владимірѣ, который послѣ святымъ сталъ, а сначала *вражилъ*.

Въ ночь подъ новый годъ записана была слѣдующая былина, по словамъ сказителя «статья долгая, хорошая»:

«Когда Кіевскимъ княжествомъ владѣлъ Князь Владиміръ, онъ заводилъ пиры весе́лы частенько и бражки пьяныя. Когда въ именинный день завелъ Князь Владиміръ веселый пиръ, созвалъ онъ на веселый пиръ, на имянинный день, князей, бояръ и высшихъ генераловъ. Тамъ были попы да патріярхи. На его веселомъ пиру гости любящіе кто чѣмъ, кто чѣмъ, кто похвастаетъ золотой казной,

кто похвастаетъ молодой женой, кто тамъ похвастаетъ доспѣхами богатырскими, кто тамъ похвастаетъ платьемъ цвѣтнымъ своимъ; тогда Владиміръ Князь обвелъ глазами по всему пиру веселому и увидалъ онъ позади стола дубоваго, ѣства сахарныя и вина заморскаго, сидитъ храбрый рыцарь Тюхмень Адехментьевичъ, позадѣ стола дубоваго, повѣсилъ голову ниже могучихъ плечъ. Подошелъ къ нему Князь Владиміръ и говоритъ ему таковы слова:

— А что же ты,—говоритъ,—Тюхмень Адехментьевичъ, сидишь ты позади стола дубоваго, повѣсилъ буйную голову, на нашемъ веселомъ пиру всѣ хвастаютъ, а ты ничѣмъ не хвастаешь?

Отвѣчаетъ Тюхмень Адехментьевичъ:

— Ваше,—говоритъ,—Императорское Величество, а чѣмъ же мнѣ,—говоритъ,—похвастати, когда есть у меня золота казна и платье цвѣтное, есть у меня и доспѣхи богатырскіе? Этимъ не могу я похвастаться. А далъ бы ты мнѣ свободы на суточки съѣздить къ синему морю на тихія заводи, привезу я тебѣ на ужинъ лебедь бѣлую, шестопѐрую, не убитую, не кровалую, не подстрѣле́ную.

Говоритъ ему Владиміръ Князь:

— Ѣдь, ѣдь,—говоритъ,—Тюхменюшко, я дамъ тебѣ свободушки хоть на трои суточки.

Утромъ рано встаетъ Тюхмень Адехментьевичъ, беретъ онъ уздечку тесменную, повода того шелку Шемахинскаго и беретъ онъ сѣделце Кабардинское, приходитъ онъ на конюшню, накладываетъ на коня уздечку тесменную, накидываетъ повода шелку Шемахинскаго, наложилъ сѣдло Кабардинское, а около коня застегнулъ двѣнадцать подпругъ, не для ради басы̀, а ради богатырской крѣпости. Скочилъ на коня, поѣхалъ къ морю на тихія заводи. Пріѣзжаетъ къ первой морской тихой заводи, осмотрѣлъ онъ глазами богатырскими по всей тихой заводи, не усмотрѣлъ онъ никого, ни гусей, ни лебедей, ни меленькихъ уточекъ, удивился самъ себѣ.

— Ахъ,—говоритъ,—здѣсь нѣтъ никого, не усмотрѣлъ я никого, ни гусей, ни лебедей, ни меленькихъ уточекъ.

Поѣхалъ Тюхмень Адехментьевичъ ко второй морской тихой заводи. Не усмотрѣлъ никого, ни гусей, ни лебедей, ни меленькихъ уточекъ.

— Вотъ такъ такъ!—говоритъ самъ себѣ,—и на второй нѣтъ никого. Поѣду-ко я, говоритъ, къ третьей морской тихой заводи.

И тамъ не усмотрѣлъ Тюхмень Адехментьевичъ, ни гусей, ни лебедей, ни меленькихъ уточекъ. Тутъ онъ запечалился.

— Ахъ, какъ такъ!—говоритъ самъ себѣ.—Съ чѣмъ я съѣду къ Князю Владиміру? Сказнитъ онъ мнѣ,—говоритъ,—голову. Это не похвальба видно моя молодецкая.

И поѣхалъ Тюхмень Адехментьевичъ, запечалился, повѣсилъ свою буйную голову ниже могучихъ плечъ. Подъѣзжаетъ Тюхмень Адехментьевичъ къ Днепрѣ-рѣкѣ. Увидалъ Тюхмень Адехментьевичъ Днѣпрý-рѣку. Она смутилася, съ пескомъ смѣшалася. Тогда спросилъ Тюхмень Адехментьевичъ у Днѣпры-рѣки:

— А что ты,—говоритъ,—матушка наша, Днѣпрá-рѣка, почему же ты смутилася, зачѣмъ же ты съ пескомъ смѣшалася?

Отвѣчаетъ Днѣпрá-рѣка человѣческимъ голосомъ:

— Ахъ,—говоритъ,—потому я смутилась, съ пескомъ смѣшалась, подъ Кіевъ градъ подступила злая сила великая, татарская, злые татарове хочутъ Кіевъ-градъ побить-поплѣнить, головней его покатить, Князя Владиміра съ собой увезти. Днемъ они мостятъ мосты калиновы, переправиться черезъ Днѣпрý-рѣку, а ночью то я ихъ и повыдергаю. Ну, такъ я,—говоритъ,—Тюхмень Адехментьевичъ, стала изъ силъ выбиваться.

Говорилъ Тюхмень Адехментьевичъ:

— Матушка Днѣпрá-рѣка, пропусти меня на ту сторону, увидать злыхъ татаровей.

Говорила Днѣпрá-рѣка:

— Пропущу,—говоритъ,—со всѣмъ удовольствіемъ.

Тюхмень Адехментьевичъ подшпорилъ добраго коня, перепрыгнулъ за Днѣпрý-рѣку, посмотрѣлъ на силу татарскую—и смѣты нѣтъ.

— Ахъ,—говоритъ,—что я теперь стану дѣлать со злыми татарами, когда я не взялъ съ собой доспѣхи богатырскіе!

Потомъ скочилъ Тюхмень Адехментьевичъ съ добраго коня, вырвалъ дубъ со кореньицемъ, захватилъ его за вершиночку, потекла водица по кореньицѣ, сразился со злыми татарами. Зачалъ помахивать: гдѣ махнетъ-улица, гдѣ перемахнетъ-переулочекъ, а если впередъ ткнетъ, тутъ широка улица. Побилъ, поплѣнилъ всю силу

татарскую. Потомъ Тюхмень Адехментьевичъ поворотилъ добраго коня, поѣхалъ на Кіевъ-градъ. И затѣмъ спрятались три злые татарины за ракитовъ кустъ и пустили въ него три стрѣлы каленыя; поворотилъ Тюхмень Адехментьевичъ добраго коня и тѣхъ убилъ злыхъ татариновъ. Пріѣзжаетъ Тюхмень Адехментьевичъ въ Кіевъ-градъ къ Князю Владиміру на широкій дворъ, идетъ къ Князю Владиміру въ терема златоверхіе, является на ту половину, гдѣ находился Владиміръ Князь. Владиміръ Князь ходитъ по комнатѣ, желтымъ кудрямъ потряхиваетъ, у Тюхменя Адехментьевича спрашиваетъ:

— Что ты,—говоритъ,—Тюхменюшка, привезъ ли мнѣ на ужинъ лебедь бѣлую, шестоперую?

Сказалъ Тюхмень Адехментьевичъ:

— Мнѣ было не до этого, когда подступила подъ нашъ Кіевъ-градъ злая сила татарская, потому какъ хотѣла нашъ Кіевъ-градъ побить, поплѣнить, а тебя, Князь Владиміръ, съ собой взять, въ полонъ увезти, а я, говоритъ, побилъ, поплѣнилъ всю силу татарскую.

Говоритъ храбрый рыцарь Мишутушка:

— Вотъ, вотъ,—говоритъ,—привезъ тебѣ Тюхмень Адехментьевичъ на ужинъ лебедь бѣлую, а не привезъ тебѣ ни сѣренькой уточки.

На это Владиміръ Князь разгнѣвался, приказалъ заключить въ погреба глубокія, затворить двери тяжелыя, заключить замками желѣзными, засыпать желтымъ пескомъ. Говоритъ ему храбрый рыцарь Добрынюшка:

— Ахъ,—говоритъ,—Владиміръ Князь, не довѣряешь ты слову нашему, намъ вольнымъ ка́закамъ.

Вотъ посылаетъ Добрынюшку Владиміръ Князь на побоище татарское. Обсѣдлалъ добраго коня Добрынюшка и поѣхалъ къ Днѣпру̀-рѣкѣ. Подъѣзжаетъ храбрый рыцарь Добрынюшка къ Днѣпрѣ́-рѣкѣ и просилъ Днѣпру̀-рѣку:

— Вѣрно ли тамъ есть татарское побоище?

Отвѣчала Днѣпра̀-рѣка:

— Ѣдь, ѣдь, Добрынюшка, узнай тамъ татарское побоище, побиты тамъ всѣ злые татарины.

Перепрыгнулъ Добрынюшка за Днѣпру̀-рѣку, увидѣлъ: всѣ побиты злы татарове, ни одного жива нѣтъ. Усмотрѣлъ Добрынюшка ту лазеечку, которой побивалъ Тюхмень Адехментьевъ силу татар-

скую. Поизбилась дубиночка на лозиночки и взялъ Добрынюшка дубинушку съ собой, привезъ Князю Владиміру на широкій дворъ. Заходитъ Добрынюшка къ Князю Владиміру въ терема златоверхія. Спрашиваетъ Князь Владиміръ:

— Правда ли, Добрынюшка, побита сила татарская?

— Правда, правда, Владиміръ Князь, всѣ побиты злые татарины.

Посылаетъ Владиміръ Князь посланниковъ:

— Идите, идите посланники, разрывайте желтые пески, ломайте желѣзные замки, отворяйте двери тяжелые, выпускайте Тюхменя Адехментьевича, буду я его дарить городами съ пригородками, селами и съ приселками!

Вотъ посланники не замедлили, въ тотъ же часъ пошли къ погребу глубокому, разрывали желтые пески, сломали желѣзные замки, говорили:

— Поскорѣе иди, Тюхмень Адехментьевичъ, хочетъ тебя Владиміръ Князь дарить городами съ пригородками, селами съ приселками.

Въ тотъ же часъ вышелъ Тюхмень Адехментьевичъ, говорилъ посланникамъ:

— Скажите Князю Владиміру, что не видать въ глаза меня.

Пошелъ Тюхмень Адехментьевичъ въ чистое поле далекошенько, сталъ растыкать раны глубокія, началъ вынимать лавровое листъице и сказалъ посланникамъ:

— Протечетъ изъ меня Тюхманъ-рѣка, кровавая, горе-горькое, смѣшается кровь со слезами горячими.

Приходятъ посланники къ Князю Владиміру, говорятъ:

— Не видать тебѣ Тюхменя Адехментьевича въ глаза его.

Зароптали на Князя Владиміра всѣ храбрые рыцари и вольные казаки:

— Разъѣдемся мы всѣ по своимъ мѣстамъ, не будемъ служить тебѣ.

Владиміръ Князь одумался, сталъ просить храбрыхъ рыцарей и вольныхъ казаковъ:

— Вотъ что,—говоритъ,—господа, храбрые рыцари и вольные казаки, у меня вы всѣ пережёнены, а только я одинъ холостой хожу. Ну, такъ вотъ что вы, выбирайте же тко вы мнѣ невѣсту такую же, какъ и я, умомъ разумомъ, чтобы знала она скорописчату

грамоту и могла служить, знать обѣдню воскресенскую и могла бы она на веселомъ пиру съ вами, храбрые рыцари и вольные ка̀заки, могла бы она съ вами слово молвити, на веселомъ пиру̀ вамъ поклониться, было вамъ кого назвать матушкой и взвеличать государыней.

Говоритъ храбрый рыцарь Мишутушка:

— Что я,—говоритъ,—объѣхалъ по святой Руси, объѣхалъ свѣту бѣлаго, много я видѣлъ до́черей, только не могъ выбрать по твоему разуму: которыя хороши, такъ умомъ не хороши, худо онѣ знаютъ грамоту скорописчату, не знаютъ онѣ и обѣдню воскресенскую, которыя есть, знаютъ грамоту скорописчату, обѣдню воскресенскую, такъ сами собой не хороши.

Храбрый рыцарь Мишутушка говорилъ Князю Владиміру:

— Не нашелъ я лучше фрелины, Василисы Никуличны: она знаетъ грамоту скорописчату, обѣдню воскресенскую, разумѣетъ она на веселомъ пиру гостямъ поклониться, съ гостями слово молвити и гостямъ можно ее назвать государыней.

Потомъ Владиміръ князь поглядѣлъ на храбраго рыцаря Мишутушку, говорилъ ему:

— Ахъ, ты,—говоритъ,—сучій сынъ, развѣ возможно отбить отъ мужа хозяюшку, закону нѣтъ.

Мишутушка отошелъ на другую сторону, говорилъ Князю Владиміру:

— Ваше Императорское Величество, Владиміръ Князь! Вы не позвольте мнѣ голову казнить, позвольте слово молвити. Пускай-ко Василисы законный мужъ Данило Денисовичъ, пускай-ко онъ выйдетъ на луга Леонитовы, пускай-ко онъ побьетъ гусей, лебедей и меленькихъ уточекъ, да пускай-ко онъ является къ коло́дчику студе́ному, пускай онъ побьетъ звѣря лютаго со щетинами. Не убить ему звѣря лютаго со щетинами.

Это слово Князю полюбилося. Приказалъ Владиміръ Князь писать скорыя за̀писи. Посылаетъ Князь въ Черниговъ-градъ, къ Данилу Денисовичу. Посланники не замедлили, въ тотъ же часъ поѣхали въ Черниговъ-градъ. Пріѣзжаютъ въ Черниговъ-градъ, заѣзжаютъ безъ вопросу на широкій дворъ, идутъ безъ докладу въ терема златоверхіе. Увидала посланниковъ Василиса Никулична, говорила она посланникамъ:

— Какъ ты смѣлъ,—говоритъ,—безъ вопросу становиться на широкій дворъ, ахъ ты, сучій сынъ, безъ докладу идешь въ терема златоверхіе!

Отвѣчалъ ей посланничекъ:

— Я пріѣхалъ не гость къ тебѣ.

Вынимаетъ посланничекъ скорописчаты записи, бросаетъ посланничекъ записи на дубо̀вый столъ, на ска̀тертку бра̀ную.

Сѣла Василиса Никулична за дубовый столъ, стала она разбирать скорыя записи, ихъ читала, слѐзно плакала. Говорила она таковы слова:

— Видно, мы Князю не надобны.

Надѣла Василиса Никулична платье черное, сѣла она на до̀браго коня и поѣхала въ зелѐный садъ, гдѣ гуляетъ супругъ ее Данило Денисовичъ. Говорила она любезному своему Данило Денисовичу:

— Ѣдь-ко, ѣдь,—говоритъ,—домой въ терема златоверхіе. Видишь ты на мнѣ одежду черную, печальную?

Говорила она Данило Денисовичу таковы слова:

— Видно, мы Князю Владиміру, такъ сказать, что не на̀добны.

Говорилъ ей любезный мужъ Данило Денисовичъ:

— Прелюбезнѣйшая моя государыня, Василиса Никулична, что ты домой торопишься, при послѣднемъ то времени погуляемъ мы въ зелѐномъ саду и побьемъ мы на ужинъ меленькихъ уточекъ.

И поѣхали онѣ изъ зелѐнаго сада въ терема златоверхіе. Сажался Данило Денисовичъ за дубовый столъ, говорилъ онъ Василисѣ Никуличнѣ:

— Поди-ка ты, положи въ колчанъ девяносто стрѣлъ.

Въ тотъ же часъ пошла Василиса Никулична, положила въ колчанъ полтораста стрѣлъ. Приноситъ колчанъ Василиса Никулична, подаетъ колчанъ мужу своему.

Посмотрѣлъ въ колчанъ Данило Денисовичъ, сосчиталъ стрѣлы и говоритъ женѣ Василисѣ Никуличнѣ:

— Ахъ, ты,—говоритъ,—баба, баба маловѐрная! Я тебѣ приказалъ положить девяносто стрѣлъ, ну, а ты зачѣмъ же положила полтораста стрѣлъ?

Говорила жена ему:

— Ахъ ты, ахъ ты, любезный мой Данило Денисовичъ! Вѣдь, запасливый бываетъ лучше богатаго: ежели не хватитъ у васъ на побоище, тогда гдѣ возьмешь ты ихъ?

Говорилъ Данило Денисовичъ:

— Ладно, ладно, любезная, не мѣшаетъ мнѣ.

Утромъ рано Данило Денисовичъ ѣдетъ онъ на побоище, на тѣ луга Леонитовы. Потомъ сразился Данило Денисовичъ съ силой великой. Побилъ, поплѣнилъ всю силу великую, повалилъ по всѣмъ лугамъ Леонитовымъ. Потомъ Данило Денисовичъ навелъ на глаза подзорную трубочку, навелъ на Кіевъ-градъ, усмотрѣлъ Данило Денисовичъ отъ Кіева-града, не два ли дуба шатаются, не два ли слона слоняются отъ града Кіева. Потомъ слѐзно заплакалъ, поворотилъ долгомѣрное копье тупымъ концѐмъ въ землю, на во́стрый конецъ напалъ своей грудью бѣлою, распоролъ онъ свою грудь бѣлую, зажмурилъ очи ясныя, поблѣднѣло его тѣло бѣлое.

Пришли къ нему изъ града Кіева два храбрые рыцаря, могучіи богатыри. Пришли къ Данилу Денисовичу, посмотрѣли на его, что его жива нѣтъ, посмотрѣли, поплàкали, выпускали изъ очей слѐзы горячія, поплàкали и домой пошли къ Князю Владиміру. Говорили они Князю Владиміру таковы слова:

— Вотъ, вотъ, Владиміръ Князь, оставилъ вамъ Данило Денисовичъ долгой вѣкъ.

Потомъ Владиміръ Князь сталъ сряжаться на брашную въ Черниговъ-градъ къ Василисѣ Никуличнѣ. Пріѣзжаетъ въ Черниговъ-градъ, Владиміръ Князь, заходитъ онъ въ терема златоверхіе, увидаетъ онъ Василису Никуличну, беретъ ее за руки бѣлыя, цѣлуетъ ее въ уста сахарныя. Говорила ему Василиса Никулишна:

— На что ты, что Князь дѣлаешь, цѣлуешь меня бѣдную въ уста во кровàвыя?

Говорилъ Владиміръ Князь:

— Ну-ко ну,—говоритъ,—оболокай платье цвѣтное, сряжайся на брашную.

Стала Василиса Никулична оболокать платье цвѣтное; оболокла она платье цвѣтное, взяла съ собой булàтный ножъ, схоронила она

булатный ножъ въ платье цвѣтное, сѣла въ карѣту съ Княземъ Владиміромъ и поѣхала къ граду Кіеву и потомъ, какъ она сравнялася съ Даниломъ Денисовичемъ, гдѣ Данило Денисовичъ успокоился и говорила она Князю Владиміру таковы слова:

— Отпусти меня,—говоритъ,—Владиміръ Князь, проститься съ милымъ дружкомъ, съ Даниломъ Денисовичемъ.

И сказалъ ей Владиміръ Князь:

— Иди, иди,—говоритъ,—простись,—говоритъ.

И послалъ съ ней двухъ храбрыхъ рыцарей, могучихъ богатырей. Когда она пришла къ мужу своему, къ Данилу Денисовичу, поклонилася, слѐзно заплакала, отклонилася и говорила она храбрымъ рыцарямъ, могучимъ богатырямъ:

— Вотъ что вы,—говоритъ,—дрỳги мои, когда вы сойдите къ Князю Владиміру, скажите вы то ему, чтобы онъ не далъ намъ валяться по чистому полю.

Вынимаетъ Василиса Никулична булатный ножъ, съ великаго горя, не съ терпѣнья своего сердца, распорола она свою грудь бѣлую булатнымъ ножомъ, зажмурила она глаза ясные, поблѣднѣло у нея тѣло бѣлое. Храбрые рыцари слѐзно заплакали, поплакали и пошли съ вѣстью къ Князю Владиміру. Говорили ему таковы слова:

— Великій Владиміръ Князь, оставила тебѣ Василиса Никулична дȯлгой вѣкъ.

Тутъ Владиміръ Князь прослезился слезами горячими.

— Ладно, ладно мнѣ говорилъ старый казакъ Илья Муромецъ: истребишь ты ясна сóкола, не поймать лебедь бѣлую.

Пріѣзжаетъ Владиміръ Князь въ Кіевъ-градъ, приказалъ онъ на лицо къ себѣ Мишутушку, который его смутилъ, также стȧраго кȧзака Илью Муромца, подарилъ ему шубу соболиную, а Мишутушку во смолы котелъ [21]).

Кончивъ сказывать Араповъ заявилъ: «кончилась....» и прибавилъ «а что я думаю, *было да сколько правды,* низачто *не выдумать*». Несомнѣнно, сказанное это усвоено Араповымъ по памяти, потому что онъ далѣе предложилъ говорить былину про Илью Муромца, но предупредилъ: «такъ это съ книги».

Онъ продолжалъ пѣть:

Ай съ Дону ка́заки наѣзжали,
Землю Крымскую воевали,
Красную дѣ́вицу въ полонъ брали,
Въ полонъ брали то полонили
Королю сестру родную.
Когда ее полонили,
На добра̀ коня посадили,
Въ свою землю-увозили;
Въ свою землю-то увозили,
На широкій дворъ становили.
Красная дѣвица слёзно плачетъ.
Енералъ плакать унимаетъ:
— Ты не плачь-ко, красавица, красная дѣвка,
Не тужи ты, красная дѣвка,
Я отдамъ тебя, дѣвка, въ замужъ
За любезнаго своего сына,
За Михайловича Ивана,
По фамилѣ то Краснощёкой,
А по чину онъ только али Графъ Румянцовъ.
Красная дѣвка сильно плачетъ.
Тутъ какъ возговоритъ красная дѣвка:
— Вы подайте-тко мнѣ листъ бумаги
И чернильницу золотую,
Мнѣ перо дайте лебедино;
Напишу письмо ро́дному брату,
Королю брату роднѝму,
Королевичамъ роднымъ племянничкамъ,
Чтобы присылалъ мнѣ король силы
И не много бы и не мало
По ра́зсчету мнѣ сорокъ тысячъ,
Всѣхъ бы ка̀заковъ прирубити,
Антоманушковъ приплѣнити.
На то ка̀заки сердовались,
Красную дѣ́вицу ударяли,
Изъ сѣдла ее вышибали,

Тѣло бѣлое изрубили,
По чисту̀ полю разметали.
Добрые молодцы наѣзжали,
Тѣло бѣлое собирали,
Во желты̀ пески хоронили [22]).

По морю, по морю по Веревскому
Плыло, выплывало триста кораблей.
Единый корабличекъ на отли́ку есть, изукрашенъ весь.
На этомъ корабличкѣ вышній генералъ.
Говорилъ этотъ самый генералъ:
— Гре́бите, солдатики, не робѣйте,
Своихъ бѣлыхъ рученекъ не жалѣйте,
Шелковыхъ перстяночекъ не утрадьте,
Есть, братцы, солдатики, за нами три погони.
Отъ первой погони мы уѣдемъ,
Со второю погонюшкой пріуправлюсь,
А отъ третьей то погони намъ не уѣхати.
Стрѣли́ла пу́шечка свинцева̀я,
Убила на кора́бликѣ вышняго генерала.
Слала, слала дивчуну̀шка мягкую постелю,
Клала, клала красави́ца высоко сголо́вье,
Жда̀ла, жда̀ла любезна̀я полковничка въ гости.
Мимо моего окошка пролегла̀ доро́жка.
Какъ сказали красавицѣ: померъ полковничекъ своей скорой смертью,
Остаются малы дѣтки—горькія сиротки.
Мимо моего окошка полковничка несутъ,
Коня ведутъ, тѣло несутъ, Еленушку тѣшутъ.
Молодка полковнича горьки слезы ронитъ,
Молодые мушкатёры могилушку роютъ.
Говорила полковничка горькими слезами:
— Накачу я на могилку синь горючій камень,
Заростай моя могилка шелково̀й травою.

Подуй, повѣй погодушка,
Съ моря хо́лодно,
Раздуй, развѣй рябинушку
Кужлявенькую.
Зачѣмъ, почто рябинушка
Рано расцвѣла?
Не высцвѣвши, не вызрѣвши,
Нельзя заломить,
Не вы́знавши, не высмотривъ хоро̀шую
Нельзя въ замужъ взять.
Повызнаю, повысмотрю,
За себя возьму.
Поилъ, кормилъ хорошую,
Ладилъ замужъ взять,
Досталася хорошая
Иному, не мнѣ,
Лакію̀ свиньѣ.
Лакей свинья безчуственный
Не умѣетъ жить.
Шла дѣвица темнымъ лѣсомъ
За алы̀мъ свѣтомъ.
Полынь трава шелко̀вая
Сплетаетъ мой слѣдъ,
Лавровые листочки
Въ головѣ шумятъ.
Не шумите-тко лавровые
Хоть на единый часъ,
Не дайте вы кручинушкѣ
Сердцу моему.
И такъ мое сердечюшко
Изныло во мнѣ.
Изъ-подъ кустика ракитова
Рѣчка нѐ течетъ,
Изъ подъ ка̀мешку,
Изъ подъ синяго
Рѣчка про́текла.

По край рѣки стоитъ дворецъ
Величающій.
У тово дворца стоитъ крыльцо
Раскрашеное.
По тому крыльцу
Ведутъ къ вѣнцу
Красную дѣвицу.
Красавица забавница,
Хоть рукой возьми.
— Ра́да я радёхонька,
Ручки отняты:
Подъ лѣвую, подъ рученькой
Тутъ сваха̀ стоитъ,
Подъ правою, тутъ подъ рученькой,
Тутъ лакей идетъ.
— Красавица забавница
Хоть вздохни по мнѣ.
— Рады̀мъ бы я радёхонька
Только здыхъ мой
Не́ дойдетъ.
— Красавица забавница
Хоть глазкомъ мигни.
— Рады̀мъ бы я радёхонька,
Закрыта̀ фатой.
Эхъ та, та, лакей свинья
Не умѣетъ жить.

Нонче люди стали
Иззамо́лода лукавы,
А подъ старость враговаты.
И сказали про дѣвицу
Небылую небылицу,
Будто я, красна дѣвица,
Со любезнымъ толковала,
Подаро̀чекъ принимала.

Принимала подарочекъ,
Завязала во платочекъ,
Во четвертый уголочекъ.
А у меня батюшка скромненекъ,
Засадилъ красную дѣвицу
Во темную темницу,
Ни дверей нѣту, ни оконъ,
Ни частыхъ мелкихъ протёсовъ,
Только есть во темницѣ
Одна трубонька выводная,
Выводная, она дымовая.
Вы подуйте вѣтры буйные
Со восточную сторонку,
Во чистомъ-то во полѣ,
Тамъ любезный мой гуляетъ,
На ворономъ конѣ ѣздитъ.
Вы скажите, вѣтры буйны,
Чтобъ пріѣхалъ мой любезный
Къ моей темноей темницѣ,
Просѣки то мой любезный
Окно у темныя темницы—
Вотъ такъ выпусти дѣвицу
Ты изъ темныя темницы.

То никто-то не можетъ меня взвеселить,
Ни рощицы, ни зеленые сады.
Взвеселитъ меня только любезная одна.
Съ горя Машенька нашутила,
Молодого мальчика полюбила,
Только я сама себя раззорила.
Куда же мнѣ съ горюшка дѣватися?
Пойду я со горя во тѣ лѣса дремучіе,
На болотушка на зыбучіе;
Стану я красна дѣвица
Подъ ракитовой кустокъ.

Закричу-то я, закричу,
Громкимъ голосомъ своимъ:
Собирайтесь-ко вы, собирайтесь
Звѣри лютые ко мнѣ,
Растерзайте вы, звѣри люты,
Тѣло бѣлое мое.
Выньте вы изъ меня
Ретиво̀ сердце мое;
Положьте вы его
На серебряный подносъ;
Снесите вы его
Ко милу̀ дружку въ терёмъ.
Пусть посмотритъ милый другъ
На ретиво́ сердце мое,
Можетъ во́ время
Пожалѣетъ онъ меня.

Ахъ то что кукушечка во сыро̀мъ бору да воскуковала,
Ахъ да соловеюшко, ай да звонко свищетъ,
Ай да красная дѣвица да мимо рощи шла, ай мимо зеленой.
Ахъ да никого она въ рощи не боялася,
Ай да зеленой да не страшилася,
Ай да что ни вора, ни разбойничка,
Ай да ни ненастнаго поддорожничка,
Ахъ ну ни денного пограби́теля.
Охъ да только дѣ́вица, только красная
Ай да устрашилася того, она убоялася:
Ай да мой любезный другъ-то да убито̀й лежитъ,
Ай да рѣзвыя ноженьки ахъ вдоль да дороженьки,
Бѣлыя рученьки да къ сердцу складены,
Ай да буйная го̀лова прочь отсѣчена,
Ахъ ну его шляпонька его пуховая ай да вся изсѣчена.

А ой по дорожкѣ по Московской
Тута шли прошли солдаты,
А ой шли солдаты молодые.
Ай въ слѣдъ за ними
Идутъ матери родныя.
Ахъ онѣ и́дутъ, слёзно плачутъ,
Ахъ во слезахъ пути дороженьки а ой не видятъ.
Тутъ какъ возго́ворятъ солдаты молодые:
— Ахъ ну да вы не плачьте наши матери родные
И не стоптать пути дороженьки слѣдами,
Охъ ну не смочить будетъ сыра земля слезами.
Не ясёнъ соко́лъ съ свита гнѣзда слетаётъ,
Ахъ ну а молодой уланъ-отъ съ фатерушки соѣзжаётъ,
Ай ни отецъ, ни мать улана провождаетъ
Ахъ провождала ево красная дѣвица,
Ай названьицу, уланова сестрица.
Ахъ ты эй не плачь-ко моя названная сестрица.
Какъ бы мнѣ-ка, красной дѣвкѣ,
Сизокрыльё, сизокрыльё лебеди́но,
Ахъ поднялась бы я, красная дѣвица, высо́ко,
Ай куды вздумала, тутъ бы полетѣла,
Гдѣ завидѣла любезно́го, тутъ бы сѣла.
Ай мой любезный на гальотѣ
И на гальотѣ, въ первой ротѣ.

У дѣву̀шки мальчикъ мравый,
Мальчикъ мравый, кудреватой,
Дѣвушкинъ пріятель.
Вложи мечемъ въ ретивое сердце.
Я забыть любезнаго не забуду,
Но только поминать не буду.
Воспомянетъ любезна́я
Въ о́дно воскресѐнье.
Жилъ я, былъ я во деревнѣ,
Не видалъ веселья,

Только видѣлъ я веселье
Въ о́дно воскресенье.
По задворьицу дѣви́ца
Водицу носила,
Коромысло кипарисно,
Ведёрушко дубово,
Два ведёрушка дубовы,
Ду̂шечки клёновы,
Коромысло тонько гнется,
Молодецъ надъ ней смѣется.

Кончивъ пѣсни, Араповъ предложилъ разсказать слѣдующую сказку:

Жилъ въ старые годы человѣкъ Ко́нонъ, воровалъ ко́ней. Этотъ Ко́нонъ вздумалъ идти воровать коней. Идетъ онъ дорогою, много ли, мало. Попадается ему человѣкъ встрѣчу. Какъ они другъ съ другомъ всрѣтились, сравнялись и завели совѣтъ промежду собой.

— Какъ,—говоритъ Ко́нонъ,—ты чей таковъ?—говоритъ.

— А ты кто такой?

Онъ сказалъ:

— Я,—говоритъ,—Ко́нонъ.

— Такъ ты,—говоритъ,—Ко́нонъ? Ну, такъ куда ты пошелъ, Ко́нонъ?

— Да я,—говоритъ,—пошелъ воровать *коней.*

— Такъ вотъ что, Ко́нонъ....

— А что такое?

— Да я,—говоритъ,—Антонъ, да тоже думаю *объ томъ.*

Они идутъ дорогой, много ли, мало. Опять попадается имъ на встрѣчу человѣкъ и сравнялся съ ними. Начали они опять совѣтъ держать.

— Ты кто такой?

— Ты кто такой?

Ко́нонъ сказалъ: «Я»,—говоритъ,—«Ко́нонъ, иду воровать ко́ней». А Антонъ говоритъ: «я»,—говоритъ,—«думаю объ томъ». А

третій говоритъ: «я—Власъ», говоритъ, «да три дни искалъ *васъ* пойдемъ въ товарищи!»

Приходятъ они въ городъ вечеромъ и говорятъ промежду собой: «куды бы намъ зайти и обокрасть богатаго человѣка?»

Этотъ Власъ говоритъ:

— Куды пойдемъ?.... Да пойдемъ ко Государю во дворецъ, тамъ хоть малая штучка украсть у Государя Императора, такъ она дорого стоить будетъ *).

И говорятъ ему Антонъ и Ко́нонъ:

— Что ты,—говорятъ,—сучій сынъ, что ты дѣлаешь, что ты говоришь? Развѣ льзя обокрасть Батюшка Государя Императора, который нашъ вседержитель есть.

Потомъ Ко́нонъ ударилъ этого Власа по щекѣ.

— Что жь ты,—говоритъ,—сукинъ сынъ, выдумалъ?

— А хочешь, такъ иди; а не хочешь, оставайся прочь.

Этотъ Ко́нонъ и говоритъ:

— А вотъ что, господа!

А Антонъ говоритъ:

— Ну, говори, говори....

— Я знаю,—говоритъ,—позади Сената есть,—говоритъ,—зданіе богатаго господина, а у него,—говоритъ,—нѣтъ никого, хоть обкрадемъ его, такъ онъ не заплачетъ.

И согласились они идти къ господину.

И потомъ говоритъ этотъ Ко́нонъ:

— Такъ сказать,—говоритъ,—у него кладовая отдѣльно отъ его дому на свободномъ мѣстѣ.

Вотъ приходятъ они къ господину и къ кладовой къ этой, гдѣ, значитъ, спасаются у господина разныя, всякія вещи. Ну, въ этой кладовой есть небольшая часть и денежныя суммы. Вотъ они и попали въ кладовую, ворвались. Вотъ кое-что они изъ одежды и изъ прочаго мелочного товару, какого бы то ни было; и взяли они всякія части не по множку; и какъ-то имъ попало господина его дорогое платье. Они это платье взяли. Вышли они на спокойное мѣсто и стали они дѣлить господское имѣніе и раздѣлили они

*) Дойдя до этихъ словъ говорившій остановился и спросилъ, можетъ ли онъ продолжать, не пропуская.

его благородно и безъ спору и потомъ вышелъ споръ у нихъ объ этой объ самой одеждѣ, въ которой господинъ ходитъ въ Христовскую ночь, встрѣчать Христа, Царя небеснаго. Никакъ они ее раздѣлить не могутъ. Этотъ Ко́нонъ и говоритъ своимъ товарищамъ:

— Ребятушки,—говоритъ,—полно намъ спорить, пойдемъ,—говоритъ,—спросимъ господина, кому прикажетъ это платье.

Согласились и пошли къ господину къ тому, у котораго украли имѣніе.

Приходятъ къ этому господину и говоритъ Ко́нонъ:

— Господа,—говоритъ,—вы оставайтесь у двери, а я,—говоритъ,—пойду, спрошу у господина.

Этотъ Ко́нонъ потихошеньку отворилъ дверь, гдѣ находится этотъ господинъ, отворилъ дверь маленько, посмотрѣлъ: господинъ лежитъ на диванѣ, слуга его противъ господина сидитъ въ стулѣ. Усмотрѣлъ этотъ Ко́нонъ, что господинъ заснулъ. Посмотрѣлъ и на слугу его: слуга дремлетъ, слуга спитъ. Потомъ этотъ Кононъ зашелъ потихонечку въ ихную комнату, усмотрѣлъ, что слуга заснулъ крѣпкимъ сномъ и баринъ спитъ, взялъ потихошеньку, этого слугу со стула снялъ, повалилъ на спокойное мѣсто и потомъ самъ сѣлъ на стулъ. Сидитъ въ стулѣ, посидѣлъ недолгое время, нашъ господинъ прохватился, скинулъ глаза, говорилъ слугѣ:

— Ахъ, слуга,—говоритъ,—скажи мнѣ басенку.

Слуга сказалъ:

— Со всѣмъ удовольствіемъ, ваше скородіе, буду сказывать.

— Говори, говори....

— Вотъ,—говоритъ,—къ одному господину заходили воры въ кладовую, воръ Ко́нонъ, воръ Антонъ, третій воръ—Власъ. Ну такъ они у этого господина порядочно унесли, украли изъ кладовой. Имъ попалося цвѣтное платье, въ которомъ господинъ ходитъ—Христа встрѣчаетъ, такъ они его раздѣлить не могутъ. Такъ они согласились придти къ господину, эти три вора. Ну, такъ кому,—говоритъ,—господинъ присудитъ это платье?

Господинъ говоритъ:

— Тебѣ,—говоритъ.

Потомъ этотъ Ко́нонъ сказалъ:

— Слушайте,—говоритъ,—мнѣ, а не вамъ.

Тѣмъ дѣлать нечего, отступились:

— Ты,—говорятъ,—хитеръ, да смѣлъ, пусть,—говорятъ,—тебѣ.

Онъ и взялъ къ себѣ. Его и есть.

Утромъ рано господинъ проснулся, спросилъ слугу, назвалъ его имемъ, какъ зовутъ:

— Ну, что же,—говоритъ,—сказывалъ ты мнѣ такую басенку?

Этотъ слуга отперся:

— Никакъ нѣтъ,—говоритъ,—ваше скородіе, не сказывалъ я вамъ такую басенку.

Одумался господинъ:

— Что такое! неужели ко мнѣ-то воръ приходилъ?

Этотъ господинъ говоритъ:

— Мнѣ приснилося: не воры ли заходили? будто, въ моей кладовой пристукало шибко.

Посылаетъ слугу:

— Иди-ко, сходи,—говоритъ,—въ кладовую.

Потомъ слуга пошелъ въ кладовую, усмотрѣлъ: кладовая подломлена. Приходитъ къ господину, отвѣтъ держитъ господину:

— Ваше высокородіе,—говоритъ,—точно правда,—говоритъ,—подломлена наша кладовая: были воры.

Говоритъ господинъ слугѣ:

— Много ли изъ кладовыя унесли,—говоритъ?

— Унесли,—говоритъ,—порядочно, да только, ваше высокородіе, унесли то платье, которое одинъ разъ въ годъ одѣваешь, Христа встрѣчаешь.

Господинъ плечами пожалъ, руками хлопнулъ и сказалъ:

— Ахъ,—говоритъ,—такъ видно у меня воръ-то и былъ, мнѣ басню сказалъ, онъ самъ-то и есть.

Послѣ того сказалъ господинъ:

— Ну,—говоритъ,—человѣкъ, досталось имѣнье мое. Сдѣло есть украсть, сдѣло есть и совѣтъ держать[24]).

Мнѣ сообщили, что въ сосѣдней деревнѣ Тимоѳеевкѣ живетъ старикъ—сказочникъ, нищій. Дѣвочка въ домѣ, гдѣ мы остановились, сказала, что онъ сейчасъ сюды *прикатился*. Я вызвалъ его въ кухню и заставилъ разсказывать слѣдующую сказку:

«У нашего царя выбирали солдата къ Рапскому королю съ данью идти. Былъ Иванушко сынокъ.

— Ахъ, па́па, я самъ пойду выбирать солдата къ Рапскому королю съ данью идти.

— Одинъ сынъ,—говоритъ,—опустимъ тебя ѣсть. У маменьки спросись.

Прибѣгаетъ къ маменькѣ:

— Я пойду къ Рапскому королю съ данью идти.

— Ахъ, Иванушка, одинъ сынъ, опустимъ тебя ѣсть,—говоритъ.

— Маменька, я и самъ пойду.

— Ты пойдешь, такъ и я пойду.

Съ матерью и поѣхали.

Пріѣзжаютъ къ Рапскому королю на пристань. Становится корабль на мѣсто. Увидалъ Рапской король, испугался, чугунными колесами ворота завалилъ. Иванушка пришелъ, въ ворота пнулъ—ворота улетѣли и колеса разлетѣлись. До Рапскаго короля дошелъ. Рапскаго короля пнулъ—тотъ за городъ улетѣлъ.

— Ну, Иванушка, служи у насъ на царствѣ.

Этой маткѣ принаскучило.

— Мнѣ,—говоритъ,—по городу поразгуляться.

— Поѣзжай,—говоритъ,—маменька.

Она ѣздила, ѣздила, поѣхала по загороду. Разъѣхалась на Рапскаго короля.

— Экой вытяжъ лежитъ! Есть у него избруна? Пихнула руку въ карманъ, нашла живой воды, прыснула—сталъ живой.

У Рапскаго короля и спрашиваетъ:

— Не знаешь ли такого мѣстечка, чтобъ народъ не ходилъ?

— А есть царскій дворецъ старый, куды народъ не ходитъ.

Пріѣзжаетъ къ Иванушку, говоритъ:

— Я сильно нездорова сдѣлалась. Не знаешь ли такого мѣста, чтобы народъ не ходилъ?

— Ахъ, маменька, гдѣ я знаю такого мѣстечка, что народъ не ходитъ!

— Я слышала, что есть царскій дворецъ, туда народъ не ходитъ.

— Поѣзжай, маменька,—говоритъ.

Она съѣхала къ Рапскому королю. У Рапскаго короля и спрашиваетъ на сына свержетъ. Онъ бы съѣздилъ къ бабѣ-ягѣ, оттуда бы не пріѣхалъ.

Пріѣзжаетъ Иванушка къ матери провѣдать, какова маменька.

— Ахъ, Иванушка, сильно не здорова. Ты бы съѣздилъ къ бабѣ-ягѣ за яблочками.

— Ахъ, маменька, баба то яга всему міру извѣстна.

Она взяла да отвернулась отъ его. Онъ подумалъ: безъ родительскаго благословенья здѣсь я погибну.

— Дай мнѣ благословенья.

— Богъ тебя благословитъ.

Онъ и поѣхалъ. Пріѣзжаетъ къ бабѣ-ягѣ. Увидала баба-яга, посылаетъ посланниковъ. Прибѣгаютъ посланники, зовутъ его на обѣдъ. Пріѣзжаетъ къ бабѣ-ягѣ.

— Куда, Иванушка, твой путь надлежитъ?

— У меня мать не здорова.

— У тебя мать б.... Поживи двои суточки: сука принесетъ двѣ выростки, тебѣ пригодны будутъ.

Другихъ сутокъ онъ не дожилъ. Вдругъ сука и принесла двухъ выростковъ. Подаваетъ выростковъ. Она въ погоню за нимъ слѣдомъ. Въ протопію (сумку) сунулъ и пишетъ маменькѣ письмо: маменька, я что̀ надо, то и везу.

А Рапской король и говоритъ:

— Баба дура! Сама,—говоритъ,—меня рѣжь и сама вались на ножъ! Сынъ узна́етъ, насъ обоихъ свержетъ.

— Молчи, молчи,—говоритъ,—не узнаетъ.

Пріѣзжаетъ Иванушка, подаваетъ яблочки. Выростки слѣдомъ забѣжали, пуховикъ стали рвать.

Она зарыкала.

— Какъ ты какихъ привелъ? Выгонь, ты, выгонь!

Онъ и выгонилъ.

Иванушка на свое мѣсто уѣхалъ. Пріѣзжаетъ къ матери опять провѣдывать....»

Сказка оказалась долгая. Далѣе идетъ разсказъ о томъ, какъ мать посылаетъ Иванушку на *Прекрасный мысъ,* ибо тамъ Рапскаго короля дочка привязана на съѣденіе звѣрямъ, затѣмъ Рапской

король Иванушку изсѣчетъ на кусочки. Появляется змѣй о трехъ головахъ, потомъ змѣй о шести головахъ, а затѣмъ *змѣя рѣшили*. Въ концѣ выростки свели къ царю, который дочерь отдалъ. Дѣйствуетъ здѣсь и какое то кольцо. Въ концѣ концовъ мать получаетъ наказаніе: *трои сутки за поросячій хвостъ держаться.*

Вотъ еще отрывокъ другого разсказа, начало котораго я успѣлъ записать:

«Шелъ солдатъ изъ походу. Идетъ селеньемъ. Выбѣгаетъ сумасшедшая дѣвка.

— Великъ,—говоритъ,—перелѣсокъ?

— Перелѣсокъ не большой,—говоритъ. Перелѣсокъ двадцать верстъ. Птички не поютъ, никого не слышно. Лежитъ ворона дряхла середь дороги.

— Солдатъ,—говоритъ,—ты меня возьми! Я тебѣ и пригожусь.

Онъ взялъ. Шелъ, шелъ.... Сдѣлался шатеръ: выпить и закусить. Опять шелъ и шелъ.... Ворона сдѣлала: выпить и закусить и отдохнуть. Ворону рядомъ повалилъ, на ворону крестъ положилъ. Прохватился—дѣвица лежитъ.

— Ну,—говоритъ,—солдатъ, я отъ тебя не отстанусь....[25])

Со словъ Анисьи Дмитріевны, родомъ изъ-за Кронштадта, записана пѣснь, которую, по ея словамъ, у нихъ поютъ однодворки:

Ужъ вы, кумушки, голубушки, подруженьки мои,
Вы которому святителю молились?
Которому чудотворцу обѣщались?
Что у васъ то мужья молодыя,
У меня то младешеньки старичище.
Я уходомъ отъ стараго уходила,
Подъ полою цвѣтно платье уносила,
У сосѣда подъ сараемъ наряжалась;
Ужъ я послѣ всѣхъ въ бесѣду приходила,
Ужъ я прежде всѣхъ съ бесѣды торопилась,
Подхожу я младешенька къ воротамъ,
Что не лютыя медвѣди заревѣли,

Меделянскія собаки забряхали,
Какъ и лѣзетъ старичище со печещи,
Снимаетъ онъ кнутище со крючища,
Онъ и бьетъ меня по плечамъ.[26])

Отъ Прасковьи Павловны Олешиной, рожденной Зайцевой, хозяйки дома въ Лобановѣ, слышавшей на своей родинѣ на Волоку Славинскомъ, лѣтъ 15 назадъ, слѣдующую пѣснь, которую пѣли въ дѣвушкахъ:

Шли солдатики слободой,
Славнымъ городомъ Костромой.
Они дѣвушекъ съ собой звали:
Вы пойдемъ-те-тко дѣвки съ нами
Не далеко, хоть до Казани.
Во Казани-то жить дородно:
Сторона тамъ хлѣбородна,
Тамъ горы то золотыя,
Въ горахъ камешки дорогія,
Въ лужкахъ травоньки шелковыя,
По подгорьицу течетъ рѣчка,
Течетъ рѣченька медяная,
Съ по ней струечка золотая,
Возлѣ рѣченьки лѣсъ малина,
На малинѣ то соловейко,
Соловеюшко воспѣваетъ,
Красныхъ дѣвушекъ потѣшаетъ.
Не глядите дѣвки на ба́лы,
На солдатскіе на обманы.
Во Казани-то жить не дородно,
Сторона тамъ не хлѣбородна,
Тамъ горы-то земляныя,
Въ горахъ камешки дресвяныя *),
Въ лужкахъ травонька да осока,
По подгорьицу течетъ рѣчка,

---

*) По объясненію говорившей пѣсню: дырявые, дряблые.

Течетъ рѣченька да кровяная,
По ней струечка да слезяная,
Возлѣ рѣченьки да лѣсъ щипица,
На щипицѣ сидитъ кукушка,
Не кукушечка да во полѣ кукуетъ,
Объ красныхъ дѣвушкахъ да все горюетъ.
Не глядите дѣвки на ба́лы,
На солдатскія да обманы.

Отъ нея же:

Чисто полюшко турецкое,
Мы когда тебя полѐ пройде́мъ,
Графъ Пашкеева въ полонъ возьмемъ?
Графъ Пашкеевъ рѣчь возго́ворилъ:
— Вы не бойтеся, ребята, насъ,
— Послужите вѣрой правдой
— Александру царю бѣлому.
— Александръ нашъ отецъ родной,
— Мы сольемъ ему вѣнецъ златой,
— На рученьку перстень зо́лотой.[27])

Ученикъ Петропавловскаго министерскаго училища Александръ Першаковъ доставилъ мнѣ нѣсколько пѣсенъ, имъ записанныхъ. Первыя три поются только въ одномъ посадѣ Ча́ронда, Печенгской волости, Кирилловскаго уѣзда. Затѣмъ десять свадебныхъ поются въ околодкѣ села Петропавловскаго, да еще пять, а всего восемьнадцать.

Вотъ пѣснь, которую пѣли въ прежнее время, когда выбирали рекрутовъ для солдатской службы, въ посадѣ Чаронда: на назначеннаго сельскими властями въ рекруты надѣвали на одну ногу большую деревянную колоду и затѣмъ приковывали къ стулу, или къ стѣнѣ, чтобы онъ не могъ убѣжать и скрыться на время, пока выбирали рекрутовъ:

Братцы, вы братцы,
Вы добрые молодцы,
Вы не знаете моего горя.

Какъ мое-то горе-горюшко великое:
Что куютъ-то, везутъ
Меня добра молодца,
Везутъ во солдатушки.
Не жаль-то мнѣ, не жаль самого себя,
Жаль-то родителя-батюшку;
Пожальчѣе того жаль родимыя матушки.
Какъ моя-то мать остается старымъ
Да старешенька.

Ты удаленькой до.... э.... ой да доброй молодецъ,
Удалая твоя э.... ой твоя голо.... вотъ головушка,
Широкая твоя э.... ой твоя боро.... вотъ вотъ бородушка,
Ты куда же мой дру.... э.... ой другъ снаряжа.... снаряжаешься,
Во которую даль.... э.... ой да дальну сто.... дальну сторону,
Во Казань ли городъ э.... ой городъ, ли во А.... э.... ой Астрахань,
Ли во матушку въ ка.... э.... ой въ каменну Москву?
Ты возьми-тко возьми э.... ой возьми меня ай меня съ собою
Назови-тко меня э.... ой меня родной вотъ родной сестрой.
— Ужъ, глупая кра.... э.... ой красна дѣ.... да красна дѣвица,
Неразумная до.... э.... ой да дочь оте.... да дочь отеческа,
Ты не съ думушки сло.... э.... ой да словцо мо.... словцо молвила,
Не съ догадушки рѣ.... э.... ой да рѣчь гово.... рѣчь говорила.

Ужъ ты, скука наша скука,
Скука злая, жизнь драгая,
Тебя нѣтъ скуки скучныя,
Нѣтъ разлуки тяжелыя.
Со разлуки сердце бьется,
Сердце бьется, не уймется.
Слышитъ сердце не нажиться,
Намъ приходитъ разставаться,
Разставаться, не свидаться,
Изъ села ходить въ деревню,
Во деревнюшку веселу,
Во веселу на бесѣду,

На бесѣдѣ сидятъ дѣвки,
Сидятъ дѣвки краснопѣвки,
Молоды, круглолицы,
Сидятъ старыя старухи.
Супротивъ, скамью садился,
Онъ садился, не стыдился.

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ.

Жениху.

Съ правой руки перстень-отъ спадываетъ,
Василій у Аннушки спрашиваетъ:
— Скажи, скажи, Аннушка,
Кто тѣ въ роду милъ?
— Милъ да милешенекъ батюшко мой.
— Анна, Анна моя,
Все не правда твоя,
Не дѣло ты баешь,
Все не быль говоришь,
Все не быль говоришь,
Мое сердце гнѣвишь.
Съ правой руки перстень-отъ спадываетъ,
Василій у Аннушки спрашиваетъ:
— Скажи, скажи, Аннушка,
Кто тѣ въ роду милъ?
— Мила да милешенька матушка моя.
— Анна, Анна моя,
Все не правда твоя,
Не дѣло ты баешь,
Не быль говоришь,
Не быль говоришь,
Мое сердце гнѣвишь.
Съ правой руки перстень-отъ спадываетъ,
Василій у Аннушки спрашиваетъ:
— Скажи, скажи, Аннушка,

Кто тѣ въ роду милъ?
— Милъ да милешенекъ ты, господинъ:
— Анна, Анна моя,
Все правда твоя,
Дѣло ты баешь,
Все быль говоришь,
Мое сердце веселишь.

Тысяцкому—посаженному отцу жениха.

Тысяцкой хорбшенекъ,
Тысяцкой пригоженекъ.
Какъ на тысяцкомъ рубашка
Вся изъ тонкаго полотна,
Вся рисованая.
Какъ на тысяцкомъ штаны,
Да штаны бархатныя.
Тысяцкой хорошенекъ,
Тысяцкой пригоженекъ.
Какъ на тысяцкомъ кафтанъ
Полтораста рублей данъ.
Какъ на тысяцкомъ кушакъ
Дорогой, голубой.
Какъ на тысяцкомъ сапожки
Изъ чернаго сафьяну,
Да скобки съ выскорками,
Онѣ повыскакали.
Какъ на тысяцкомъ
Да черна шляпа со перомъ,
Рукавицы съ серебромъ.
Рукавицы говорятъ,
Да подарить дѣвокъ велятъ.

Женатымъ, присутствующимъ на свадьбѣ.

Что у чарочки, да у серебряныя
Золотой былъ вѣнокъ (2).
Что у Ивана да свѣтъ Васильевича
Дорогой его разумъ.

Ище гдѣ душа не ходитъ,
Гдѣ надёжа не гуляетъ,
Во полночь домой приходитъ (2),
Не чванится, да не ломается,
Онъ велитъ разувати (2):
— Ужъ, ты, Марьюшка, разуй,
Свѣтъ Васильевна разуй.
— Не досугъ мнѣ разувати,
Ужъ я сына качаю (2),
Замѣну себѣ чаю.

Холостымъ людямъ на свадьбѣ.

Вдоль по рѣченькѣ насадушка плыветъ,
На насадушкѣ немного людей,
По разсчету ровно семь человѣкъ,
А восьмой сидитъ кормовой на кормѣ.
По насадушкѣ погуливаетъ,
Каленỳ стрѣлу накаливаетъ,
На стрѣлушку наговариваетъ:
— Ты лети, лети, калёная стрѣла,
Ты убей, убей, калёная стрѣла,
Сѣра орла на вóзлетѣ,
Сѣру птицу на зáводѣ,
Красну дѣвицу въ высокòмъ терему.
Говорила родна матушка
Татьяна, свѣтъ, Ивановна:
— Ты не бей, не бей, родимое дитя,
Сиза орла на вóзлетѣ,
Сѣру утицу на зáводѣ,
Красну дѣвицу въ высокòмъ терему:
Си́зой орелъ—потѣха твоя,
Сѣра утица—ѣства твоя,
Красна дѣвица—невѣста твоя.

———

Мальчикъ-кудрявчикъ ты мой,
Кудреватая головушка,
Еще кто тѣ русы кудри завивалъ?
— Завивала родна матушка,
Завивала, приговаривала:
Доколь рѣчки не разольются,
Русы кудри не разовьются.
Быстры рѣчки разливалися,
Русы кудри развивалися.

Свахѣ, посаженной матери жениха.

Ужъ ты свахонька хорóшенька,
Ужъ ты свахонька пригóженька,
Не бѣлилами набѣлилась,
Не румянами румянилась,
Такову мати зародила,
На свадебку снарядила,
Во платокъ деньги завязала,
Мнѣ матушка наказала:
— Дѣвки станутъ пѣсни пѣти,—
Ты умѣй дѣвокъ подарити,
Дари дѣвокъ не помногу,
Дари дѣвокъ пó два гроша.

Большому свату—близкому родственнику невѣсты.

Большой сватушко, тароватой, тароватой,
Большой сватушко, прибогатой, прибогатой,
Большой сватушко, не скупися, не скупися,
Золотой казной подѣлися, подѣлися,
Тебѣ этимъ денегъ не скопити, не скопити,
Женѣ шубки тебѣ не купити,
Хошь и купишь, такъ не носити:
Въ пиръ пойдетъ, такъ замараетъ,
Изъ пирà пойдетъ, такъ потеряетъ.

Большой сватушко тароватой, тароватой,
Большой сватушко прибогатой, прибогатой,
Большой сватушко не скупися, не скупися,
Золотой казной подѣлися, подѣлися,
Тебѣ этимъ денегъ не скопити, не скопити.
Сыну коня тебѣ не купити,
Хошь и купишь, такъ не владити:
Въ пиръ пойдетъ-конь споткнется,
Изъ пира̀ пойдетъ,—конь убьется.

Молодымъ людямъ неженатымъ на свадьбѣ.

Кто у насъ хорошій,
Кто у насъ пригожій?
Ай, разумъ не малый,
Виноградъ зеленый.
Александрушко хорошъ,
Васильевичъ пригожъ.
Ай, разумъ не малый,
Виноградъ зеленый.
По горницѣ ходитъ,
Самъ кудри наводитъ.
Ай, разумъ не малый,
Виноградъ зеленый.
Въ зеркальце смотрился.
Самъ себѣ дивился.
Ай, разумъ не малый,
Виноградъ зеленый.
Хорошъ зародился,
Ба́ско снарядился.
Ай, разумъ не малый,
Виноградъ зеленый.
Въ синенькой рубашкѣ,
Часы при кармашкѣ.
Ай, разумъ не малый,
Виноградъ зеленый.

Часы мои, часы,
Часы дорогія.
Ай, разумъ не малый,
Виноградъ зеленый.

У насъ Васильюшко сѣно косилъ,
На прокосьицѣ косу ронилъ:
— Ты лежи, лежи, укла́дная коса,
Не придетъ ли красна дѣвица душа,
Душа да красна дѣвица
Марья Михайловна.

У насъ Павелъ-отъ богатинка,
Назаровичъ тароватенькой:
Съ копѣйки на гривну ступалъ,
Полтинами ворота отпиралъ,
По пяти рублей шашурочкамъ бросалъ.
Ужъ вы, шашки, канашки мои,
Размѣняйте бумажки мои,
У меня бумажки-то не маленькія,
Все бумажки сторублевенькія.
Помолите, дѣвки, Бога за меня,
За мою за богосуженую, за мою за богоряженую,
Да за Марью Ѳедоровну.

Во саду-ли, во згородѣ дѣвицы гуляли.
Съ кѣмъ ходили, съ кѣмъ гуляли?
Съ добрыми молодцами.
Молодецъ-отъ къ дѣвицѣ
Часто припадаетъ,
Милый на́ ногу ступаетъ,
Уму, разуму пытаетъ,
Самъ глазомъ мигаетъ.
Зоветъ, манитъ парень дѣвку
Во́ лѣсъ за малиной.

— Нейду, нейду, не хочу,
Босая замерзну;
Я пѣшкомъ идти устану,—
Верхомъ не поѣду.
Заложи, милый, карету,—
Я сяду поѣду.
Чтобы кони были вороные,
Слуги молодые;
На слугахъ платье нѣмецко—
Синіе азямы;
Что съ по синимъ по азямамъ
Кушакъ каламенковъ,
Не кушакъ-отъ каламенковъ,
Шляпа съ позументомъ,
Черна шляпа съ позументомъ,
Со алдю лентой.

Сяду, поѣду въ Новгородъ гуляти,
Товаровъ закупати.
Вотъ калина, вотъ малина.
Куплю женѣ фатку,
Куплю коноватку.
Вотъ калина, вотъ малина.
Прими, жена, фатку,
Прими коноватку.
Вотъ калина, вотъ малина.
Прими, не ломайся,
Опослѣ не кайся.
Вотъ калина, вотъ малина.
Опослѣ не кайся,
Да съ мужемъ не ругайся.
Вотъ калина, вотъ малина.
Добрые люди на насъ поглядите,
Жены разсудите.
Вотъ калина, вотъ малина.

Женушка не любитъ,
Шельма ненавидитъ.
Вотъ калина, вотъ малина.
Къ людямъ ходитъ личикомъ,
Ко мнѣ ходитъ плечикомъ.
Вотъ калина, вотъ малина.
Сяду, поѣду въ Новгородъ гуляти,
Товаровъ закупати.
Вотъ калина, вотъ малина.
Куплю женѣ юбку,
Куплю парчевую.
Вотъ калина, вотъ малина.
Прими, жена, юбку,
Прими парчевую.
Вотъ калина, вотъ малина.
Прими не ломайся,
Опослѣ не кайся,
Вотъ калина, вотъ малина.
Опослѣ не кайся,
Да съ мужемъ не ругайся.
Вотъ калина, вотъ малина.
Добрые люди, на насъ поглядите,
Жены разсудите.
Вотъ калина, вотъ малина.
Женушка не любитъ,
Шельма ненавидитъ.
Вотъ калина, вотъ малина.
Къ людямъ ходитъ личикомъ,
Ко мнѣ ходитъ плечикомъ.
Вотъ калина, вотъ малина.
Сяду, поѣду въ Новгородъ гуляти,
Товаровъ закупати,
Вотъ калина, вотъ малина.
Куплю женѣ плетку,
Куплю шелковую,
Вотъ калина, вотъ малина.

Прими, жена, плетку,
Прими шелковую,
Вотъ калина, вотъ малина.
Прими, не ругайся,
Опослѣ не кайся.
Вотъ калина, вотъ малина.
Опослѣ не кайся,
Да съ мужемъ не ругайся.
Вотъ калина, вотъ малина.
Добрые люди, на насъ поглядите,
Жены разсудите.
Вотъ калина, вотъ малина.
Женушка любитъ,
Радость и навидитъ.
Вотъ калина, вотъ малина.
Къ людямъ плечикомъ,
Ко мнѣ ходитъ личикомъ.
Вотъ калина, вотъ малина.
Шелковая плетка жену научила,
Съ мужемъ на вѣкъ подружила.
Вотъ калина, вотъ малина.

На слѣдочкѣ стóючи,
На Василья глядючи.
Изорвало мой животъ,—
Далеко Вася живетъ.
Кабы близко Вася жилъ,
Завсегда бы въ гостяхъ былъ.
Не ты ли, моя косынька, повысушила,
Повыняла румянецъ изъ бѣлого изъ лица,
Изъ бѣлого изъ лица,
Да изъ Василья молодца.
По приступу дѣвка шла,
Слѣду, слѣду не нашла,
Сама заплакала пошла.

Ей на встрѣчу красавицѣ
Изъ конторы молодецъ (2),
Сынъ посадскаго, купецъ.
Ближе къ дѣвицѣ подходитъ,
Началъ шуточки шутить (2),
Да про любовь все говорить.
Дѣвка шутокъ не взлюбила,
Парня по щекѣ одѣла.

Перва Грунюшка Крылова,
А вторая Ильичева,
Третья Груня Печагова.
Какъ повадилась Груняша
Часто по воду ходить (2).
Во заворы воду лить (2),
Къ Алексѣю заходить.
Алексѣй коня поилъ (2),
Къ вереюшкѣ становилъ,
Къ колечушку привязалъ (2),
Крѣпко Грунѣ наказалъ:
— Ужъ ты, Груня, Грунюша,
Стереги моего коня (2),
Чтобы не сорвалъ повода (2),
Не сломалъ бы стремена:
Повода шелковые,
Стремена злаченыя (2),
Сѣделышка точеныя,
Кольца позолоченыя.

Голова болитъ,
Да грусть-тоска долитъ.
Ай, лелю́, лелю́,
Да грусть-тоска долитъ.
Да худо можется,
Да не здоровится.
Ай, лелю́, лелю́,
Да не здоровится.

Гулять хочется,
Да въ гульбѣ воли нѣтъ.
Ай, лелю, лелю,
Да въ гульбѣ воли нѣтъ.
Гроза въ домѣ есть.
Ай, лелю, лелю,
Гроза въ домѣ есть.
У меня въ дому
Все изготовлено:
Ай, лелю, лелю,
Все изготовлено.
Печка топится,
Да кашка варится,
Ай, лелю, лелю,
Да кашка варится.
Ложки вымыла,
Да во шти вылила,
Ай, лелю, лелю,
Во шти вылила.
Косяки скребла,
Да пироги пекла,
Ай, лелю, лелю,
Пироги пекла.
Порогъ вымыла,
Да квасу сдѣлала;
Ай, лелю, лелю,
Квасу сдѣлала.
Ужъ ты кисни квасъ,
Да мужу вырви глазъ.
Ай, лелю, лелю,
Мужу вырви глазъ.
Закисай густой,
Да вырывай другой.
Ай, лелю, лелю,
Вырывай другой.

Я украдуся,
Да наиграюся.
Ай, лелю, лелю,
Наиграюся,
Уворуюся,
Да нацѣлуюся,
Ай, лелю, лелю,
Нацѣлуюся.
Со милы̀мъ дружкомъ,
Да со Ива́нушкомъ.
Ай, лелю, лелю,
Со Иванушкомъ.
Я по улицѣ
Сѣрой утицей,
Ай, лелю, лелю,
Сѣрой утицей
Черезъ черну грязь
Перепёлицей,
Ай, лелю, лелю,
Перепёлицей.
Ко дворў пришла
Да я моло́душкой,
Ай, лелю, лелю,
Я молодушкой.
Мой грозли́вый мужъ
Да за столо̀мъ сидитъ.
Ай, лелю, лелю,
За столомъ сидитъ.
Хлѣбъ-отъ кушаетъ,
Да съ кипы рушаетъ,
Ай, лелю, лелю,
Съ кипы рушаетъ.
Мой грозливый мужъ,
Да принимай меня.
Ай, лелю, лелю,
Принимай меня.

Грозливый мужъ
Да не приниѝмаетъ.
Ай, лелю, лелю,
Не приниѝмаетъ.
Да кулакомъ грозитъ.
Не грози, гроза,
Да не боюсь тебя.
Ай, лелю, лелю,
Не боюсь тебя.
Плетка свиснула,
Да кровь пробрызнула,
Ай, лелю, лелю,
Кровь пробрызнула.
Я и тутъ млада
Не покорилася,
Ай, лелю, лелю,
Не покорилася.
Своемў мужу
Не поклонилася,
Ай, лелю, лелю,
Не поклонилася.
Я пойду, схожу
Да къ свекру-батюшку.
Ай, лелю, лелю,
Къ свекру-батюшку.
Свекоръ-батюшко,
Да не роднὸй отецъ,
Ай, лелю, лелю,
Не родной отецъ.
Унимай сына,
Да моего мужа.
Ай, лелю, лелю,
Моего мужа.
Свекоръ-батюшко,
Да не униѝмаетъ,

Ай, лелю, лелю,
Не уни́маетъ.
Велитъ пуще бить,
Велитъ кровь пролить,
Ай, лелю, лелю,
Велитъ кровь пролить.
Плетка свиснула,
Да кровь пробрызнула,
Ай, лелю, лелю,
Кровь пробрызнула.
Я пойду, схожу
Къ свекровкѣ матушкѣ.
Ай, лелю, лелю,
Къ свекровкѣ матушкѣ.
Свекровка матушка,
Да не родная мать,
Ай, лелю, лелю,
Не родная мать.
Унимай сына,
Да моего мужа.
Ай, лелю, лелю,
Моего мужа.
Свекровка матушка
Да не уни́маетъ,
Ай, лелю, лелю,
Не уни́маетъ.
Велитъ пуще бить,
Велитъ кровь пролить.
Ай, лелю, лелю,
Велитъ кровь пролить.
Плетка свиснула,
Да кровь пробрызнула.
Ай, лелю, лелю,
Кровь пробрызнула.
Я тутъ млада́
Да покорилася;

Ай, лелю, лелю,
Да покорилася,
Ладѣ милому
Да поклонилася,
Ай, лелю, лелю,
Поклонилася.
Ты прости меня
Да виноватую,
Ай, лелю, лелю,
Виноватую.
Виноватую,
Тароватую.
Ай, лелю, лелю,
Тароватую.

Кромѣ этихъ присланныхъ пѣсенъ, Першаковъ передалъ мнѣ въ Лобановѣ рядъ другихъ. Не всѣ, впрочемъ, среди нихъ такъ хороши, какъ только что приведенная.

Ты отрада радость мой,
Сизъ голубчикъ дорогой,
Жаль разстаться мнѣ съ тобой,
Жаль разстаться, распроститься,
Милъ, на вѣки отъ тебя!
Съ одного горя—кручины
Сбѣгу въ темные лѣса,
Сбѣгу въ темны во дремучіе,
На угожія мѣста,
Гдѣ милъ съ кралечкой гулялъ,
Разлапушкой называлъ:
— Разлапушка дѣвушка ты моя,
Чесана головушка,
Руса коса плетена,
Алой лентой обвита,
До шелкова пояса.

Съ горя ноженьки не носятъ,
Глаза на́ свѣтъ не глядятъ.
Я не вѣрила подружкамъ:
Почему милого жаль?
Пришло времячко такое—
Я одна стала гулять
И стала милаго жалѣть.
Нѣтъ на свѣтѣ того лучше
Съ холостымъ парнемъ гулять.
Какъ женатый—воръ проклятый,
У него жена вольна;
Жёнка во́льна, безуемна,
Не отпуститъ погулять.
Хошь отпуститъ, не отпуститъ,
А за нимъ во слѣдъ глядитъ,
Мною дѣвушкою коритъ.

Соловей, соловей, соловеюшко батюшко,
Золотыя крылышки,
Серебряныя ноженьки,
Ты куда идешь, летишь?
Куда Богъ тебя несетъ?
— Я иду, полечу на ракитовы кусты.
Кабы кустичекъ не милъ,—
Соловей гнѣзда не свилъ,
Соловей гнѣзда не свилъ,
Своихъ дѣтокъ не словилъ,
Въ свои гнѣзда не ссадилъ.

Печальное время дѣвицы.

Троицкая пѣсня.

Кумушки голубушки, подружки мои,
Пойдете вы на гуляньице—вспомните меня,
Станете вѣнки завивать—свейте мнѣ,
Вы станете въ рѣку кидать—киньте и мой вѣнокъ.

Всѣ вѣнки поверхъ воды,—а мой потонулъ.
Всѣ друзья съ Москвы пришли,—а мой не бывалъ;
Всѣ друзья съ гостинцами,—а мой хоть бы и такъ;
Всѣ друзья на полгода пришли,—а мой хоть бы на часъ.

Не величка птичка—пташечка
Много знала, много вѣдала.
Вли—вли, влита—влита,
Сине море перелетывала.
Какъ садилась птичка—пташечка
Середи моря на камешекъ.
Вли—вли, влита—влита,
Сине море перелетывала.
Услыхала птичка—пташечка
У соло́вьюшки громкій голосокъ,
Вли—вли, влита—влита,
Сине море перелетывала
У дѣвицы бравы пѣсенки.
Вли—вли, влита,—влита,
Сине море перелетывала.

Вдоль по травкѣ, вдоль по муравкѣ, вдоль по лазуревой,
Ходитъ, гуляетъ удалой молодецъ,
Къ себѣ дѣвицу гулять вызываетъ:
— «Поди, выди, дѣвица, за ворота,
Поди, выди, красная, за новы́я!»
Тутъ дѣвица къ мо́лодцу подходила,
Тутъ дѣвица мо́лодцу говорила:
— «Я-ли тебя, молодецъ, прибезчещу,
При всемъ при мірѣ, при народѣ,
При всемъ дѣвичьемъ хороводѣ».
Пуховую шляпу она въ грязь втоптала,
Русые кудерышки растрепала,
Серебряныя пуговицы разстегала,
У синей сибирочки боры смяла,
Ситцевую рубашку изорвала.

Тутъ молодецъ пошелъ не веселъ,
Буйну голову повѣсилъ.
— Ужъ ты, матушка, мать родима,
Не въ пору не во время зародила,
Во кружокъ къ дѣвицамъ гулять спустила.
Меня дѣвица осмѣяла,
При всемъ при мірѣ, при народѣ,
При всемъ дѣвичьемъ хороводѣ:
Пуховую шляпу она въ грязь втоптала,
Русыя кудерышки растрепала,
Серебряныя пуговицы разстегнула,
У синей сибирочки боры смяла,
Ситцевую рубашечку изорвала,
Сафьяны сапожки замарала!»
Тутъ дѣвица къ молодцу подходила,
Тутъ дѣвица молодцу говорила:
— Я-ли тебя, молодецъ, не признала!»
Тутъ дѣвица молодца снаряжала:
Русы кудерышки чесала,
Пуховую шляпоньку на голову надѣвала,
Ситцевую рубашку затачала,
У синей сибирочки боры поправляла,
Серебряныя пуговицы застегала.
Тутъ молодецъ взрадовался,
Пошелъ къ матушкѣ ко родной:
«Ужъ ты, матушка, мать родима,
Въ пору, во время зародила,
Въ кружокъ къ дѣвицамъ гулять отпустила:
Меня дѣвица снарядила,
Меня красная поцѣловала!»

Во лѣсу было во олешничкѣ,
Во чистомъ мелкомъ березничкѣ
Жена мужа потребила,
Да острымъ ножичкомъ зарѣзала,

На ножичкѣ сердце выняла,
Да на булатномъ встрепенулося.
Курва женка усмѣхнулася,
Во холодный погребъ бросила,
Дубовой доской прихлопнула,
Чернымъ чеботомъ притопнула
Она пошла въ нову горенку,
Сѣла подъ окошечко,
Бѣлый локоть за окошечко,
Мечу слезы за окошечко.
Летятъ два ворона,
Не два ворона,—а два сокола,—
Не два сокола,—а два деверя:
— Ты, сноха наша, сношельница,
Ты куда да братца дѣвала?
— Ушелъ братецъ на охоту,
За куницами да за лисицами,
Да за красными дѣвицами.
— Ужъ ты, сноха наша, сношельница
Ужъ ты чистая мошенница,
Ты куда да братца дѣвала?
— Во холодный погребъ бросила,
Дубовой доской прихлопнула,
Чернымъ чеботомъ притопнула [28]).

В. Ѳ. Ивановъ, учитель Петропавловскаго министерскаго училища, интересующійся исторіей и этнографіей края, возымѣлъ прекрасную мысль пріохотить учениковъ къ записыванію пѣсенъ. Такимъ путемъ у него составился цѣлый сборникъ пѣсенъ, который онъ предоставилъ въ мое пользованіе, за что считаю долгомъ выразить здѣсь свою искреннюю благодарность.

Вотъ нѣсколько пѣсенъ, записанныхъ учениками:

Не во времячко черемушка
Въ нашемъ полѣ расцвѣла,
На ту пору времячко
Мати сына родила.

Не собравшись съ разумомъ,
Во солдаты его отдала,
Далече, далеко на чужую сторону.
Чужая сторонушка
Безъ вѣтру сушитъ крушитъ.
Тамъ ихъ командирушки
Безъ вины журятъ, бранятъ.
Сострòй, сострòй, матушка,
Легкое суденышко,
Шелковы́е паруса,
Золотыя весельца.
Спусти, спусти, матушка,
На сине море корабль.
Сама выйди, матушка,
На круте́нькій бережокъ,
Скричи, скричи, матушка,
Своимъ громкимъ голоско́мъ:
«Воротитесь, дѣточки,
Воротитесь вы назадъ!»
Родимая матушка,
Воротиться намъ нельзя:
На синемъ на морюшкѣ
Есть погодушка велика,
Судно ломитъ, мачты бьетъ,
Всѣ канаты, снасти рветъ,
Въ каждый пазъ вода идетъ.
Легкое наше суденышко
Супротивъ воды нейдетъ.

Вспомни, вздумайте, ребята,
Какъ гуляли въ зеленомъ,
Роскосили всѣхъ муратовъ,
А пугали англичанъ.
Сильной битвой воевали
И Валдайскій былъ отрядъ.

Пулями, ядра́ми посыпали,
А картечью сыпали какъ градъ.
Пули, ядра намъ знакомы,
А картечи ни по чемъ.
Задумалъ турка англичанинъ
Съ Россіей шутку пошутить,
Заставилъ всѣ пути дорожки,
Хотѣлъ Россію заморить.
А рогатую скотинку на чисто̀ поле вели.
Стали ѣсти лошадей:
И варили, и пекли,
Вмѣсто соли посыпали
Изъ патроновъ порошки.
Вставайте-ко, ребята,
Распрощайтесь съ табакомъ.

Изъ правленья было слышно
Про некрутскій про наборъ.
Намъ родители писали:
Дѣти ѣхали домой,
Дѣти ѣхали скорѣе
Во некрутскій во наборъ.
Насъ три братца собралися
На ямскую погулять.
На ямской мы погуляли,
На почтовый дворъ пошли.
На послѣднее рѣшенье:
Наймемъ тройку лошадей.
Наша троечка ямская,
Съ нами кучеръ молодой,
Молодой кучеръ Ванюша
Правилъ троечку возжой.
Бѣжитъ тройка, шумъ катится,
Со несчастными сѣдоками.
Близко къ дому подъѣзжали,
Облились сердца въ слезахъ.

Во свой домикъ заходили,
Поздоровались со всѣми.
Наша матушка родная
Замертвешинько лежитъ.
Двѣ сестрицы однокровны
Подъ окошечкомъ сидятъ.
Нашъ отецъ-то старикъ старый,
Онъ во стульчикѣ сидитъ,
Слезно плачетъ, говоритъ:
Ужъ вы, дѣти мои,
Дѣти милые мои,
Вы ложитесь, дѣти, спать,
Вамъ съ утра рано вставать,
Надо жéребій метать.
Доставалося меньшому
Холостому пареньку,
Холостому, молóдому,
Во солдатики идти.
Ты прощай, городъ-столица,
Прощай, роди́ма сторона,
Во вторыхъ еще прощай,
Наша матушка родна.
Погонили насъ, ребята,
Къ Государю на войну,
Государю на позволенье
Насъ изъ пушекъ палить.

Пѣсня старинная.

Разыграйте гусли-мысли,
Я вамъ пѣсенку спою,
Про женитьбу про свою.
Женила молодца
Чужедальна сторона,
Чужедальная сторонка,
Макарьевская ярмарка.

У Макарья въ ярмаркѣ
Сочинилася бѣда,
Бѣда такъ и бѣда,
Не маленькая,
Не сто рублей пропажа,
Не тысяча его:
Пропадаетъ у его дочь,
Любимая его.
Нашли эту пропажу
У Мошкова на дворѣ,
Въ новой банѣ на полкѣ,
Призабита въ уголкѣ.
У ней буйная головушка
Проломленая,
У ней русая коса
Вся растрепанная,
Черепахова гребеночка
Расколотая,
Цвѣтное платьице растрепано.
Не тотъ воръ Игнашка
Подъ окошечкомъ сидитъ,
Такія рѣчи говоритъ:
— Не за мной ли тройка ѣдетъ?
Посадили молодца,
Увезли удальца.

Пѣсня старинная.

Гуси, лебеди летѣли,
По край рѣчушки на бережокъ сѣли,
Жалобнешенько пѣсенку запѣли,
У хорошаго милости просили,
Побывать хорошему велѣли,
Побывай-ка хорошой поскорѣе,
Тяжело больно въ постелюшкѣ лежала,
По тебѣ, мой хорошой, тосковала,
Съ того со горюшка по садику гуляла.

Гуляй-ка, гуляй, гулененечикъ,
Мой сизенькой малой воркуночикъ,
Не садись-ка на зеленой кусточикъ,
Не пой веселыхъ пѣсенъ,
Безъ пѣсенъ жить дѣвушкѣ тошно,
Пособить тому горюшку не можно.
Пособила горю прежняя воля,
Прежняя волюшка, лёгонькое крылье.
По крыльицу миленькое перье.
Я свилáся бы дѣвушка да улетѣла,
Улетѣла я въ Питеръ городочикъ,
Прожила я съ миленькимъ годочикъ,
На другой я годикъ улетѣла дѣвушка домою,
Находился-бы миленькой за мною,
За мной дѣвчонкой молодой,
За моей за русою косою.
Въ косѣ ленточка атласна,
Ходилъ миленькой три года напрасно,
Другая лента голубая—
Прошла про дѣвушку славушка худая,
Третья ленточка въ косонькѣ алѣетъ—
Я знаю правду, что миленькой жалѣетъ,
Онъ жалѣетъ—далекошенько уѣдетъ.
Уѣдетъ мой-то миленькой въ городъ,
Оставляетъ меня дѣвушку во горѣ,
Въ горюшкѣ на синемъ морѣ.
На синемъ на морѣ плаваетъ корабликъ,
Вкругъ кораблика вьюныши-то вьются,
Надъ мной надъ красной
Всѣ люди смѣются.

Славный бережкомъ по плану
Ярославъ городъ стоитъ.
Широкъ ли́стокъ оборвало
Лучше всякаго манеру.

Строили постройку
Близко фа́бричной рѣки.
Волга рѣченька широка,
Тонки парусы идутъ,
Пароходы и машины
Точно лебеди плывутъ.
На двѣ версты рѣшетка
По горѣ обнесена.
Надъ рѣшеткой у насъ
Росла трава шелкова.

Простая пѣсня.

Куницами, лисицами обтыкался,
Ой, лада моя!
Чернымъ соболемъ опоясался,
Ой, лада моя!
Кому поемъ, тому добро,
Ой, лада моя!
Кому выдется, тому сбудется.
Ой, лада моя!
Въ печурочкѣ двѣ чурочки серебряныя
Ой, лада моя!
За рѣкой стоятъ стоги̂ ржи не молоченые,
Ой, лада моя!

Простая пѣсня.

Наварили, братцы, пива
На цѣлую недѣлю,
Лели, лели, лели,
На цѣлую недѣлю.
Созовемте дѣвокъ въ гости
На одинъ на вечерокъ,
Лели, лели, лели,
На одинъ на вечерокъ.

На одинъ на вечерокъ,
На минутный на часокъ.
Лели, лели, лели,
На минутный на часокъ.
Вкругъ бесѣды парень ходитъ,
На бесѣду не зайдетъ,
Лели, лели, лели,
На бесѣду не зайдетъ.
Нашихъ мо́лодцей боится,
Красныхъ дѣвушекъ стыдится,
Лели, лели, лели,
Красныхъ дѣвушекъ стыдится.
Кому какое дѣло,
Что съ милымъ рядомъ сѣла,
Лели, лели, лели,
Что съ милымъ рядомъ сѣла.
Кому какія басни,
Живу̑ съ милы́мъ согласно,
Лели, лели, лели,
Живу съ миленькимъ согласно.
Выйду, выйду за ворота,
Тамъ и мхи, луга, болота,
Лели, лели, лели,
Тамъ и мхи, луга, болота.
Выйду, выйду за новы́я,
Бѣжитъ рѣченька быстра́я,
Лели, лели, лели,
Бѣжитъ рѣченька быстра́я.
Одна рѣченька быстрая
По фанторику прошла,
Лели, лели, лели,
По фанторику прошла,
По фанторику прошла,
Да жива рыба спущена.
Лели, лели, лели,
Жива рыба спущена.

По этой-ли по рѣчкѣ
Повыстрою домокъ.
Лели, лели, лели,
Повыстрою домокъ.
Стѣны ка́менныя,
Углы гра́нянные,
Лели, лели, лели,
Углы гранянные.
Изъ хрусталю выстланъ полъ,
Изъ шпалеру потолокъ,
Лели, лели, лели,
Изъ шпалеру потолокъ.
У него лучше домокъ,
Во Москвѣ первый домокъ,
Лели, лели, лели,
Во Москвѣ первый домокъ.
Чѣмъ мой домичекъ похуже
Государева дворца,
Лели, лели, лели,
Государева дворца,
Или тѣмъ домокъ похуже—
Золотого нѣтъ орла?
Лели, лели, лели,
Золотого нѣтъ орла?
Я во славушку войду,
Да золота орла куплю,
Лели, лели, лели,
Золота орла куплю.

Спровожу-то я Ваню, дружка милаго,
Я до города его Кириллова,
До заставушки его Московскія.
У заставушки съ Ваней застоялися,
Народъ, люди подивовалися:
И что же стоитъ эта за парочка?

Что не братъ съ сестрой
Стоятъ не мужъ съ женой,
Молодецъ стоитъ да съ красной дѣвицей.
Говорилъ-то мнѣ миленькой, наказывалъ,
Честью да лестью хорошой да наговаривалъ:
Посмирнѣе живи, моя любезная,
Постепеннѣе живи, моя сударушка,
Мнѣ молодцу будетъ гулять весело.
Я наказу-то дѣвка мало слушала:
Съ другимъ парнемъ я дѣвка посвязалася,
Съ прежнимъ дру́жкомъ разбранилася.
Во бранѝ-то я дружку молвила,
Назвала его горькой пьяницей,
Горькой пьяницей, безпропоицей:
Ужъ онъ пить-то пьетъ, изъ кабака нейдетъ,
Какой грошъ найдетъ, тотъ въ кабакъ несетъ.
Онъ занесетъ-то, занесетъ руку правую,
Онъ занесетъ да по лицу, по бѣлому.
Изъ бѣлаго лица кровь пробрызнула.

Не съ по рѣченькѣ да было съ по Волгѣ,
По широкой рѣченькѣ по долгой,
Гуси съ лебедями летали,
Про-между собой рѣчи да говорили.
Возмутить онѣ воду хотѣли.
Ты гуляй-ко, гуляй, гуленечикъ,
Ты сизенькой да сизой воркуночикъ,
Не летай-ко да къ Сашѣ во садочикъ,
Ты не пой-ко во садочкѣ пѣсенъ.
Мнѣ безъ пѣсенъ сердцу да очень тошно.
Подмо́чи-то горю, да горю невозможно.
Пусть подможетъ горю прежня воля.
Прежня волюшка, легонькія крылья.
Что съ подъ крыльемъ часто мелко перье.

Что подъ ельничкомъ-березничкомъ,
Подъ частымъ мелкимъ олешничкомъ
Ходилъ гулялъ вороный конь,
Трои-то суточки былъ не поенъ,
Да недѣленьку не кормленъ стоялъ,
Черкасское сѣдло на бокъ сбилъ,
Золотую узду изорвалъ,
Шелковъ поводъ въ черну грязь втопталъ.
Ни въ Москвѣ было, ни Питерѣ,
Въ Оренбургѣ славномъ городѣ:
Что у купчика богатаго,
Что у Сидора Потапова
Тутъ случилося несчастьице,
Несчастьице безвременьице,
Что жена мужа потребила,
Острымъ ножичкомъ зарѣзала,
Не простымъ ножомъ, булатненькимъ;
На ножичкѣ сердце вынула,
На булатномъ встрепенулося,
Шельма женка усмѣхнулася,
Въ погребную яму бросила,
Дубовой доской захлопнула,
Чернымъ чеботомъ прищелкнула.
Когда прятала,—не плакала,
А когда спрятала,—заплакала:
— Я не ладно, шельма, сдѣлала:
Своего мужа потребила,
Острымъ ножичкомъ зарѣзала.
Пойду съ горя въ нову горенку,
Да ужъ я сяду подъ окошечко,
Да погляжу ужъ я въ окошечко:
Не плывутъ ли двѣ-то лебеди,
Не летитъ ли два-то сокола,
Двѣ то лебеди—золовушки,
Два то сокола—два деверя....

———

Свадебная пѣсня.

Поется тогда, когда невѣсту съ женихомъ посадятъ за столъ передъ самымъ поѣздомъ въ церковь.

Отстала наша лебедушка
Отъ стада отъ лебединаго,
Пристала наша лебедушка
Ко стаду да ко сѣрымъ гусямъ.
Не обидьте, гуси сѣрые,
Нашу бѣлую лебедушку.
Увезутъ нашу лебедушку
На злу на чужу сторонушку,
Ее въ волость не въ веселую,
Въ деревнюшку не въ корыстную,
И въ избенку въ послѣднюю.
Тамъ хоромы не вéршены,
На болотѣ бревна сѣчены,
На собакахъ домой вóжены,
Веретена были слегами,
На ниткахъ бревна сдынаны,
Косаремъ да углы рублены,
Долотомъ да двери долблены,
Муравомъ труба проверчена,
Шиломъ окна прокопаны,
Тамъ сараи-то жердя́ные,
Тамъ и печки изъ каменьица.
Тамъ блины пекутъ съ наставками,
Пироги пекутъ съ заплатами,
Тамъ и колобы наряханы,
На полицы те окладены.
Тамъ полицы то высокія,
Коробьицы то глубокія.
Не достать да Марьѣ колоба,
Умереть да будетъ съ голода,
Ты возьми-тко, Марья, колышекъ,
Ты спихни-тко себѣ колоба.
Не умирай-ка, Марья, съ голода.

П ѣ с н я.

Э.... ой по рѣченькѣ по Волгѣ
Гуси, лебеди летѣли,
Э.... ой, ну, летѣли,
Да на край рѣченьки на бережокъ сѣли,
Э.... ой, ну, сѣли,
Гдѣ Устиновскія дѣвушки сѣно косили,
Да жалобнешенько пѣсенки пѣли.

П ѣ с н я.

Ужъ ты, сёлышко—село,
Село маленькое,
Село коротенькое.
Что во ѳтомъ во селѣ
Сиротина хороша,
Сиротина хороша,
Да красна дѣвица душа.
Дѣвка маленькая,
Сама удаленькая.
Задумала голова
Во всю ночь гулять одна.
Всю ноченьку прогуляла,
Любезнаго не видала.
Любезнаго не видала,
Въ худу славушку попала.
Не боюсь худые славы,
Здѣсь не городъ Ярославъ,
Здѣсь не городъ Ярославъ,
Да здѣсь не Питеръ, не Москва.
Не боялася того,
Да полюбила одного.
Одного дружка любить,
Да на мазила не нажить.
Семерыхъ дружковъ любить,
Да головушки не сносить.

Ужъ какъ я молода,
Да одинокая была.
Одинокая была,
Да въ оди́ночьвѣ жила.
Три дни печи не топила,
Много сору накопила.
Затопила печь избушку,
Сама по́ воду пошла.
Сама по́ воду-воду́
На Осиновчу рѣку.
На Осиновчѣ рѣкѣ
Да гуси, лебеди плывутъ,
Гуси сѣренькіе, лебёдки бѣленькія.
Гуси сѣли, посѣдѣли,
Спорхонули, улетѣли,
Свѣжу воду сомутили,
Сомутили, соплескали
Со желтѣми со песками.
На камешкѣ стояла,
Да свѣжёй воды ждала.
Не могла того дождаться
Свѣжей водѣ состояться,
Забрела я глубоко,
Размахнулась широко,
Почерпнула глубоко.
Почерпнула воды много
Для бурла́ка удалого,
Для бурлака удалого,
Для Васильюшка баского.
Я Васильюшка дружка
На плечу́шко подняла,
До полу́-горы несла,
До царева кабака.
У царева кабака
Да приключилася бѣда,
Да загорѣла слобода.

Это чортъ не пожаръ,
Онъ не пылко горитъ,
Да рѣдко взмахиваетъ.

Причеты.

Охити именешенько,
Что же я призасидѣлася,
Охити именешенько,
Я на кого пріоглядѣлася.
Охити имене,
Вы расшатитесь, люди добрые,
Охити имене,
Вы расшатитесь, люди добрые
На всѣ четыре стороны.
Охити имене,
Мнѣ-ка дайте молодешькѣ
Путь дорожку, не широкую.
Охити именешенько,
Во полу одну половочку,
Во избѣ одно бревешечко
Охити именешенько.
Во избѣ одно бревешечко,
Да во стѣнѣ одно окошечко.
Охити именешенько,
Мнѣ походить, покрасоватися
Во душахъ красныхъ дѣвушкахъ.
Охити именешенько,
Не въ первые да послѣдніе,
Охити именешенько,
У сердечныхъ ты родителей.
Охити именешенько,
Что за пиръ, да за собраньице.
Охити именешенько,
Собрались да сокопилися,
Охити именешенько,
Вся родня моя, родимая.

Охити именешенько,
Вы поглядите, люди добрые,
Охити именешенько.
Во большой уголъ на лавочку,
Охити именешенько,
Тутъ сидитъ мой богосуженой,
Охити именешенько,
Онъ пышйтъ да по змѣиному,
Охити именешенько,
Онъ глядитъ да по звѣриному,
Охити именешенько,
Да на меня да молодешеньку.
Охити именешенько,
Ты чему же позавидовалъ?
Охити именешенько,
Я лицемъ не ли чистая,
Охити именешенько,
Я плечемъ то не плечистая,
Охити именешенько,
У меня не свое да цвѣтно платьице?
Охити именешенько,
У меня у сосѣдки выпрошеное,
Охити именешенько,
У сосѣдки уношеное.
Охити именешенько,
Ты поѣзжай ко доброй молодецъ,
Охити именешенько,
Да во проклятую боярщинку,
Охити именешенько,
Да во проклятой-то боярщинкѣ,
Охити иминешенько,
Да у вдовы благочестивые,
Охити иминешенько,
Да есть три дочери хорошія,
Охити иминешенько,
Набашены, да наряжены,

Охити иминешенько,

И не про тебя да и наряжены,

Охити иминешенько,

Тутъ твои да богосуженыя.

— Ужъ ты, милая, хорошая,
Хоть немножечко постой.
— Рада, рада бы, радёшенька,
У меня кони не стоятъ,
Молодые то извощички
Не могутъ ко́ней удержать.
— Ужъ ты, милая, хорошая,
Хоть ты рученькой махни.
— Рада, рада бы, радешенька,
У меня рука у жениха.
— Ужъ ты, милая хорошая,
Хоть ты глазикомъ мигни.
— Рада, рада бы, радешенька,
Призакры́тые глаза,
Призакрыты, призавязаны
Шелковы́мъ бѣлымъ платкомъ.
— Ужъ ты, милая, хорошая,
Хоть ты головушкой махни.
— Рада, рада бы, радешенька,
У меня головушка болитъ.

Пиво.

Хороводная пѣсня.

Во время этой пѣсни всѣ дѣвицы и всѣ молодцы стоятъ въ двухъ рядахъ, образуя между собою улицу. При словѣ «раздеремся» они всѣ представляютъ дерущихся; а при словѣ «помиримся»—мирятся. Во время пѣнія всѣхъ стиховъ, кромѣ двухъ первыхъ, они судорожно представляютъ больныхъ, а при словѣ

«вотъ пошла встряхнулась, вотъ и сворохнулась» повертываются кругомъ и стоятъ по прежнему.

Наваримъ мы пива, зелéнаго вина,
Мы пива напьемся, всѣ и придеремся.
Ладо, ладо, ладо,
Всѣ и придеремся.
Наваримъ мы пива, зеленаго вина,
Мы пива напьемся, всѣ и помиримся.
Ладо, ладо, ладо,
Всѣ и помиримся.
Выпала хмѣлинка во мою головку:
Нельзя мнѣ встряхнуться,
Нельзя сворохнуться.
Вотъ пошла встряхнулась,
Вотъ и сворохнулась.
Выпала хмѣлинка во мою грудинку:
Нельзя мнѣ встряхнуться,
Нельзя сворохнуться.
Вотъ пошла встряхнулась,
Вотъ и сворохнулась.
Выпала хмѣлинка во мою брюши́нку:
Нельзя мнѣ встряхнуться,
Нельзя сворохнуться.
Вотъ пошла встряхнулась,
Вотъ и сворохнулась.
Выпала хмѣлинка во мои колѣни:
Нельзя мнѣ встряхнуться,
Нельзя сворохнуться.
Вотъ пошла встряхнулась,
Вотъ и сворохнулась.
Выпала хмѣлинка во мои во ножки:
Нельзя мнѣ встряхнуться,
Нельзя сворохнуться.
Вотъ пошла встряхнулась,
Вотъ и сворохнулась.

Болѣла головушка,
Выныло сердечушко
Все по любушкѣ своей:
Гдѣ живетъ любушка?
Гдѣ живетъ сударушка?
По ту сто́рону рѣки.
Обойти мнѣ далеко,
Переплыть мнѣ широко
Жердочка тонка,
Жердочка сломилась,
Шляпонька у милаго свалилася.
Мой любезный дружечекъ потонулъ.
Увидѣла дѣвушка,
Увидѣла красная
Изъ высокова нова терема;
Бѣжала по рѣченькѣ,
Бѣжала по быстрой;
Бранилась на рѣченьку,
Бранилась на быструю:
Чтобы тебѣ рѣченька,
Чтобы те быстрая,
Вѣкъ бы то рѣчка не текла,
А мнѣ красной дѣ́вицѣ
Вѣкъ въ тоскѣ прожити.

Сова моя, совонька,
Сова чорноброваля,
Залѣсская барыня,
Арина Степановна,
Гдѣ ты проживаешь,
Гдѣ ты, сова, побываешь?
Живу-поживаю
Во темныхъ лѣсищахъ,
Во дикихъ дубищахъ.

Признавали сбвушку
Люди не чужіе,
Собственны крестьяна,
Комары и мухи.
Засылали сватива
Сычева ли братива:
Воронъ, полетай,
Воронъ, солажай,
На свадьбу снаряжай!
Во святы онучки,
Изъ трубы затычки,
Въ уши и сережки,
Мушинки-горошинки.
Всѣ то люди наши,
Все они обвязаны:
Ворона свахухою,
Сорока плясухою,
Галица стряпухою.
Съ этихъ съ радостей
Сова больно снарядилась,
Садилась на вишень,
Вишень сломился,
Совонька убилась,
До смерти подавилась.
Бѣдный сычужка
Онъ вѣдь сгорёвался
Онъ встосковался:
Мнѣ то сычужку
Тутъ то не сладило,
Невѣста убивилась
И до смерти подавилась.

Задумалася язева голова
Мнѣ сказали: дружка вѣкъ свой не видать.
Милъ по у́лушкѣ поха́живаетъ,
Калену̀ стрѣлу налаживаетъ
Ты лети мое кале́ная стрѣла
Выше лѣса, по подне́бесью;
Ты убей кале́ная стрѣла
Черна во́рона подъ облакомъ,
Сѣру у́тицу на тихой на водѣ,
Красну дѣвицу въ высо́комъ теремѣ!
Воротись, моя каленая стрѣла,
Не съ ума тебѣ навязываю,
Не съ разумья наговариваю:
Черный воронъ-отъ батюшко мой,
Сѣра утица матушка моя,
Красна дѣвица невѣста моя.

Лѣсики мои, лѣса,
Лѣса вы дремучіе,
Заводили мои заводы,
Заводы мои фабричные,
Фабричные заводы, да горемычные.
Кто васъ заводики завелъ?
Завела эти заводы
Да заводъ красна дѣвица
Душа Пелагеюшка.
Не достроивши заводъ,
Сама въ лѣсъ пошла;
Въ лѣсъ она пошла
За калиной, да за малиной.[29])

По рѣкѣ Еломѣ.

Въ день новаго 1901 года, отправились мы на оленей въ дикія мѣста по берегамъ рѣки Еломы. Охота была неудачна. Долго ждали въ сторожкѣ (см. стр. 166), а затѣмъ прогнали большой пустой кругъ. Олени вышли.

Когда мы еще подъѣзжали къ Петропавловскому, ямщикъ, насъ везшій, разсказалъ преданіе, связанное съ виднѣвшимся вдали селомъ. Оно живетъ до сихъ поръ и связано съ храмовымъ праздникомъ. Вотъ что говорилъ ямщикъ: туда прилетали птицы, лебеди, гуси и звѣри разные и ихъ убивали, остальные улетали. Но крестьяне стали и остальныхъ убивать, тогда птицы и звѣри перестали летать и приходить въ Пречистенское. Съ давняго времени крестьяне продолжаютъ водить туда на праздникъ 8 сентября скотъ: коровъ, телятъ, барашковъ; часть съѣдаютъ, а часть продается вмѣстѣ съ хлѣбомъ, котораго тутъ, говорятъ, до тысячи рублей выручаютъ. Есть другое преданіе, что изъ лежащаго не по далеку Святого озера вышли коровы. А крестьяне ихъ стали ловить, но онѣ опять ушли въ воду. Странникъ *брался* поймать ихъ и говорилъ, что оттого крестьяне не поймали, что они стали хватать коровъ, а надо было взять прежде *подойникъ,* который плавалъ, тогда поймали бы и коровъ. Но потомъ онъ одумался и не сталъ ловить, боялся водяного. По словамъ разскащика коровы—это *такъ* разсказываютъ, а про птицъ и звѣрей,—это правда.

Черезъ нѣсколько дней, 2 января, мы посѣтили и самое Пречистенское и прежде всего зашли къ священнику. Онъ съ готов-

ностью согласился показать намъ церковь. Мы узнали, что она существуетъ отъ временъ древнихъ, что ей едва-ли не больше 400 лѣтъ, что она была прежде деревянная, въ честь Успенія Божіей Матери. Нынѣ существуетъ новѣйшая. Прежде она писалась: *Успенье, что̀ на Вѣщеозерѣ, Вологодской губерніи, Бѣлозерскаго уѣзда, Ча̀рондской округи.* Мы замѣтили нѣсколько старыхъ любопытныхъ иконъ, между ними очень длинный Деисусъ. Вниманіе наше привлекъ также прекрасной древней работы дубовый столъ. Повидимому, древнѣйшая икона, это—Владимірской Божіей Матери, при ней малые складни. Священникъ полагалъ: «не *княжескій* ли вкладъ?» Когда мы полюбопытствовали узнать, какихъ князей, онъ сообщилъ намъ, что князья Бѣлозерскіе жили недалеко. И онъ такъ просто показалъ рукой направленіе, гдѣ они жили, что можно было подумать, что это было во всякомъ случаѣ недавно. Вѣщеозерская волость встрѣчается въ грамотахъ XVI вѣка. Царь Иванъ Васильевичъ далъ между прочимъ туда жалованную грамоту и «по той жалованной грамотѣ.... была у нихъ своя Губа, и къ татинымъ и къ розбойнымъ дѣломъ губнымъ старостамъ и цѣловальниковъ выбирали они сами....»[30]) «И теперь», прибавилъ священникъ, «существуютъ, такъ называемые *княжскіе покосы*.... Князья жили въ Ки́снемѣ, около Бѣлозерска.... Не всегда это мѣсто было глухимъ угломъ. Археологъ пріѣзжалъ и раскопалъ два кургана». Зазвавъ насъ къ себѣ чай пить, онъ разсказалъ намъ слѣдующее, почти то же, что мы уже слышали отъ ямщика. Я списалъ это преданіе изъ рукописной церковной лѣтописи:

«Преданіе говоритъ, что въ день Рождества Богородицы, *самки ольня̀* ежегодно приводили дѣтеныша, котораго закалывали, варили и имъ угощали приходящихъ, а мать отпущали. Когда же праздникъ приходился въ постный день, тогда ольнѝ приходили наканунѣ и праздновали наканунѣ, что дѣлается и до настоящаго времени. *Хотя животные лѣсныя и не приходятъ,* но Господь и Пречистая Божія Матерь и до нынѣ не оставляютъ своею милостью: жители окрестныхъ приходовъ наканунѣ, когда праздникъ въ постный день, или въ самый праздникъ, приводятъ, или привозятъ, по своему усердію, рогатый скотъ, котораго ежегодно продается отъ 60 до 130 рублей». Не совсѣмъ отрицалъ священникъ и другое преданіе о коровахъ и говорилъ, что *коровы въ водѣ жили.*

Недалеко отъ церкви есть урочище. На церковной землѣ, на лодочной горушкѣ есть камень съ углубленіемъ на подобіе *ýпака*, т. е. вростроносаго сапога, какіе носили прежде, еще на памяти священника. Преданіе говоритъ, что это *слѣдъ* преподобнаго Александра Ошевенскаго. Онъ оставилъ его, по словамъ священника, ходя къ богослуженію въ нашу церковь, ибо Петровской церкви тогда не было. Изъ рукописнаго житія, которое хранится, между прочимъ, въ деревнѣ Погостицѣ, въ семьѣ крестьянъ Паничи, видно, что мать преподобнаго молилась въ церкви Успенія Божіей Матери, предъ Ея иконой, о дарованіи ей сына и слышала голосъ, что молитва ея будетъ услышана.

Память о святомъ живетъ въ мѣстности и до сего времени. Въ церкви села Петропавловскаго мнѣ удалось найти рукопись, полууставъ, въ большую долю листа, на дї҃ чд҃ (14—94) листахъ, въ кожанномъ переплетѣ, застежки срѣзаны, съ надписью въ концѣ: «Списана книга сія, служба и житіе преподобнаго Александра Ошевенскаго чудотворца въ ҂аѱпг (1783) году, с книги монастыря Александра Ошевенскаго казенныя, которая писана то яжъ обители іеромонахомъ Іосифомъ в лѣто отъ сотворенія мира ҂зс҃мѕ, (1736) а отъ рождества Христова ҂аѱли, (1738) при ігуменѣ Афанасіи».

Передъ началомъ житія на листѣ а҃: «Мѣсяца априлія въ к҃ день преставленіе преподобнаго отца нашего Александра, игумена Ошевнего монастыря, Каргопольскаго новагѡ чудотворца. Житіе и подвизи преподобнаго отца нашего Александра составлшаго пречестенъ монастырь над рѣкою Чюрьегою во области града Каргополя близъ дышущаго моря окіана. Списано іеромонахомъ Өеодосіемъ тоя же обители. Благослови отче почести».

Здѣсь повѣствуется о рожденіи и воспитаніи преподобнаго Александра, о постриженіи его въ монахи, о преставленіи родителей его, о явленіи ему пр. Кирилла, Бѣлозерскаго чудотворца. Рядъ чудесъ слѣдуетъ затѣмъ, напримѣръ: како видѣ его слѣпый старецъ Герасимъ в пожаръ на церкви; о бѣснующемся юношѣ Алексіѣ; о иномъ человѣцѣ, тоже бѣснующемся; о Закхеѣ чернецѣ; о нѣкоемъ юношѣ, исцѣлѣвшемъ во обители. Въ статьѣ о нѣкоемъ бояринѣ, Иванѣ Михайловичѣ Юрьевѣ, повѣствуется: «бояринъ Іоаннъ Михайловичъ Юрьевъ.... сродникъ.... царицы.... Анастасіи. А пріиде на

градъ Каргополь во обдержаніе, сей убо богатствомъ и славою превзыде паче многихъ. Еще же в велицей гордости и величаніи тщашеся творити не правая, тако же яко и прежде его иніи бѣша....» Чудо о нѣкоемъ отроцѣ, како воспитіемъ кваса вырѣзанный языкъ исцѣлѣлъ; о нѣкоей отроковицѣ; чудо о руцѣ ослабленой и другія.

Дочь священника хлопотала за самоваромъ. Мы сообщили, что покупаемъ полотенца и просили оповѣстить. Черезъ нѣсколько минутъ вся комната наполнилась бабами и дѣвушками, которыя наперерывъ старались сбыть намъ свои полотенца. Намъ сказали, что никто никогда не заглядывалъ для этой цѣли, только однажды нѣсколько лѣтъ назадъ кто то скупалъ полотенца для продажи.... въ Англію.

Бесѣдуя съ нами о мѣстныхъ дѣлахъ, священникъ жаловался на частые раздѣлы крестьянъ, отчего раззореніе, что теперь «захотѣли сами *говядину крошить*, быть большакомъ».

Мы узнали, что въ окрестностяхъ много оленей. Когда ходятъ въ болото за морошкой, видятъ ихъ.

Напившись чаю, мы простились съ добрыми хозяевами, привѣтливо насъ проводившими, съ выраженіемъ благодарности, что посѣтили ихъ *пустыньку*, и снова вернулись на мѣсто нашего ночлега.

Въ тотъ же вечеръ къ намъ набѣжало со всѣхъ сторонъ съ полотенцами пропасть продавщицъ. Собралось въ кухнѣ такъ много народа, что мы впускали по одной и могли дѣлать болѣе строгій выборъ: брать только новое и типичное. *Разшевелили наше гнѣздо*, говорили онѣ намъ. Мы пересмотрѣли нѣсколько сотъ узоровъ и выбрали 60 съ лишнимъ. Снимки узоровъ на стр. 145. Всѣ полотенца за оба дня были изъ двухъ волостей: Петропавловской и Пречистенской. Изъ деревень: Великій дворъ, Подосенки, Погорѣлая, Китрино, Курище и самого Пречистенскаго. Куплено всего 27 длинныхъ полотенецъ; изъ нихъ два бѣлыхъ, очень рѣдко встрѣчавшихся, 12 короткихъ, ихъ называютъ утиральники; 44 полосокъ и обрѣзковъ и 1 рубашка. Множество предложеній въ такой короткій срокъ было слѣдствіемъ довольно высокой цѣны, которую мы платили. Кромѣ того, полотенца эти, какъ намъ объяснили, уже выходятъ изъ *моды*.... Подъ конецъ у насъ положительно разболѣлась голова отъ всей этой возни съ тряпьемъ, разборомъ и расплатой. Разумѣется, не

Село Волокъ-Славинскій.

обошлось безъ путаницы и ее приходилось приводить въ ясность. Все это порядочно извело насъ.

Одно время думали ѣхать обратнымъ путемъ, чтобы не повторять старой дороги. Именно изъ Петропавловскаго черезъ Печеньгу, Ча́ронду, Вожгу, Тичино, но потомъ рѣшили вернуться опять тѣмъ же путемъ. На другой день выѣхали въ Устье. По дорогѣ домой былъ еще неудачный кругъ на медвѣдя, а вечеромъ пріѣхали въ Устье. Тамъ ночевали и на другой день выѣхали. Я успѣлъ купить принесенную отцомъ хозяина деревянную большую чашу, такъ называемый *скобкарь* (стр. 4). Чаша эта, по словамъ старика, старинная, ей много больше ста лѣтъ. Иногда шутили, говоря: «давайте по скобкарю на брата!»

Выѣхали 4-го утромъ и быстро помчались къ Вологдѣ. Опять лѣсомъ, потомъ по открытымъ полямъ. Вдали, но съ другой стороны остался Ѳерапонтовъ монастырь, рисуясь на горизонтѣ своими едва замѣтными зубчатыми куполами, вдали гора Цыпина. Пересѣкли каналъ принца Александра Виртенбергскаго. Какое разнозвучіе: *Бѣлоозеро* и *Виртенбергъ!* Одинокая баржа, замерзшая во льду, дожидалась весны, чтобы снова пуститься въ путь. Миновали селенія Большое и Малое Закозье. Въ деревнѣ Думовѣ мы обратили вниманіе на окна: у каждаго окна одинъ ставень сбоку. Первая станція была большое торговое село, славящееся въ округѣ, Волокъ Славинскій. Самое мѣсто указываетъ на времена отдаленныя.

Потомъ показалась вдали церковь Николы въ Кара́чевѣ, село Сицкое на рѣкѣ Ситкѣ, потомъ деревня Гора, гдѣ мы мѣняли лошадей, высоко расположенная, съ открытымъ видомъ на долину рѣки Порозовицы и село Рукино. Свѣтлой снѣговой лентой простерлась Порозовица посреди темныхъ лѣсныхъ береговъ. Снова на лошадей и снова помчались по снѣжной равнинѣ.... Вотъ и граница двухъ губерній между двухъ деревень, Головиной и Багриной, гдѣ рѣка Рубежъ раздѣляетъ убогій сѣверъ Новгородской губерніи отъ торговаго Вологодскаго края. Одиноко торчитъ верстовой столбъ. Еще тридцать верстъ и село Новленское. Мы ѣдемъ берегомъ Кубенскаго озера. Ямщикъ разсказываетъ о немъ. Оно очень бурное.

Вотъ вдали чуть замѣтной точкой показался Каменный островъ и Спасо-Каменный монастырь во имя святыхъ Зосимы и Савватія. Въ немъ тридцать человѣкъ братіи. Пароходы на Кубенскомъ озерѣ принадлежатъ купцу Борисову. Торговыя сношенія съ Рыбинскомъ и Нижнимъ-Новгородомъ. Главная рыба въ озерѣ нельмушка и сиги.

Намъ встрѣтились сани. Какой то мужичекъ сидѣлъ скрючившись, завернутый въ балахонъ. Промелькнула острая борода. Ямщикъ обернулся и сказалъ: это старовѣрческій попъ, очень извѣстный въ округѣ.

Село Рукино, вдали р. Порозовица.

Проѣзжали мимо старой усадьбы Неѣлова. Теперь отъ нея ничего не осталось, кромѣ мѣста. Миновали Сямскій монастырь и рядомъ лежащую деревню Березня́къ, откуда родомъ пр. Мартиніанъ. Еще монастырь пр. Іосифа, Оникеевскій и рядъ селъ съ церквами о пяти куполахъ. Темнѣло. Попадались ряженые. Уже стало совсѣмъ темно, когда мы въѣхали въ село Кубенское. Село это, называвшееся *Кубени*, встрѣчается еще въ XV вѣкѣ, какъ владѣніе князей Заозерскихъ. Въ началѣ XVII вѣка царь Михаилъ Ѳедоровичъ пожаловалъ его боярину Михалѣ Михаловичу Салтыкову и въ роду Салтыковыхъ оно держится до 1785 года. Съ этого года и до 1790 оно принадлежитъ Ѳедору Алексѣевичу Пушкину. Съ 1790—1797 владѣетъ имъ графъ Ѳедоръ Григорьевичъ Орловъ, отъ котораго оно переходитъ по завѣщанію къ Татьянѣ Ѳедоровнѣ Ярославовой, въ пожизненное владѣніе. Въ 1847 году Кубенское возвращается къ Орловымъ и послѣднимъ его владѣльцемъ былъ Н. М. Орловъ [31]).

Сямскій монастырь.

Пока мѣняли намъ лошадей, мы направились къ церквамъ съ цѣлью осмотрѣть ихъ. Пришелъ священникъ о. Н. Богословскій, очень охотно выразившій содѣйствіе свое. Въ холодной церкви вниманіе наше остановила икона Воскресенія Христова, разбитая на квадратики, подъ каждымъ вирши. Теплая церковь во имя св. Димитрія Солунскаго. Обѣ церкви новѣйшія и, кромѣ нѣкоторыхъ иконъ, особеннаго интереса не представляютъ. Въ ризницѣ впрочемъ хранятся вклады Салтыковыхъ: евангеліе печати 1759, потиръ, дискосъ

Съ фот. А. Суханова.

Фототипія П. П. Павлова.

Паперть церкви св. Іоанна Предтечи, что въ Толчковѣ, предмѣстьѣ Ярославля на р. Которосли.

и двѣ тарелки. Преданіе говоритъ, что сосуды эти привезены изъ какой то Московской церкви. Наиболѣе старый даръ Салтыковыхъ, это серебряное, вызолоченное кадило. На немъ надпись: «Лѣта 7174 (1666) августа въ 15 день бояринъ Михаилъ Михайловичъ, да сынъ ево бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ дали въ состроеніе въ церковь Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія, да въ предѣлъ Всемилостиваго Спаса Нерукотвореннаго Образа кадило серебряное чеканное при священникахъ Иванѣ Ѳеоктистовѣ, да при Иванѣ Корниліевомъ, за государское здоровье Бога молить». Приписка: «и насъ въ своихъ молитвахъ не забывать и родители наши поминать»[32]).

Въ расположенномъ на большомъ пути изъ Вологды въ Кириловъ, селѣ Кубенскомъ, проѣздомъ бывалъ царь Іоаннъ Грозный и даже по преданію у него было въ верстѣ отъ села свой домъ «что у Государя на сваяхъ». Отсюда писалъ приведенное выше письмо въ Кирилловъ монастырь Ѳ. И. Шереметевъ. Въ 1724 году Петръ Великій съ Екатериной проѣзжали здѣсь въ Вологду съ Олонецкихъ минеральныхъ водъ. Былъ тутъ и С. П. Шевыревъ въ 40-хъ годахъ и занесъ въ свою прекрасную книгу подробности о мѣстныхъ обычаяхъ и промыслахъ.

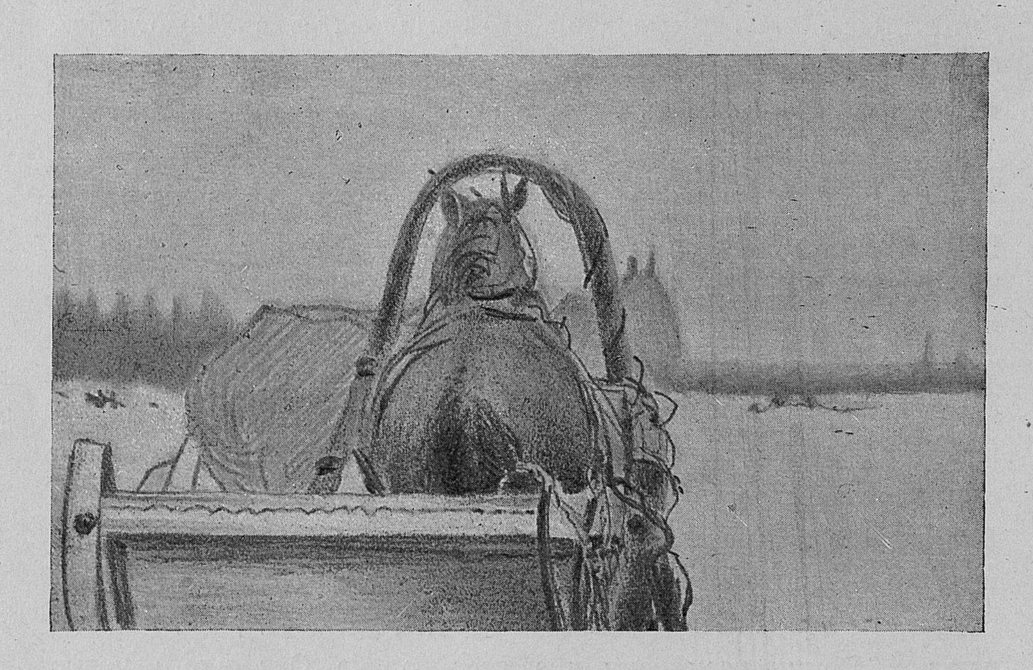
Въ Вологду пріѣхали мы вечеромъ и прямо къ станціи подкатили. Ночь провели въ вагонѣ, а на другое утро, 5 января, были въ Ярославлѣ. Между поѣздами было часа три и я воспользовался ими, чтобы съѣздить въ церкви Рождества Богородицы, Іоанна Предтечи, что̀ въ Толчковѣ и къ Ѳедоровской. Іоаннъ Предтеча своими расписными стѣнами и иконописью поразилъ меня. Какое великолѣпіе! Водилъ сторожъ, внимательно отвѣчая на разспросы. Сѣни и сводчатые переходы паперти вокругъ церкви украшены фресками. Встрѣчались и деревянная рѣзьба и изразцы. Проходя мимо одной иконы, сторожъ замѣтилъ: эту икону *губернаторъ полюбили*....

Не то вниманіе встрѣтилъ я въ Ѳедоровской церкви, напоминающей своими размѣрами предшествующую. Она много менѣе интересна, но и тутъ есть прекраснаго письма иконы на всѣхъ стѣнахъ и столбахъ. Я нашелъ высокаго дьячка въ церкви за уборкой. Онъ встрѣтилъ угрюмо и на объясненіе, что желаю посмотрѣть старину, грубо отвѣчалъ: «Какая старина? У насъ старины нѣту....»

Съ наружной стороны въ лѣтней церкви прекрасно сохранились пояса изразцовъ.

Ярославскими церквами закончилась наша поѣздка. Жаль было разставаться съ свѣтлыми образами всего видѣннаго, но надо было спѣшить, и къ вечеру мы были уже въ Москвѣ.

Кончая эти краткія замѣтки, не могу не высказать, какъ велико наслажденіе отъ подобной поѣздки въ этотъ свѣтлый, сѣверный край. Переносишься въ другое время, къ другимъ обычаямъ, къ другой жизни. Еще крѣпче сознаешь, что только имѣя подъ ногами почву родной земли, можно твердо идти впередъ по неуклонному пути развитія и совершенствованія. Вдыхаешь свѣжій воздухъ древности и тѣхъ зиждительныхъ силъ, которыя создали наше государство. Тамъ, посреди дремучихъ лѣсовъ, невольно скорбишь объ утраченномъ на Руси единствѣ силъ церковныхъ, государственныхъ и земскихъ, и думаешь о томъ, какъ слить эти начала во имя общаго блага нашей великой страны....

Въ саняхъ гусемъ.

УЗОРЫ

на полотенцахъ и утиральникахъ, собранныхъ въ волостяхъ Петропавловской и Пречистенской, Кирил. у., Новгор. губ. (Къ стр. 139).

Фототипія П. П. Павлова

Фототипія П. П. Павлова.

Фототипія П. П. Павлова.

6

Фототипія П. П. Павлова.

Фототипія П. П. Павлова.

ПРИЛОЖЕНІЕ

Учитель министерской школы въ селѣ Петропавловскомъ В. Ѳ. Ивановъ передалъ мнѣ списанные имъ съ рукописей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря слѣдующіе списки съ грамотъ и отписокъ большею частью царя Алексѣя Михайловича и другіе. Работа эта предназначалась для покойнаго мѣстнаго историка Н. П. Успенскаго. Къ сожалѣнію, свѣрить сдѣланную работу съ подлинникомъ было невозможно. Поэтому она приводится какъ есть.

СПИСКИ съ ГРАМОТЪ и ОТПИСОКЪ

На Лозу село Антушево.

Купчая ігумена Кирила Кирилова монастыря у Мясоѣда Семенова сына Вислова на село Антушево з деревнями; лѣта ҂зо̃з (1569), в листъ, за рукою Мясоѣдовою и за послуховыми руками.

Купчая Кириловскихъ властеі у Мясоѣда Семенова сына Вислова в Белозерскомъ уѣзде в Надпорожскомъ стану в волости в Лозе на селцо Антушево з деревнями с мельницами; лѣта ҂зо̃з (1569), вмѣсте за руками.

Купчая Мясоѣда Семенова сына Вислова у племянника своего и у Тимофея Григорьева сына Алексѣева на деревню Антушево да починокъ Шеладино; лѣта ҂зн̃ (1542), в столбецъ, за руками.

Купчая у Тимофея Григорьева сына Алексѣева Мясоѣда Семенова сына Вислова в Надпорожскомъ стану в волости в Лозе на деревню Антушево да на починокъ Шаладинъ; лѣта ҂зн̃ (1542), в столбецъ, за руками.

По государевѣ царевѣ і великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіі грамотѣ даная Белозерскихъ писцовъ Ѳедора Ивановича Колычева с товарищи на оброкъ Мишкѣ Ананьину полдеревни Микитинской да полдеревни Яковлевскіе пустые; лѣта.... (1554) ноября въ день. Ниже строк припис подячего Ивана Леонтьева.

Купчая Мясоѣда Семенова сына Вислова у Михайла Яковлева сына Путилова в Надпорожскомъ стану в волости в Робозере на деревню Власову Гору да на деревню Нова; лѣта ҂зо҃s (1568), в листъ, за руками.

Купчая Мясоѣда Семенова сына Вислова у Ивана да у Василья Яковлевыхъ дѣтей Молчанова сына Кишкина в Надпорожскомъ стану в волости в Робозере на деревню Бѣлобоковскую да на деревню Зуево да на починокъ Больднево; лѣта ҂зо҃s (1568), в листъ, за руками.

Закладная кабала Мясоѣда Семенова сына Вислова в Надпорожскомъ стану в волости в Робозере на деревню Ісаковскую Борисову і на иные деревни; лѣта ҂зо҃s (1568), в листъ, за руками.

З докладу купчая Мясоѣда Семенова сына Вислова у Якова Молчанова сына Кишкина в Белозерскомъ уѣздѣ в Надпорожскомъ стану в волости в Лозе на деревню Пальцово да на деревню Никаново. Лѣта ҂зо҃є (1567) октября въ к҃ день. В листъ, за печатью и за руками.

З докладу купчая Мясоѣда Семенова сына Вислова у Рахмана Иванова сына Житново в Белозерскомъ уѣздѣ в Надпорожскомъ стану на деревню Микитинскую з деревнями; лѣта ҂зо҃s (1568), в листъ, за печатью. Ниже строка припись дьякъ Дмитрія Пивова за руками.

Купчая Мясоѣда Семенова сына Вислова у Ѳедора Никифорова сына Ольгова в Белозерскомъ уѣздѣ в волости в Робозере на деревню Олюшинскую і на иные деревни. Лѣта ҂зо҃s (1568), в листъ, за руками.

Меновная Рахмана Иванова сына Житново у Петра у Шестакова сына Романова с товарыщи в Белозерскомъ уѣздѣ в Надпорожскомъ стану на деревню Микитинскую і на иные деревни; лѣта ҂зо҃s (1568), в листъ, за руками.

Духовная Мясоѣда Семенова сына Вислова; лѣта ҂зо҃s (1568). Ниже строкъ году приписка даче .... монастырь а позади ево Мясоѣдова рука и иные руки; в листъ.

Списокъ з грамоты государя царя і великаго князя Івана Васильевича всеа Русіи на Белоозеро князю Михайлу княж Ѳедорову сыну Барятинскому; велено освободити, продать в Кириловъ мо-

настырь вотчину свою село Антушево да сельцо Никицкое з деревнями; лѣта ҂зо҃з (1569) апрѣля въ ѕ҃і день (16).

Духовная память Мясоѣда Семенова сына Вислова; лѣта ҂зо҃и (1570), в листъ, за ево Мясоѣдовою рукою.

Память межевая Робозерскіе волости черные крестьянъ с Лоскою волостию с Сосмары рѣки; лѣта ҂зч҃д (1586, 25 іюня), в столбецъ, за руками.

Списокъ с межевые памяти старца Іева Челищева какова память дана Робозерскіе волости крестьяномъ. Лѣта ҂зч҃д июня въ к҃є день (1586 г. 25 іюня), за рукою списокъ Лоскаго попа да дьячка.

Запись Робозерские волости на крестьянъ на Степана Ларионова с товарыщи о межеванье земли с Слоскою волостью по розводу старца Іева Челищева; лѣта ҂зч҃и (1590), за руками.

Память Рабозерские волости черные старосте Агаѳону Яковлеву сыну со крестьяны межевая с Слоскою волость спорной нивѣ; лѣта ҂зч҃и июня въ ѕ҃і день (1590 г., 16 іюня), не заручна.

Межевая память рядчика старца Варѳоломея промежъ волости Лозою купостью деревень рѣки з верхние мельницы; лѣта ҂зрм҃и Сентября въ к҃г день, за руками (1640, сент. 23).

В сувойце межевые в Лозѣ ж с Троецкимъ что на усть Шексны з деревнею Перхловтой.

Сынъ старца Бабоѣдова Лосскими крестьяны про спорную землю с Троецкими про таковую ниву; рн҃ѕ году марта въ к҃в день (1648 г., марта 22), за руками Лосскихъ поповъ.

Роспись межамъ съѣзду с Троицкимъ ігуменомъ Арсеніемъ Варлама Шенкурина; рн҃з г. августа въ к҃ѕ день (1649 г., 26 авг.), за руками Лосскихъ поповъ.

Запись Кириловскихъ властей межевая с Троицкими; лѣта ҂рн҃з году Сентября въ д҃ день (1649 г. сент. 4), за руками Кириловскихъ властей.

Выписка смежевые Кирилова монастыря старца Веньямина да Троицкаго монастыря с Усть Шексны старца Анисима; ры҃і году (1604 г.) за руками Кириловскихъ властей, а под тою выпискою подклеена отписка в монастырь изъ Лозы слуги Василья Шекурина, что подлинные межевые старцевъ Веньямина да Анисима давно в монастырѣ в крѣпосте не сыскано отписка письмо его Василья Шекурина.

Двѣ выписки с межевыхъ Троицкихъ Перховты деревни с Лоскою волостью і с Робозерскою; писаны на одномъ столбце, не заручены.

Списокъ с писцовы выписи князь Никиты Шаховскаго Троицкой вотчинѣ межа от Кириловской вотчины водѣ и земле, заручная.

Списокъ с межевые с Троицкою вотчиною водѣ и земле, не заручная.

По указу Вологоцкаго архіепископа Симона, а по челобитью Лозы села Антушева попа Ѳедора в Лозѣ церковная земля взята к монастырской пашнѣ, а в то мѣсто дана ему, попу, і дьякону тяглая земля в деревне Горкѣ и в той землѣ .... за руками, ҂зрпа году (1673 г.).

Межевая Лоскимъ деревнямъ с Троицкою вотчиною что на Усть Шексны рѣки з деревнею Перхлофтою; ҂зрпе іюня въ кг день. (1677 г., 23 іюня).

Поступная запись Троицы Усть Шехонского монастыря вмѣсто Кирилова монастыря потопныхъ сѣнныхъ покосовъ отъ Перхлотосцкой мельницы в Лоской волости на таковую ниву и межа описанная; рѯѳ году июня въ ка день (21 іюня 1661 г.).

Выпись с писцовыхъ книгъ за руками писцовъ в дестовыхъ тетрадяхъ на село Лозу с проселки; ҂зрчг году декабря въ ѕ день. (1685 г., 7 декабря).

СПИСОКЪ. Отъ царя і великаго князя Алексѣя Михайловича всея великия и малыя и белыя Росиі самодержца въ Кириловъ монастырь архимандриту Моисею да соборнымъ старцамъ Матвѣю Микифорову з братиею. По нашему великаго государя указу посланъ к вамъ в кириловъ монастырь под начало из Вытепскаго Живоначальные Троицы Алексѣевскаго монастыря черноі попъ Досиѳей с трубникомъ с Сергѣемъ Лавровымъ; і какъ к вамъ сия наша великаго государя грамота придетъ, а к вамъ в кириловъ чернаго попа Досиѳея трубникъ привезетъ і вы б ево приняли и б дали старцу добру і велели держать под крѣпкимъ началомъ і къ божественному пѣнию приходити ему по вся дни, а с монастыря ево спускать не велѣно, что б онъ никуды не ушолъ, а пищу и одежду

давали ему противъ ихнихъ такихъ. Писано на москвѣ. Лѣта ҂зрое (1667) Сентября въ гі (13) день

А позади подлинные великаго государя пишено: писалъ Петрушка Екимовъ.

СПИСОКЪ. Отъ государя і великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росиі самодержца на Белоозеро Кирилова монастыря архимандриту Моисею да келарю старцу Павлу Ремезову. Въ прошломъ во роꙉ (1666) году по нашему великому государя указу посланы изо патриаршаго разряду на Бѣлоозеро в Воскресенскій дѣвичій монастырь, что в Горахъ из Путивля Духова дѣвича монастыря игумения Анисия, да из Володиміра Успенскаго дѣвича монастыря старица Еупраксѣя Остаѳьева, а велѣно ихъ держать под началомъ до нашего великаго государя указу. I какъ к вамъ сия наша великаго государя грамота придетъ і вы б тѣмъ подначальнымъ изъ Путивля Духова дѣвича монастыря игуменѣ Анисьѣ да из Володимира Успенскаго дѣвича монастыря старицѣ Еупраксѣе Остаѳьевѣ велѣли давать пищу і питие противъ иныхъ сестръ мѣсныхъ того Воскресенскаго дѣвича монастыря до нашего великаго государя указу из Кирилова монастыря. Писано на Москвѣ ҂зрое (1667) ноября въ ки (28) день.

СПИСОКЪ. Отъ царя і великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росіи самодержца в Белозерской в кириловъ монастырь архимандриту Моисею да келарю старцу Павлу Ремезову з братиею. По нашему великаго государя указу посланъ для нашего государева дѣла в Белозерской в Ѳерапонтовъ монастырь из московскихъ дворянинъ Степанъ Лаврентьевъ сынъ Наумовъ на Агѣево мѣсто Шепелева, а ему Агѣю велено ѣхать к Москвѣ і нашъ.... великаго государя о томъ к нему послать. И какъ к вамъ сія наша великаго государя грамота придетъ а Степанъ Наумовъ в Белозерской в Ѳерапонтовъ монастырь приѣдетъ и о чемъ в Кириловъ монастырь к вамъ писать учнетъ, и вы б по тому ево писму то все к нему велѣли посылать без мотчанья и велѣли ему отдавать съ роспискою; и въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ и что чего ис Кирилова монастыря в Ѳерапонтовъ монастырь к нему Степану отпущено будетъ і вы то все велѣли в казенной записывать в книгѣ особ статею. Да о томъ писали к

намъ великому государю, а отписку велѣли подавать в разряде думному нашему дьяку Дементью Башмакову. Писано на Москвѣ лѣта ҂зрое҃ (1667) генваря въ е҃ (5) день.

СПИСОКЪ. Отъ царя і великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росиі самодержца на Белоозеро в Кириловъ монастырь архимандриту Моисею да соборному старцу Матѳѣю Микифорову да келарю старцу Павлу Ремезову. Пожаловали мы великій государь Вокія Нащекина: велѣли ево ис подначала свободить и отпустить к Москвѣ. І какъ к вамъ сія наша великаго государя грамота придетъ і вы б Вокія Нащокина іс подначала свободили и давъ ему подводъ и провожатыхъ, отпустили к Москвѣ; а котораго числа нашимъ имянемъ ево, Вокія, отпустите, о томъ бы есте отписали к намъ великому государю, а отписку велѣли послать и ему явитца в приказѣ нашихъ тайныхъ дѣлъ дьяку нашему Ѳедору Михайлову. Писано на Москвѣ лѣта ҂зрое҃ (1667) генваря въ л҃ (30) день.

СПИСОКЪ. Отъ царя і великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росиі самодержца на Белоозеро в кириловъ монастырь архимандриту Моисею з братиею. В нынѣшнемъ во рое҃ (1667) году сентября въ ѕ҃ день, по нашему великаго государя указу, посланъ к вамъ в Кириловъ монастырь под начало за пьянство и за многое безчинство казенной слободы тяглецъ Першка Алексѣевъ да генваря въ ки҃ (28) числѣ посланъ Вологоцкого уѣзду в Каменной монастырь за пьянство ж Микитко Петровъ крестьянинъ (?). Указали мы великій государь казенной слободы тяглеца Першку Алексѣева ис Кирилова монастыря взять к Москвѣ, а барашка Микитку Петрова ис Каменного монастыря отослать к вамъ в Кириловъ монастырь под начало и для того в Каменной і в Кириловъ монастыри посланъ нарочно трубникъ Тимоѳей Жерловъ. И какъ к вамъ сія наша великаго государя грамота придетъ, а трубникъ Тимоѳей Жерловъ ис Каменого монастыря барашка Микитку Петрова к вамъ в монастырь привезетъ и вы б Микитку велѣли принять и держать под крѣпкимъ началомъ такъ же, какъ вамъ велѣно держать Першку Алексѣева, а ево Першку б дали трубнику с роспискою; а котораго числа барашку Микитку Петрова примете и казенной слободы Першку Алексѣева трубнику отда-

дите, о томъ к намъ великому государю отписали, а отписку велѣли подать в Приказѣ Большого дворца окольничему нашему и оружейничему Богдану Матвѣеву, да думному нашему дворянину Івану Богдановичу Хитрово, да дьякомъ нашимъ Семену Титову, да Андрею Селину, да Евстрату Ѳролову, да Лариону Иванову. Писано на Москвѣ лѣта ҂зроѕе (1667) году генваря въ лѧ (31) день.

Позади подлинные грамоты припись дьяка Евстрата Ѳролова. Справа подьячаго Семена Кудрявцова.

СПИСОКЪ СО ОТПИСКИ. Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея великия и малыя и белыя Росиі самодержцу твоего царскаго богомолия Успѣния Пречистыя Богородицы Кирилова монастыря архимандритъ Моисей чернецъ Пахомей Спиридоновъ, келарь чернецъ Павелъ Ремезовъ и соборные чернецы з братіею Бога молимъ и челомъ бьемъ. Прислана в кириловъ монастырь твоя великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и белыя Руси самодержца к намъ богомольцамъ твоимъ грамота, а в грамотѣ написано: в нынѣшнемъ во роѕе (1667) году сентября въ ѕ (6) день, по твоему великаго государя указу посланъ к намъ в Кириловъ монастырь под началъ за пьянство и за многое безчинство казенной слободы тяглецъ Першка Алексѣевъ, да генваря въ ки-мъ (28) числѣ посланъ в Каменный монастырь барашъ Микитка Петровъ и нынѣ указалъ ты великій государь казенной слободы тяглеца Першку Алексѣева ис Кирилова монастыря взять к Москвѣ а бараша Микитку Петрова ис Каменнаго монастыря отослать к намъ в Кириловъ монастырь под началъ и для того в Каменной и в Кириловъ монастыри посланъ нарочно трубникъ Тимоѳей Жерловъ, и к намъ твоя великаго государя грамота придетъ, а трубникъ Тимоѳей Жерловъ ис Каменого монастыря бараша Микитку Петрова, к намъ в Кириловъ монастырь привезетъ і намъ бы ево Микитку велѣть принять и держать под крѣпкимъ началомъ также, какъ намъ велѣно держать Першку Алексѣева, а ево Першку дать трубнику с роспискою, а котораго числа бараша Микитку Петрова у него примемъ, а казенной слободы Першку Алексѣева трубнику отдадимъ и о томъ бы к тебѣ великому государю отписать, а отписку велѣть подать в Приказе Большого дворца окольничему и оружейничему Богдану Мат-

вѣевичу, да думному дворянину Ивану Богдановичу Хитрово, да дьякомъ Семену Титову, да Андрею Селину, да Евстрату Ѳролову, да Ларіону Іванову; и по твоему великаго государя указу у трубника Тимоѳея Жерлова, бараша Микитку Петрова в Кириловъ монастырь мы богомольцы твои приняли ѳевраля въ ві (12) день и подъ началъ отдали и велѣли держать также, какъ держали Перьѳирья Алексѣева, а ево Перѳирья отдали трубнику Тимоѳею Жерлову безъ росписки, потому сказалъ онъ Тимоѳей, что грамотѣ не умѣетъ и отпустили к тебѣ великому государю к Москвѣ Ѳевраля жъ въ гі (13) день, а отписку государь велѣли подать и трубнику Перѳирью явитца в Приказѣ Большого дворца окольничему и оружейничему Богдану Матвѣевичу, да думному дворянину Ивану Богдановичу Хитрово, да дьякомъ Семену Титову, да Андрѣю Селину, да Евстрату Ѳролову, да Ларіону Иванову.

СПИСОКЪ. Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и белыя Росиі самодержца на Белоозеро в Кириловъ монастырь архимандриту Моисею з братьею. В нынѣшнемъ во рӧе (1667) году, по нашему великаго государя указу, сосланъ былъ в Каменный монастырь под началъ за пянство барашъ Микитка Петровъ а ис Каменого монастыря отосланъ к вамъ в Кириловъ монастырь; а нынѣ указали мы великій государь ис Кирилова монастыря сослать въ Кандоложскій монастырь. И какъ к вамъ сія наша великаго государя грамота придетъ и вы б бараша Микитку Петрова, который к вамъ посланъ ис Каменого монастыря отослали в Кандоложскій монастырь на своихъ монастырскихъ подводахъ тотчасъ и велѣли отдать игумену Іоакиму з братиею с роспискою, а котораго числа того Микитку изъ Кирилова монастыря в Кандоложскій монастырь отошлете і вы б о томъ отписали и росписку прислали к намъ великому государю к Москвѣ без замотчанья, а отписать велѣли подать в Приказе Большего дворца, а в Кондоложской монастырь к игумену з братьею о приеме того колодника нашъ указъ послали. Писано на Москвѣ лѣта ҂зрӧе (1667) ѳевраля въ ки (28) день.

Позади подлинные грамоты справа подъячего Семена Кудрявцова.

СПИСОКЪ С ОТПИСКИ. Государю игумену Іоакиму з братиею Кандоложскаго монастыря Успенья Пречистыя Богородицы Кирилова монастыря архимандритъ Моисей з братиею челомъ бьемъ. В нынѣшнемъ во ҂зрое (1667) году марта кв (22) день, по указу великаго государя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росиі самодержца прислана к намъ в Кириловъ монастырь ево великаго государя грамота, а в ней написано: посланъ былъ в Каменной монастырь под началъ за пьянство барашъ Микитка Петровъ, а ис Каменного монастыря отосланъ к намъ в Кириловъ монастырь, а нынѣ указалъ великій государь ис Кирилова монастыря сослать ево в Кандоложскій монастырь. И как та ево великаго государя грамота придетъ и намъ бы бараша Никитку Петрова, который к намъ присланъ под началъ ис Каменного монастыря, отослать к вамъ в Кандоложскій монастырь на своихъ монастырскихъ подводахъ тотчасъ и велѣть ево отдать вамъ игумену Иоакиму з братиею, а котораго числа того Никитку ис Кирилова монастыря в Кандоложскій монастырь отошлемъ и намъ о томъ указано отписать и росписку взять в томъ прислать к великому государю к Москвѣ без замотчания, а отписку велѣно подать в Приказѣ Большого дворца, а в Кандоложскій монастырь к темъ игумену з братьею о приемѣ того колодника ево великаго государя указъ послать. І в нынѣшнемъ во ҂зрое (1667) году марта к (20) день, по указу великаго государя и по грамотѣ, бараша Микитку Петрова послали к вамъ ис Кирилова монастыря с монастырскими служками с Ыгнатьемъ Васильевымъ да з Григорьемъ Ѳедоровымъ на монастырскихъ подводахъ; и какъ к вамъ в монастырь наши монастырские служки с тѣмъ подначальнымъ барашемъ приѣдутъ і вамъ тогда того подначальнаго бараша Никитку Петрова у монастырскихъ нашихъ служекъ велѣли принять и росписку об немъ дать за своими руками противъ великаго государя указу, а котораго числа того Никитку примете і вы б о томъ к намъ отписали и росписку заручную прислали съ нашими монастырскими служки вскорѣ без мотчанья. Писано в Кириловѣ монастырѣ марта въ ... день.

СПИСОКЪ НАКАЗУ. Лѣта ҂зрое (1667) марта въ кг (23) день По государеву цареву і великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росиі самодержца указу и по грамотѣ

ис Приказу Большего дворца память Кирилова монастыря архимандрита Моисѣя з братиею монастырскимъ слугамъ Игнатью Васильеву да Григорью Ѳедорову. Посланъ с ними ис Кирилова монастыря под начальноі барашъ Никитка Петровъ в Колской уѣздъ в Кандоложской монастырь, и слугамъ Игнатью и Григорью тово подначалного вѣсти до Кондоложскаго монастыря с великимъ бережьемъ и приѣхавъ в Кандоложскій монастырь отдать ево подначалново бараша Никитку Петрова игумену Иакиму з братиею і в томъ подначальномъ взять у нихъ по указу великаго государя росписку за ево игуменскою и за братскими руками и к намъ в Кириловъ монастырь отписать, а ѣхать имъ Игнатью и Григорью с тѣмъ подначалнымъ от Кирилова монастыря на монастырскихъ подводахъ зимнимъ путемъ до Каргополя, а въ Каргополе быть имъ на монастырскомъ на Кириловскомъ дворѣ до полые воды, а какъ онъ тою рѣкою водяной путь приспѣетъ и імъ с тѣмъ подначальнымъ ѣхать на судехъ на чьѣхъ доведетца до Онежскаго устья до монастырские Умские лоди а на лоде ево подначального вести до Умбы а Каргопольские службы слуге Івану Мешкову; и Игнатья и Григорья с подначальнымъ кормить монастырскимъ хлѣбомъ и до Умбы хлѣба имъ дать и старцу Давиду (?) слугѣ с подначалнымъ на монастырской лоде до Умбы спроводить, а Умские службы старцу Анисиѳору дать имъ слугамъ под колодника карбасъ и гребцовъ до Кандоложскаго монастыря и запасу, что доведетца, дать же; а какъ они в Кандоложской монастырь того подначалного бараша Микитку Петрова отдадутъ и ихъ старцу Анисиѳору на Умской и на Кузозерской лоде отпустить на Колмогоры і до Колмогоръ кормить ихъ велѣть монастырскимъ, а с Колмогоръ старцу Ѳеоктисту отпустить ихъ на судехъ или какъ деведетца и запасу имъ на дорогу до Вологды, что доведетца, дать.

СПИСОКЪ СЪ ОТПИСКИ. Великому господину старцу Андрѣяну Кирилова монастыря старецъ Пахомей Спиридоновъ, келарь Павелъ Ремезовъ и старцы соборные челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ во ҂ροє (1667) году Марта въ л҃ (30) день подалъ намъ в Кириловѣ монастырѣ великаго государя грамоту Іванъ человѣкъ (?) Иванъ Савельевъ в Кандоложскій монастырь игумену Іоакиму з братиею, а (?) архимандритъ писалъ, что де великаго государя грамота велѣно от-

дать на вологдѣ Кандоложскаго монастыря на соляномъ дворе старцу или слуге, хто у нихъ тутъ живѣтъ, что б та великаго государя грамота в Кандоложской монастырь послать тотчасъ, а по той де великаго государя грамоте указано имъ Кандоложскаго монастыря игумену Иоакиму з братьею какъ держать подначальнаго Никитку бараша Петрова и мы к тебѣ тое великаго государя грамоту послали с Кукобойскимъ крестьяниномъ деревни Хабарова с Ѳеткою Ѳедоровымъ; и какъ великаго государя грамоту к тебѣ Кукобойской крестьянинъ привезетъ и тебѣ господине тое великаго государя грамоту принявъ, отдать на Кандоложскомъ подворье старцу или слугѣ і в томъ взять росписка и тое росписку прислать в монастырь и о томъ к намъ отписать.

СПИСОКЪ С ОТПИСКИ. Пречестныя і великия обители Успения Пречистыя Богородицы Кирилова монастыря господамъ архимандриту Моисею з братиею Рождества Пречистыя Богородицы Кандоложскаго монастыря игуменъ Иоакимъ з братиею челомъ бьютъ. В нынѣшнемъ, господа, во ҂рѻе (1667) году июня въ ѕ҃ (6) денъ, по указу великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великия малыя и белыя Росиі самодержца и по грамотѣ посланъ, господа, от васъ ис Кирилова монастыря с вашими монастырскими слугами с Ыгнатьемъ Васильевымъ да Григорьемъ Ѳедоровымъ к намъ в Кандоложской монастырь подначалъ за пьянство барашъ Никитка Петровъ; игуменъ Иоакимъ с братьею по указу великаго государя и по грамотѣ, какова прислана к намъ в Кандоложской монастырь ис Приказу Большаго дворца, у слугъ вашихъ у Игнатья Васильева да у Григорья Ѳедорова в Кандоложской монастырь того бараша Никитку Петрова приняли и о томъ к великому государю отписали, а тое отписку с тѣми ж с вашими слугами послали і вамъ бы, господа, по указу великаго государя и по грамотѣ та отписка послать к великому государю к Москвѣ с кѣмъ годно, а велѣть подать в Приказе Большого дворца государеву окольничему и оружейничему Богдану Матѳѣевичу да думному дворянину Івану Богдановичу Хитрово да дьякомъ Семену Титову да Андрею Селину да Евстрату Ѳролову да Лариону Иванову.

СПИСОКЪ. От царя і великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росиі самодержца в Кириловъ монастырь

богомольцу нашему архимандриту Моисею да старцу Павлу Ремезову з братьею. В прошломъ во ροд (1666) году июня въ ві (12) день по челобитью Хлѣбного дворца хлѣбника Данила Клементьева посланъ в Кириловъ монастырь подначалъ сынъ ево Данилковъ Степка за пьянство и за безчинство, а велѣно ево под началомъ держать до нашего великаго государя указу; и нынѣ билъ челомъ намъ великому государю хлѣбникъ Данилко Клементьевъ, что де тотъ сынъ ево Степка нынѣ в трезвости и намъ бы великому государю пожаловать ево: велѣть того сына ево взять ис под начала к Москвѣ. И какъ к вамъ сия наша великаго государя грамота придетъ і вы б того Степку прислали к намъ великому государю к Москвѣ, про тож да о томъ отписали, а отписку велѣли подать и про Степку обявить в Судномъ дворцовомъ приказе боярину и оружейничему Богдану Матѳѣевичу да думному нашему дворянину Ивану Богдановичу Хитрово да Воину Калинковичу Селиѳонтову да дьяку нашему Ивану Балакшину писано на Москвѣ. Лѣта ҂зροε (1667) апрѣля въ єі (15).

Позади подлинные грамоты справа подьячего Івана Дурасова.

СПИСОКЪ С ОТПИСКИ. Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великия и малыя и белыя Росиі самодержцу, твоего царскаго богомолія Успенія Пресвятые Богородицы Кирилова монастыря чернецъ Пахомей Спиридоновъ, келарь Павелъ Ремезовъ з братьею челомъ бьютъ. В нынѣшнемъ во ροε (1667) году маия въ ві (12) день прислана к намъ в Кириловъ монастырь твоя великаго государя грамота, а в ней написано: в прошломъ де ροд (1666) году июня въ ві (12) день, по челобитью Хлѣбенного дворца хлѣбника Данилка Клементьева, посланъ к намъ в Кириловъ монастырь подначалъ сынъ его Данилковъ Степка за пьянство и за безчинство, а велѣно его под началомъ держать до твоего великаго государя указу и нынѣ де билъ челомъ тебѣ великому государю отецъ его хлѣбникъ Данилко Клементьевъ, что сынъ его Степка нынѣ в трезвости; и по твоему великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росиі самодержца указу велѣно того Степку ис под начала свободить и прислать к тебѣ великому государю к Москвѣ и о томъ отписать, а отписку велѣти подать и про Степку объевить в Судномъ дворцовомъ приказе боярину и оружейничему Богдану

Матѳѣевичу да думному дворянину Ивану Богдановичу Хитрово да Воину Калинниковичу Селиѳонтову да дьяку Ивану Балакшину. І в нынѣшнемъ въ ҂зроє (1667) году маия въ гі (13) по твоему великаго государя указу и по грамотѣ Хлѣбеного дворца Степка Даниловъ в Кирилове монастырѣ ис подначала свобоженъ и отпущенъ к тебѣ великому государю к Москвѣ и велѣно ему отписку и ему Степкѣ обявитца в Судномъ дворцовомъ приказѣ оружейничему боярину Богдану Матѳѣевичу да думному дворянину Ивану Богдановичу Хитрово да Воину Калинниковичу Селиѳонтову да дьяку Ивану Балакшину.

СПИСОКЪ. От царя і великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росиі самодержца в Кириловъ монастырь архимандриту Моисею да келарю старцу Павлу Ремезову з братьею. По нашему великаго государя указу велѣно взять к намъ к Москвѣ ис Кирилова монастыря для подлиннаго розысканья Кирилова же монастыря похищенные казны и крестьянскихъ налогъ и смертныхъ убійствъ старца Аврамия Логинова да брата ево Ивашка Ѳедорова да старцевъ же Самойла Анѣженина, Корнила Кочку, горододѣлца Афонасия Рукинца, да монастырскихъ служекъ Данила Горбакова, Матюшку Булычова, Первушку Данилова, Максима Маленькова, да Максима ж Антуѳьева, Івашка Ипполитова да стрелѣцкого десятника Юрку Володимирова без замотчания и какъ к вамъ сия наша великаго государя грамота придетъ і вы б старца Аврамья Логинова да брата ево . . . . (см. в.) прислать к Москвѣ на монастырскихъ подводахъ с провожатыми тотчас и вѣсти ихъ велѣть бережно, чтоб з дороги нихто не ушелъ, а старца Аврамия Логинова з братомъ ево Івашкою Ѳедоровымъ не спущать да с ними ж прислать записные памятные и переписную тетрати Варлама Шекурина ҂зрѯи (1660) году, которые положены в монастырской казнѣ, да из крѣпостной казны бѣлые книги Вологоцкие соляные продажи старца Иосиѳа Васильева ҂зрѯѕ (1658) и ҂зрѯз (1659) годовъ, которые переписываны во ҂зрод (1666) году, и черные книги чернеца старца Матѳѣя Никифорова, что у старца Иосиѳа же Василева, да книги ж стрелѣцкаго десятника Юрки Володимирова збору полоненичныхъ денегъ, что збиралъ онъ Юрка с монастырскихъ слугъ и со вдовъ по десяти денегъ и по два алтына по четыре денги и по

десяти по семинатцати алтынъ з двора и прислать тѣ всѣ книги Кирилова монастыря за казенною печатью да о томъ о всемъ к намъ великому государю к Москвѣ отписали, а отписку и книги велѣли подать и про старцовъ и про слугъ и про Ивашко Ѳедорова и про десятника Юрку обявить в приказе Большого дворца боярину и оружейничему нашему Богдану Матѳѣевичу да думному нашему дворянину Ивану Богдановичу Хитрово да дьякамъ нашимъ Семену Титову, да Андрѣю Селину, да Евстрату Ѳролову да Лариону Иванову. Писано на Москвѣ, лѣта ҂зро҃е (1667) июля въ ѳ҃ (9) день.

Позади подлинные грамоты припись дьяка Евстрата Ѳролова, справа подячего Ѳедора Протопопова.

СПИСОКЪ. От царя і великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росиі самодержца на Белоозеро Кирилова монастыря архимандриту Моисѣю да старцу Пахомью Спиридонову да келарю старцу Павлу Ремезову. Билъ челомъ намъ великому государю из Киева Межигороцкаго монастыря постриженикъ черный попъ Анатолій: по обѣщанию де своему пришолъ онъ к Москвѣ Пречистой Богородице помолитися и наши государские пресвѣтлые очи видѣти на Москвѣ де явилися в приказе Малыя Росиі и по нашему великаго государя указу из Малоросійскаго приказу отведенъ бысть она на Кириловское подворье и приходя де к нему Московские люди говорили, что де быть ему подначаломъ и онъ де неискуствомъ с неразумия своего с Кириловскаго подворья ушолъ въ Воскресенской монастырь и за тое де вину сосланъ онъ в Кириловъ монастырь и того де монастыря старецъ Матѳѣй без нашего великаго государя указу и без твоего архимандрича вѣдома и соборныхъ старцевъ зтаковалъ его в кандалы и онъ де в той нужде и по се число страждетъ и намъ бы великому государю пожаловать, велѣть ево ис подначала ис Кирилова монастыря свободить. И какъ к вамъ сия наша великаго государя грамота придетъ і вы б чернаго попа Анатолия велѣли от оковъ свободить и быть ему по правиламъ иноческаго обѣщания у васъ в послушаніи неисходно в монастырѣ, что б безвѣстно не вышолъ і в мирское дѣло не впалъ. Писано на Москвѣ, лѣта ҂зро҃е (1667) июля въ к҃д (24) день.

Позади подлинные грамоты припись дьяка Еѳима Юрьева, справа подячего Ѳедора Берестова.

СПИСОКЪ. От государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержца в Кириловъ монастырь архимандриту Моисѣю да келарю старцу Павлу Ремезову з братіею. В прошломъ во ρо̃ (1662) году по нашему великаго государя указу посланъ подначало в Кириловъ монастырь за иступление ума Ѳедоръ Горсткинъ августа въ к̃ (2) день; билъ челомъ намъ великому государю Савинского Стороживскаго монастыря келарь старецъ Венияминъ Горосткинъ: писала де к нему вдова Ѳевронья, что сынъ ея Ѳедоръ Горосткинъ нынѣ в совершенномъ умѣ и намъ бы великому государю пожаловать: велѣть ево Ѳедора ис Кирилова монастыря ис подначала свободить. И какъ к вамъ сия наша великаго государя грамота придетъ и вы б Ѳедора Горсткина ис Кирилова монастыря ис подначала свободили без замотчанія, а котораго числа ево Ѳедора ис подначала свободить велите и о томъ бы еси к намъ великому государю отписали и отписку велѣли подать в приказе Большого дворца боярину и оружейничему нашему Богдану Матѳѣевичу да думному нашему дворянину Ивану Богдановичу Хитрово да дьякомъ нашимъ Семену Титову да Андрѣю Селину да Денису Савлукову да Лариону Иванову. Писано на Москвѣ. лѣта ҂зρо̃ѕ (1668) г. авг. въ г̃ (3) день.

Позади подлинные грамоты справа подьячего Ѳедора Протопопова.

СПИСОКЪ. От царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великия и малыя и белыя Росиі самодержца старцу Ефрему Потемкину. Указали мы великій государь тебѣ быть в Кириловѣ монастырѣ болшимъ строителемъ и росправные всякие дѣла вѣдать Крестнаго монастыря с старцомъ Исакиемъ и с прежними соборными старцы и чинить вамъ о всемъ противъ того, какъ было в томъ в Кириловѣ монастырѣ в прошлыхъ годехъ. И какъ к тебѣ ся наша великаго государя грамота придетъ и ты б былъ в Кириловѣ монастырѣ большимъ строителемъ и росправные всякие дѣла вѣдалъ Крестнаго с старцомъ Исакиемъ и с прежними соборными старцы и чинилъ о всемъ противъ того, какъ было в томъ монастырѣ в прошлыхъ годѣхъ; а вина б в томъ монастырѣ нихто не держалъ і пьяницъ

и мятежниковъ отнюдь бы не было, а буде которые старцы и слуги и крестьяне и всякие рабочие люди в томъ монастырѣ будутъ пьяницы и мятежники іли учнутъ ослушатца и ты б тѣхъ людей велѣлъ смирять по монастырскому ж обычаю. А какъ ты в Кириловѣ монастырѣ всякие дѣла примешь і росправные дѣла ж вѣдать учнешь и ты б о томъ к намъ великому государю отписалъ і велѣлъ отписку подать в приказе Большаго дворца боярину и оружейничему нашему Богдану Матѳѣевичу да думному нашему дворянину Ивану Богдановичу Хитрово да дьякомъ нашимъ Семену Титову да Андрѣю Селину да Денису Савлукову да Лариону Иванову. Писано на Москвѣ, лѣта ҂зрѻs (1668), Генваря въ г҃і (13) день.

Позади подлинные грамоты написано: ставъ а справа подьячево Ѳедора Протопопова.

На той же грамотѣ подписано рѻє (1667) году генваря въ ѕ҃і (16) день на Кириловское подворье в Аѳонасевъ монастырь, при немъ государеву грамоту. Приказу Большаго дворца подячей Ѳедоръ Протопоповъ.

СПИСОКЪ. От царя і великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя Росиі самодержца в Кириловъ монастырь архимандриту Никите келарю старцу Пахомию Спиридонову з братиею, Какъ к вамъ сия наша великаго государя грамота придетъ і вы б послали ис Кирилова монастыря в Ѳерапонтовъ монастырь к бывшему патриарху к старцу Никону белыхъ и черныхъ, оловянныхъ і мѣдныхъ судовъ сколко пригоже і отдали Степану Наумову, что б у него Никона судами было не скудно, а сколько какихъ судовъ и котораго числа к нему, старцу Никону, пошлете и вы б о томъ к намъ великому государю к Москвѣ отписали и велѣли отписку подать в приказе Большого дворца боярину и оружейничему нашему Богдану Матѳѣевичу да думному нашему дворянину Ивану Богдановичу Хитрово да дьякомъ нашимъ Семену Титову да Андрѣю Селину да Денису Савлукову да Лариону Иванову. Писано на Москвѣ, лѣта ҂зроѕ (1668) генваря.... день.

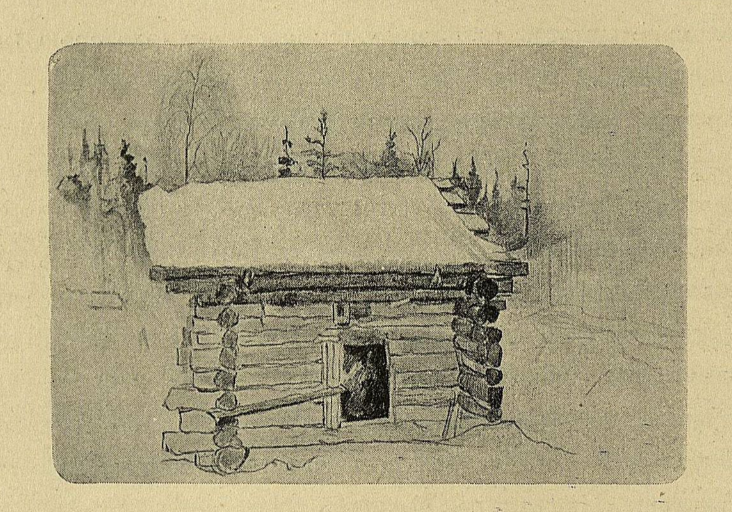
У подлинные грамоты справа подячево Ѳедора Протопопова.

На той же грамотѣ подписано: рѻѕ (1668), генваря въ к҃ѕ (26) день, подалъ сю великаго государя грамоту Ѳерапонтова монастыря служка Василей Игумновъ.

СПИСОКЪ. От царя і великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росиі самодержца в Кириловъ монастырь архимандриту Никите да строителю болшому старцу Ефрему Потемкину з братьею. В прошломъ во ро҃є (1667) году по нашему великаго государя указу и по грамотѣ ис Приказу Большого дворца к сыскному дѣлу ис Кирилова монастыря старцы Корнило Кочка да Самоило Онѣжанинъ для допросовъ и очныхъ ставокъ с старцемъ с Матѳѣемъ Никиѳоровымъ, что они, старцы, будучи в Кириловѣ монастырѣ, учинили по ево старца Матѳѣя приказу: Корнило Кочка перелом(алъ) ноги прежнему келарю старцу Илье Ивицкому и от тѣхъ побои лежитъ в болнице, никуды не ходитъ, а Самойло Онѣжанинъ правилъ немѣрнымъ правежемъ монастырские вотчины села Сизмы на крестьянехъ денежные доходы и от того ево Самоилова немѣрнаго правежу многие крестьяне лежали недѣли по двѣ и по три, а деревни Родины крестьянинъ Ивашко Прокофьевъ лежалъ отъ ево Самоиловыхъ побои шесть недѣль и умеръ. І ныне мы великій государь указали тѣмъ старцомъ Самоилу и Корнилу за то учинить наказание монастырское в монастырѣ при всей братие и учиня наказаніе велѣли имъ быть в Кириловѣ монастыре попрежнему. І какъ к вамъ ся наша великаго государя грамота придетъ і вы в Кириловѣ монастырѣ старцомъ Корнилу Кочкѣ да Самоилу Онѣжанину за ихъ плутовство учинили наказание монастырское при всей братіе, а учиня, велѣли имъ быть в монастырѣ по прежнему з братьею. Писано на Москвѣ. Лѣта ҂зрѯ҃ѕ (1658) г. генваря въ є҃і (15) день.

Подлиную государеву грамоту писалъ подячей Ларионъ Арбабевъ.

На той же грамоте подписано ро҃ѕ (1668) генваря въ л҃ (30) день в Кирилове монастырѣ на соборѣ архимандриту Никите подалъ государеву грамоту служка Данилко Зиновьевъ.

Лѣсная караулка на берегу рѣки Еломы.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Бумаги церкви Зачатія св. Анны, что на Раменьѣ Кирилловскаго уѣзда, Новгородской губерніи.

[2]) Описаніе историко-археологическое древностей и рѣдкихъ вещей, находящихся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, составленное Архимандритомъ Варлаамомъ. М. 1859. Стр. 6.

[3]) Тамъ же, стр. 56.

[4]) Въ 1645 году была выстроена надъ могилами кн. Телятевскихъ церковь во имя св. Епифанія Кипрскаго. Основатель ея кн. Θедоръ Телятевскій. Теперь на мѣстѣ могилъ князей Воротынскихъ и перваго изъ нихъ, лишеннаго сана Владиміра Ивановича Воротынскаго церковь, во имя св. Владиміра.

[5]) Грозный по поводу построенія этой церкви въ 1554 году писалъ въ посланіи къ игумену Козьмѣ: «А вы се надъ Воротынскимъ церковь есть поставили! ино надъ Воротынскимъ церковь, а надъ чудотворцомъ нѣтъ; Воротынской въ церкви, а чудотворецъ за церковью.... Слышахъ брата нѣкоего глаголюща яко добрѣ се сотворила княгиня Воротынского, азъ же глаголю, яко не добрѣ, по сему первое яко гордыни есть и величанія образъ еже подобно царьстѣй власти церковью и гробницею и покровомъ почитатися; и не токмо души не пособь но и пагуба: души бо пособіе бываетъ отъ всякаго смиренія. Второе, и се зазоръ не малъ, что мимо чюдотворца надъ нимъ церковь». (А. И., т. I, № 204, с. 380. Н. Никольскій, стр. 32). На стѣнѣ уцѣлѣла надпись: «Лѣта 7054 (1546) Октября 27 преставился рабъ Божій, благовѣрный князь Владиміръ Іоанновичь Воротынскій». (Ист. стат. описаніе Кир. Бѣлоз. монастыря сост. Іеромонахъ Геронтій, с. 69). Здѣсь же похороненъ умершій отъ пытки на огнѣ кн. Михаилъ Воротынскій, прославившійся въ сраженіи противъ Девлетъ Гирея (тамъ же стр. 70).

[6]) Надежда на то, что могильныя плиты Шереметевыхъ находятся гдѣ нибудь подъ поломъ пристройки, врядъ ли остается. Вѣроятно всѣ онѣ попали на мощенную дорожку отъ собора къ настоятельскимъ келіямъ, какъ объ этомъ сообщалось въ трудахъ перваго археол. съѣзда въ Москвѣ 1869 (I, М. 1871, стр. 72—73). Упоминаніе о томъ же находимъ и у Шевырева, который въ своей «Поѣздкѣ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь» говоритъ: «*плиты двора привлекали меня своими надписями или обрывками надписей.* Монастырь Кирилловъ послужилъ, какъ мѣстомъ временнаго убѣжища, такъ и мѣстомъ вѣчнаго успокоенія для столь многихъ славнихъ родовъ древней Руси. Это, конечно, память тѣхъ могилъ, которыми удобрена земля обители». (Русск. писатели о св. мѣстахъ стр. 38). Остается только обратиться къ тѣмъ записямъ о могилахъ, какія заносились въ монастырскія описи. Изъ рукописи Софійской библіотеки № 1168 XVII в., л. 260—262, узнаемъ нѣкоторыя подробности погребенія. Въ выпискахъ изъ «вкладныхъ книгъ» читаемъ:

40. Княгиня инока Агаѳья Шереметевыхъ лежитъ у Успенія въ паперти на лѣвой сторонѣ подлѣ отца своего Іоны.

41. Алексѣй Федоровичъ Шереметевъ лежитъ въ предней паперти на лѣвой сторонѣ подле дѣда своего Ивана Меньшово.

43. Ефросинія Федора Ивановича Шереметева жена лежитъ въ передней паперти идучи въ церковь на лѣвой сторонѣ. Надъ ней камень бѣлъ подписанъ.

52. Федоръ Ивановичъ во иноцѣхъ Θеодосій Шереметевъ лежитъ у соборной церкви въ передней паперти на лѣвой сторонѣ межъ сына своего Алексія и жены своей Ефросиніи. Камень надъ нимъ бѣлъ подписанъ. (Н. Никольскій, Прилож. стр. LV и LVI).

[7]) А. П. Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ, т. I, с. 73—85.

[8]) А. П. Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ, т. I, с. 132.

[9]) А. П. Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ, т. I, с. 250—252.

[10]) А. П. Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ, т. I, с. 344.

[11]) А. П. Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ, т. I, с. 310.

[12]) А. П. Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ, т. I, с. 317—320.

[13]) А. П. Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ, т. I, с. 434.

[14]) А. П. Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ, т. III, гл. VIII, с. 137—159.— Хранившійся въ ризницѣ монастыря стаканъ Ѳ. И. Шереметева былъ въ 1812 году вмѣстѣ съ многими другими вещами всего на 1 п. 17 ф. 60 зол. пожертвованъ на Государственное ополченіе. На немъ была надпись: «Достоканъ Боярина Ѳеодора Ивановича Шереметева, вѣсу въ немъ гривна, шесть золотниковъ». (Описаніе Арх. Варлаама, стр. 4 и 85).

[15]) Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Вакаціонные дни профессора С. Шевырева въ 1847 году. Въ двухъ частяхъ. Съ 25 рисунками (литог.) М. 1850. Библіографическая рѣдкость. Отрывокъ помѣщенъ въ общедоступной книгѣ: «Русскіе писатели о святыхъ мѣстахъ» ред. Ѳ. Берга.

[16]) Николай Никольскій. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и его устройство до второй четверти XVII вѣка (1397—1625). Томъ первый, вып. Объ основаніи и строеніяхъ монастыря, съ прилож. 52 рис. и хромолитогр. Спб. 1897.

[17]) Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 году. Дневникъ П. И. Челищева изданъ подъ наблюденіемъ Л. Н. Майкова. Изд. Об. Люб. Др. Письм. LXXV. Спб. 1886. Съ рисунками и чертежами. Рукопись пріобрѣтена гр. С. Д. Шереметевымъ въ Москвѣ въ 1883. О Челищевѣ см. предисловіе редактора.

[18]) Письмо Никона напечатано въ исторіи С. М. Соловьева. Къ сожалѣнію оно приведено имъ не въ подлинникѣ, а въ переводѣ. См. т. XI, с. 384—387.

[19]) И. Брилліантовъ. Ѳерапонтовъ Бѣлозерскій нынѣ упраздненный монастырь, мѣсто заточенія патріарха Никона. Къ 500—лѣтію со времени его основанія 1398—1896. Съ приложеніемъ очерка «Патр. Никонъ въ заточеніи на Бѣлѣозерѣ» съ 32 рисунками. Спб. 1899. Ц. 2 р. Г. Брилліантовъ мѣстный уроженецъ.

[20]) Въ Петропавловской церкви священникъ показалъ мнѣ рукопись въ листъ, на 25 листахъ; вѣроятно копія съ писцовой книги, скоропись XVIII вѣка. Изъ нея видно, что одна изъ старыхъ церквей была шатровая: «Вещеозерскія волости Петровской приходъ, а въ немъ погостъ, а на погостѣ церковь святыхъ славныхъ и всехвальныхъ верх. апос. Петра и Павла, деревяная, *шатровая* с папертью. Церкви ж предѣлъ св. муч. Ѳлора и Лавра.... Другая церковь вел. святителя Николя чудотворца теплая съ трапезою.... Въ тожя церкви предѣлъ преп. отца Александра Ошевенскаго чудотворца.... Далѣе значится, что въ церкви ап. Петра и Павла «книгъ два евангелія напре стольныя *письмяные* евангелисты мѣдные, апостолъ печатный, тріодь постная да мѣсячныхъ минѣй мѣсяцы декабрь, апрѣль, іюнь, іюль печатныя, да писмянныхъ книгъ шестодневъ ветхъ, минѣя общая ветха, тріодь цвѣтная, два Златоуста, три пролога во весь годъ, книга житія и служба Александра Ошевенскаго, житіе Николы чудотворца, да псалтырь, да часовникъ писмянные жъ». Въ предѣлѣ св. Ѳлора и Лавра «книгъ... письменные праздники и *трезвоны* святыхъ, знаменные в тетратехъ.... Да на погостѣ в кельѣ просвирница Соѳица, да шесть килей, а въ нихъ живутъ нищие питаются отъ церкви Божіи».

[21]) Къ сожалѣнію, записывать все произносившееся съ соблюденіемъ всѣхъ оттѣнковъ мѣстнаго говора не было возможности. Приведу только нѣкоторыя особенности: *к*ороводы, рыц*ыл*ь, с*л*ободушка, скочилъ, Кеевъ, хо*ч*ю*т*ъ, кореньи*ч*емъ, води*ч*а, коне*ч*ь, ули*ч*а, Муром*ч*а, ли*ч*о, *ж*амками, листъиче, крова*л*ая, воскросенъскую, звеличать, посла*ль*ники, сучей сынъ, пр*е*, со*шш*италъ, востр*и*, за*шм*урилъ, къ ему, *ш*то, у не*е*, опусти, съ вѣсью, *М*икули*ш*на, о св. Рус*ѣ*.

[22]) Мѣстный говоръ: п*ы*лачь, Румян*ч*овъ, п*ы*рислалъ, изъ сѣд*ы*ла.

[23]) Особенности говора въ сказанныхъ и спѣтыхъ Араповымъ пѣсняхъ (стр. 81—86): свин*ч*евая, взд*ы*хни, у темни*чи*, некто, *не* не, закр*ы*ч*ю*, расторзайте, коку*ш*ечка, воскокова*ла*, свищетъ, нинасн*ева*, отсичена, *ево*, *иво*, видю*т*ъ, к*ы*пар*ы*сно, гнет*ъ*се.

[24]) Вср*ѣ*ту вм. встрѣчу, сравнился, по *ш*и*ш*окъ, седержитель есь, про*ш*ь вм. прочь, позад*ѣ*, он*ѣ* вм. они, ве*ш*и, эвтой, госпо*ч*кое вм. господское, дрем*и*тъ, *ш*то, то*ш*н*е*, вм. точно.

25) Чарство, корапь, пехнула, мистечка, енъ вм. онъ, погину вм. погибну, издѣсь, воя путь надлежитъ, ствержитъ, трое сутки, поросечей, силенье, осередь, крестъ, дѣвичя.

26) Плещамъ.

27) Траванька, возлѣ рѣченьку, солдачскіе, туречское.

28) Пожальчая, миня, ресованная, ище, докуль, билилами, руменилась, писни, умій, не скуписе, гумажки, Олексію, сидилышка, пероги менѣ.

29) Сопротивъ, собулемъ, посмирняе, риченька, нидиленька, Яруславъ, Орина, Енъ.

30) Сличенный текстъ всѣхъ доселѣ напечатанныхъ губныхъ грамотъ XVI и XVII вѣка; Студ. Юрид. Фак. В. Ерлыковъ. М. 1846. стр. 5.

31) Описаніе церквей въ с. Кубенскомъ подробно составлено св. Н. Богословскимъ съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ подробностей о населеніи.

32) Тамъ-же.

ПЕРЕЧЕНЬ РИСУНКОВЪ И ФОТОГРАФІЙ.

УКАЗАТЕЛЬ

именъ личныхъ, предметовъ и географическихъ названій.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

2010456439